

ISS № 0130-3600

საქართველო
ბიბლიოთეკა

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

5

1986

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- ИОСИФ ГРИШАШВИЛИ.** Стихи. Перевела
Галина Павловская 3
- ЛАДО АВАЛИАНИ.** Деревянная ложка.
Рассказ. Перевела Д. Владимирова 4
- БЕСИК ХАРАНАУЛИ.** Стихи. Перевел Эли-
збар Ананиашвили 11
- ГРИГОЛ ДЖУЛУХИДЗЕ.** Стихи. Перевел
Дмитрий Дадешкелиани 16
- ЛАЛИ БРЕГВАДЗЕ.** Рассказы. Перевела
Виктория Зинина 18
- ВАНО УРДЖУМЕЛАШВИЛИ.** Дети — мате-
ри. Главы из романа. Перевела Мар-
гарита Гржендзица 63
- НИКОЛАЙ ЛЯТОШИНСКИЙ.** Чито, гврито...
Рассказ. 102

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- САРГИС ЦАИШВИЛИ.** Наследники богатых
традиций. О путях развития грузинской
поэзии. Перевел Сергей Серебря-
ков 111

5

1986

НАТАЛЬЯ ПОЛТАВЦЕВА. Слово и камень. О прозе Гурама Дочанашвили	139
ГУРАМ ГАВАШЕЛИ. Великий патриот. Концепция личности Георгия Саакадзе в историографии, грузинской художественной литературе и в романе-эпопее А. Антоновской «Великий Моурави»	149
К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ	
НИНО ЧИХЛАДЗЕ. «Ныне я, к счастью, не одинок...»	163
ПАМЯТИ АРНОЛЬДА ЧИКОБАВА	
Патриарх кавказоведения	174
ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ	
МЕДЕЯ ДЖАПАРИДЗЕ. Дорогой нашему се- рдцу дом.	183
СОЛОМОН ХУЦИШВИЛИ. Верность грузин- ской литературе, верность дружбе	189
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ	
СТАНИСЛАВ ЛАКОБА. Отражения в ма- леньком зеркале	201
ИСКУССТВО	
НАТАЛЬЯ БЕРУЧАШВИЛИ. Главная тема — народный подвиг	210
ЛАРИСА ФОМЕНКО. «Роскошный грузинский бас»	215
ХРОНИКА	222

Иосиф ГРИШАШВИЛИ

СОСТАРИЛСЯ! НЕТ!

Когда-то, спасаясь от бед и тоски,
Узнал я любовь огневую.
Пронесятся годы, седеют виски,
Но, как прежде, люблю я!

Состарился? Нет! Аромат у стихов
Теперь и нежней, и острее.
Поэта всю жизнь окрыляет любовь —
А любовь не стареет!

Кто омут метехский сумеет смирить?
Кто сдержит бегущие годы?
Нет, сердце не может любовь укротить,
Как Кура — свои воды.

Но если усталость подломит меня,
Как дерево с высохшей кроной,
Расстаться с тобой, дорогая моя,
Не смогу я без стона.

Состарился? Нет! Аромат у стихов
Теперь и нежней, и острее.
Поэта всю жизнь окрыляет любовь —
А любовь не стареет!

Перевела Галина ПАВЛОВСКАЯ

Ладо АВАЛИАНИ

ДЕРЕВЯННАЯ ЛОЖКА

Р а с с к а з

... **Н**А проспекте безлюдно, словно сейчас не полдень, а полночь. Стоит ранняя весна, еще достаточно прохладно, но прохожие выглядят вялыми и изнуренными, как в августовскую жару. И неудивительно, что рыжеватый подтянутый мужчина, бодро шагающий по улице, невольно привлекает к себе внимание. Он появился в Тбилиси сравнительно недавно, но все уже знают нового коменданта города. За ним следует чернявый адъютант, и комендант надеется на него больше, чем на свой парабеллум. Да, он совершенно спокоен и уверен в себе, потому что он находится под охраной своего адъютанта и жесткого закона военного времени. Малейшее нарушение порядка и... не надейтесь на прощение. Все в городе знали, как поплатились удравшие из госпиталя матросы, ввязавшиеся в драку возле базара: даже лавры защитников Севастополя не помогли отчаянным парням. Суровость коменданта сквозит в его пронизывающем взгляде и тогда, когда он улыбается...

Перевела
Д. ВЛАДИМИРОВА

Леван уже ждал меня в условленном месте — возле памятника Руставели. Он завороженно смотрел на коменданта и не заметил моего появления. Я подошел и легонько ткнул его в спину. Он вздрогнул и оглянулся.

— Испугался?

— Да нет, просто не ожидал... Пошли, что ли?

Столовая, где мы с Леваном ежедневно обедаем, оказалась закрытой. На бумажке, приклеенной к стеклу изнутри, крупными буквами было выведено: «Сегодня обед с двух часов». А было без четверти час. Некоторое время мы молча топтались возле столовой, раздумывая, где бы провести этот час. И тут Леван предложил:

— Пошли в зоопарк!

Сначала я согласился, но потом передумал: не лучше ли подождать возле столовой, когда она откроется, мы будем первыми. Ждать за закрытой дверью легче, чем стоять внутри в ожидании свободного стола и наблюдать за тем, как едят другие. Но Леван схватил меня за руку и повлек за собой.

В зоопарке мы оказались единственными посетителями. Первым, кого мы увидели здесь, был белый медведь. Он стоял на задних лапах, ухватившись передними лапами за толстые прутья решетки, и качал головой. Поняв, что мы пришли без гостинца, он опустился на четыре лапы, обнюхал оставшийся от завтрака рыбий хвост и так спокойно плюхнулся в холодную воду бассейна, что нас пробрала дрожь.

— Пойдем посмотрим львов, — сказал Леван, и я молча последовал за ним. С обнесенного парапетом косогора были хорошо видны плотные ряды клеток, где обитали львы, тигры, ягуары и волки. Первая клетка была пуста, а во второй лежали лев и львица. Рядом валялась огромная кость с мясом. Когда мы подошли к клетке, лев лениво посмотрел на нас и тут же отвернулся.

— Они, вероятно, только что позавтракали, и им не до нас, — усмехнулся Леван. — Известное дело, сытый голодного не разумеет.

— Краем глаза он все же взглянул на нас. Царь все-таки, не какая-нибудь мелкая тварь...

— Царь царем, но война и его порядком потруси-

ла, гляди, как ввалились бока, ребра можно пересчитать... И плешивый какой, бедняга!

Словно услышав наши слова и найдя их оскорбительными, лев приподнялся сначала на одну лапу, затем на другую, с превеликим трудом встал на все четыре лапы и уже собирался шагнуть в нашу сторону, как бессильно вильнув задом, словно подкошенный, повалился на пол. Мы глазам своим не верили. Лев не попытался подняться, он лежал и жалобными глазами смотрел на нас. Вслед за ним львица вытянула лапу, придвинула к себе кость, лениво схватила ее зубами, но тут же выпустила и стала лизать свою лапу. Лев равнодушно взглянул на нее, казалось, он вовсе не замечал кости. Странно, ведь они голодны, это очевидно, перед ними лежит еда, а они не притрагиваются к ней.

— Что с ними? — спросил я удивленно.

— Наверное, мясо недостаточно свежее, вот они и обиделись, — догадался Леван. — Ведь это очень гордые звери, и даже голод не может их сломить.

— Возможно, ты и прав, — прошептал я.

Мы отошли от клетки со львами и пошли в глубь зоопарка. Останавливались возле других клеток, о чем-то говорили, даже шутили, но все время меня неотступно преследовал взгляд голодного льва. Ничего, думал я, вот придем в столовую, и я отвлекусь. Но напрасно. Голод и какой-то непонятный страх смотрели на меня глазами того льва.

Мы подошли к столовой в ту самую минуту, когда открыли двери, так что ждать нам не пришлось.

Свою порцию обеда мы как всегда проглотили в мгновение ока. Много ли надо, чтобы съесть тарелку чечевичной похлебки и порцию грубых и недоваренных макарон. До войны я даже на спор не рискнул бы попробовать такие макароны. Ничего лучше, чтоб отбить у человека аппетит, и не придумаешь.

Мы с Леваном обедаем здесь по талонам, выданным нам нашей организацией. В этом огромном зале с колоннами до войны был ресторан, светлый и уютный. Теперь его не узнать. Куда подевались дорогие, обитые кожей стулья, яркие светильники? Столы покрыты выцветшей обшарпанной клеенкой, зал напоминает скорее пристанище беженцев, нежели столовую. И обслу-

34935921
100333

живают здесь соответственно. Приходится долго ждать, пока на тебя обратят внимание чудом оставшиеся в этой столовой официантки. Но если тебе все-таки повезло и ты вовремя получил свою порцию обеда — радоваться преждевременно: теперь жди, когда официантка снова подойдет к тебе, чтоб ты расплатился.

В столовой народу мало, и все на одно лицо — изможденные, худые, полусонные. Одни торопливо едят, другие заворуженно, как кошка на дичь, смотрят на лениво двигающихся между столиками двух официанток. Единое чувство владеет людьми, пришедшими в столовую — чувство голода. Весна тысяча девятьсот сорок второго настолько обострила его, что люди стали понимать, как много значит тарелка чечевичной похлебки и грубых макарон.

Глухой гул столовой вдруг перекрыло шипение репродуктора, висевшего в простенке между крайними окнами, потом послышались хрипы, словно кого-то душили, и наконец диктор начал передавать сводку информбюро. Мы слушали затаив дыхание, боясь узнать новости страшнее тех, которые уже были известны. Правда, враг разгромлен под Москвой, но теперь он двинулся на юг. Время от времени радио хрипит, и мы не понимаем, что говорит диктор. Тем временем неуклюжая официантка появилась возле нашего стола, и мы подозвали ее. «Имейте терпение», — бросила она и по пути прибавила к горе прижимаемых к груди тарелок еще несколько. Верхняя тарелка соскользнула, упала на пол и разлетелась вдребезги. На какое-то мгновение это отвлекло внимание обедающих от радио. Кто-то улыбнулся. Вот ведь как бывает: даже такая мелочь, как разбитая тарелка, может повлиять на настроение человека.

— До чего же неповоротливая! — проворчал я.

— И с чего она так раздобрела в голодуху? — поддержал меня Леван.

— Ты представляешь, какой у нее луженый желудок, если она объедается этими макаронами? — засмеялся я. Критику официантка заслужила в отместку за то, что заставила нас столько ждать.

— Разве ты не видишь, что здесь работают слу-

чайные люди, ни одного профессионального официанта!

Когда мы только переступили порог столовой, нам, естественно, было не до подобных замечаний, но теперь — другое дело. Мы утолили голод и если поначалу не видели ничего, кроме ломтиков хлеба и тарелок, то теперь замечали даже мух, роившихся над разлитым на клеенке супом.

— Помню, несколько лет назад, — обернулся я к своему другу, — в одном из кутаисских ресторанов из-за чего-то повздорили несколько официантов, кажется, их было четверо. Вот это была картина! Мне и по сей день видится, как реяли в воздухе белоснежные полотенца. Правда, до рукопашной дело не дошло, но ты бы видел, как они жестикулировали, видел бы их лица, слышал бы их речи! Ни в одном спектакле ты, наверняка, не видел такого!

— Возможно... — проговорил Леван.

По тону, которым он произнес это слово, я почувствовал, что стычка официантов его не заинтересовала. Он был поглощен другим. Я не знал, что происходило там, куда мой друг смотрел с таким нескрываемым интересом. Повернув стул и облокотившись рукой о спинку, я оглядел обедающих.

В середине зала за столом, покрытом голубой клеенкой, сидели две женщины. Молодая деревянной ложкой ела суп, а старуха кончиком ножа ловко подкалывала макароны и, почти не жуя, торопливо глотала их. Она была беззубой и, когда жевала, ее старческие щеки морщились.

Девушка была красива, я заметил это с первого взгляда. Чуть покатые плечи, худая высокая шея, каштановые волосы и огромные серые глаза.

— Что, понравилась? — спросил я с улыбкой Левана.

— Кто?

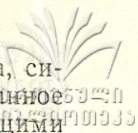
— «Кто!..» — передразнил я его. — Не притворяйся, я все вижу. Да та, с кого ты глаз не сводишь...

— А ты откуда знаешь, на кого я смотрю?

— Тоже мне загадка...

— Представь себе, я смотрю не на девушку, а вон на того парня. Он или ловелас, или сумасшедший, одно из двух.

Я снова посмотрел в глубину зала. Через два сто-

ла от того, за которым обедали девушка и старуха, сидел парень. Он и в самом деле производил странное впечатление. Упершись локтями в стол, он горящими глазами напряженно смотрел на девушку и словно готовился к прыжку.

Одет он был чисто и опрятно — черный пиджак, белая сорочка, яркий галстук... Видимо, он не хотел изменять своим привычкам, несмотря на такую захудалую трапезу.

— И в самом деле странный парень... — проговорил я.

— Как бы ни нравилась тебе девушка, разве можно на нее так глазеть?

Вероятно, почувствовав его пристальный взгляд, девушка низко опустила голову. О чем она думала в эту минуту? Может быть, ей даже нравилось, что парень так настойчиво и упорно смотрит на нее, в то время как другие думают только о еде.

Мы с Леваном продолжали наблюдать за парнем, а он, нервно поглаживая левой рукой щеку, не спускал глаз с девушки.

Неожиданно перед нами возникла наша мучительница-официантка и мы расплатились.

— Кто эта девушка? — спросил Леван у официантки, которая стала вытирать наш стол. Она, не отрываясь от своего дела, произнесла:

— Эти?.. Да они каждый день здесь обедают. Бабушка с внучкой...

Вытерев наш стол, официантка перешла к соседнему столику. Я невольно заметил, что нагрудные карманы у нее набиты смятыми бумажными деньгами, и эти туго набитые карманы еще больше безобразили ее.

Тем временем девушка съела суп и едва успела положить ложку на стол, как парень вскочил, одним прыжком преодолел расстояние между их столами и схватил деревянную ложку. Девушка в испуге откинулась на спинку стула, потом удивленно оглянулась и... улыбнулась. Это была улыбка изумленного и сконфуженного человека. Человека, который трепетно берег в глубине своей души какую-то тайну, но тайна эта оказалась пустышкой.

Парень уже сидел на своем месте и, постукивая по столу ложкой, то и дело поднимал ее кверху, пытался обратить на себя внимание официантки. И тут мы с Леваном все поняли. Как же мы раньше не догадались?! Ведь обед приносили только тогда, когда ты обзаводился ложкой! И парень наконец-то заполучил ее! Лицо его горело, нетерпеливо поднимая ложку, он указательным пальцем другой руки дергал воротник сорочки, хотя, судя по всему, воротник ему не жал, и уже не обращал на девушку никакого внимания.

Мы ушли из столовой и отправились каждый по своим делам. Но удивительно — долгое время после того памятного обеда мерещились мне та деревянная ложка и глаза голодного льва.

Я снова посмотрел в ладони и увидел...

ИЗ ЦИКЛА «МИНУТЫ И МГНОВЕНИЯ»

●
Мама, скажи
этим полям и склонам, и взгорьям,
этим селам и этим городам,
этим людям — мужчинам и женщинам:
пусть вернут тебе сына.

Отбери у всех
по частице моего существа,
сложи к себе в подол,
уйди подальше отсюда,
сядь где-нибудь на зеленом лугу
под тенистым деревом, у реки,
и нанижи меня сызнова,
с самого начала.

●
Чему ты рада,
декабрьская роза?
Не видишь этих
садов пустынных
и этих мерзлых,
голых деревьев?
И что за счастье
здесь уродиться?
А если этой
хотела почвы,
что ж не могла ты
весны дожждаться?

●
Оказаться бы вдруг
на далекой звезде,
откуда долго

сюда добираться;
а когда доберусь —
чтобы мне сказали:
— Где ты?

Все давно уж устроено,
все готово.

Принимай, распоряжайся.

●
Когда ты один,
совсем один,
сидишь за столом
и ешь, и пьешь —
почему тебе кажется,
что кто-то нынче
ушел отсюда,
что совсем недавно
вас было двое?

●
Матери нам всем не хватает,
матери —
не этой,
с лицом, изборожденным морщинами,
а той, великой матери,
скрывающей под опущенными веками
мгновения нашего стыда.

●
Это было в прошлом году...
О, как хорошо,
что все это случилось
в минувшем году —
а в нынешнем уже наступил апрель,
и ни сам я, ни кто другой
не нарушил еще моего покоя.
Я никуда, никуда не тороплюсь,
сизжу и спокойно
затачиваю кончик карандаша.

●
Чужое мнение о тебе...
Не для того ли нам дан затылок,
чтобы его почесать?

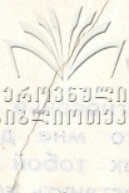
●
Мгновенье счастья,
что мне делать с тобой,
как тобой овладеть,
растянуть тебя на столетье,
заставить состариться в моем доме?

●
Я — всадник, а конь мой —
мое же сердце,
я шпорой язвлю его
и мчусь — э-ге-гей!
Выходите все, смотрите:
кому не хватает друга,
сына, мужа — я здесь,
я, рыцарь, избранный среди избранных,
всадник, скачущий на сердце своем.

●
Откройся, небо,
покажи свои глубины!
О чем я задумался? Неужели о том,
как всплывет над водой еще раз
спина кита и вновь погрузится в волны,
как скользнет ручей
в иссохшую землю...
Точно твой язык,
приласкается, подольстится
и спрячет, отдернет голубой свой кончик,
исчезнет.

●
Какой вдруг оказывается укромной природа,
стоит лишь объявиться новой паре влюбленных —
обступает их,
застывших в мечтательной дреме,
окутывает легким, тонким покровом
и остерегает нас:
— Не трогать! Это мое!

●
Стоило мне подумать,
что я, наконец, засыпаю,

как вдруг заплакал ребенок.
О, он остался один-одинешенек
в моих снах.

●

Если бы красавицу из красавиц
заперли в башне,
за девятью замками,
чтобы глаз человеческий
не увидел ее ни разу,
и так увяла бы ее красота,
так она провела бы свой век,
что ни разу
не услышала бы мужского вздоха...

●

Нежданно-негаданная луговина в лесу,
словно нарочно возникшая для того,
чтобы облегчить твое омраченное сердце...
И тут же — родник,
и ты утоляешь жажду...
Ты счастлив. Какая же малость
нужна человеку!

●

Мне грустно в этой квартире,
я здесь в четырех стенах
дома, которого еще нет,
в котором никто не хлопочет,
не смахивает пыль заботливой рукой,
не обводит задумчивым взглядом потолок,
не ставит цветов
на подоконник.

●

Где только я ни бывал,
у чьих только я калиток
не привязывал своего коня!
Всюду я оставлял
какую-нибудь из своих личин:
где — рыцаря,
где — бражника,

где — забияки,

где — труса.

Я же сам, я — настоящий
остался неведомым никому.

Пусть летят дни за днями,
их стремленье
все более отдаляет тебя
от былых путей,
тех, что изменили тебя,
сделали другим.

Слова...

Обманчивые и неверные,
те, что перебирают по своей прихоти
наши чувства и мысли.

Слова...

которыми называем
то, что нам опостылело,
то, что разлюбило наше сердце.

Слова...

которыми можно высказать
еще и еще раз
то, чего мы не думали никогда.

Что, если я,
переполненный до краев
ликованием
этой прекрасной весны,
внезапно взорвусь
и рассыплюсь на тысячи тысяч
сверкающих осколков...
Хватит ли на всех,
достанется ли каждому
по частице радости?

Перевел Элизбар АНАНИАШВИЛИ

Ушел мой отец, но все же оставил улыбку,
собой он прикрыл пулемет, на нас наведенный.
Три выстрела остановил, не так уж и много,
пока мать молилась за трех своих сыновей.

Не мог я заснуть, все верил луне восходящей,
все чувствовал листьев боль, уцелевших на ветке,
и птичью тоску улетающих в теплые страны,
какую же сильную Вера знает Любовь.

ПРОСТАЯ ФИЛОСОФИЯ СТЕНЫ

Из цикла «Крепостная стена в центре города»

Лежу...

Лежу, прильнув щекой к стене.
Тепла стена бревенчатого дома.
Там, за стеною, пахота. Лежу,
к стене прильнув щекой. Тепла стена.
За ней темнее борозда от плуга,
то дед мой пашет землю. У огня
уж подставляет бабушка кастрюлю
и кормит солнцем и зернистой солью
новорожденный день. След за стеной
от плуга. Как тепла моя стена.
Вселенная вращается. И спорит
стена неумолимо со стеною:
потрескавшейся,
неприступной,
взятой осадой,
подлежащей разрушенью.
Вселенная вращается. И спорит,
привычно спорит со стеной стена.
Не выношу, когда коврами стены

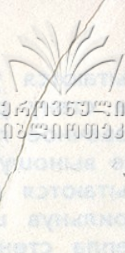
საქართველოს
წიგნების კავშირი

пытаются укрыть, спешат повесить
на стену раззолоченные шторы,
извечное подобие кулис...

Не выношу, когда коврами стены
пытаются прикрыть. Лежу, к стене
прильнув щекой. Тепла моя стена.
Тепла стена бревенчатого дома.
Там, за стеною, пахота. И мнится мне,
что предо мной вдруг расступились стены
и в борозду лечу я, как зерно.

Перевел Дмитрий ДАДЕШКЕЛИАНИ

РАССКАЗЫ

Перевела Виктория ЗИНИНА

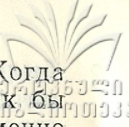
НЕОКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ

НАКОНЕЦ-ТО подошли к концу рабочие часы, ми-нул еще один день. Сейчас он пойдет домой, передохнет, насладится созерцанием «Подсолнухов» Ван Гога, соберет растраченную за день энергию и вновь приступит к работе — тяжелой, мучительной, но любимой.

Случается, человек живет, словно проклятый кем-то, обреченный на вечные мучения. Жалобами на судьбу тут не поможешь — он понимал это. Сколько было растрчено сил, пролито пота, прежде чем он достигал желаемого. И все равно, несмотря ни на что, он находил в этой работе отдохновение.

Какое холодное здание!.. Слава богу, наступила весна и потеплело... Этот коридор всегда напоминает ему глухой и темный тоннель, ведущий в склеп, куда торжественно входишь мертвецом и откуда нет пути назад. Пыль не означает вечность, и молчание не есть покой. А все же как можно его обрести? Неужели есть на свете сокровище, равноценное покою? Может быть... Может быть... Эти два слова для него не просто безобидные слова, к которым прибегаешь в разговоре, или же ступень для спокойного перехода от одной мысли к другой, а напряженное, почти мистическое состояние сомнения, которое, как невысказанная исповедь, гложет его душу, — неужели у него нет таланта? А в этом слове он подразумевал не только собственные способности, но и свое отношение ко всему, что его окружает — к людям, предметам...

И в самом деле, если бы можно было ответить на все вопросы! И как додумалась журналистка в ин-

тервью с ним задать такой сложный вопрос: «Когда рождается писатель?» Что бы он ни придумал, как бы складно ни сложил подготовленные заблаговременно слова, он не высказал бы тех, единственных, которые означали бы правду, он не мог бы ответить на ее вопрос. Он относился к числу людей, которые в литературе — в мире, основанном на магии слова, — видел и освободителя человека от жестокой власти быта. Кого и когда захватывает борьба с тем, что трудно высказать? Кто знает... Не тогда ли, когда, потеряв терпение, душа разрывает сети молчания и исторгает: боже, с чего полюбил?! Сколько было пролито пота, сколько слов было обращено в прах, прежде чем родилась эта тоска, сколько раз было сказано: люблю! И неужели все это ради того, чтоб в конце концов в тебе вспыхнул протест и ты восстал бы против самого себя: боже, с чего полюбил?!

Этот вопль — не мольба и не проклятие, а искренняя попытка познать тот путь, по которому многие поднимались, но редко кто возвращался обратно. Однако это вовсе не значит, что нельзя спастись на этом пути... И тот, кому суждено счастливое спасение!..

Нет, не должен удручать его холод этого склепа, ведь уже весна. Он скоро выйдет из него, каждая минута, безмолвно текущая одна за другой на бесконечном пути времени, существует только ради того, чтоб избавить его от этого помещения и приблизить час возвращения домой. Он должен покориться необходимости отработать положенные часы, игнорировать ехидные взгляды некоторых сослуживцев, которые попадают ему навстречу, когда он спускается по лестнице, обойти толпу, способную смести тебя с пути, не заметить молящего взгляда нищенки у парапета подземного перехода, манящую красоту предметов в витрине комиссионного магазина, не слышать страшный шум компрессоров на строительстве метро, не поддаваться магнетизму взглядов красавиц, не заметить пепла и окурков на лестничной клетке в своем подъезде, не видеть вечернего солнца, пылающего в окнах корпусов, стоящих по восточную сторону на противоположном холме...

Сейчас ему надо зайти в комнату на первом этаже, напротив фойе, чтоб повидать сослуживицу. Он не

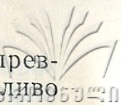
был толком знаком с ней, но дело в том, что она прочла его рассказ в одном из журналов, и как это ни странно, встретив его случайно в коридоре, сказала, что если его интересует ее мнение, он может зайти к ней, и они побеседуют.

Признаться, его мало волновало, какого она мнения о его рассказе, но он считал, что как мужчина он обязан зайти и побеседовать, хоть и не ожидал ничего особенного от этой встречи.

Он познакомился с ней в этом самом длинном и мрачном коридоре. Она сама остановила его и спросила что-то об общем знакомом. Он понял, что вопрос был задан ради приличия, что она просто хотела познакомиться с ним и не скрывала своей заинтересованности, поскольку слышала о нем много лестного: умный, честный, пишет хорошие рассказы. Вот она и рискнула попросить его прочитать ее переводы рассказов Франца Элленса, если, разумеется, у него найдется свободное время и желание. Он пообещал, что охотно прочтет, и обещание свое выполнил. Переводы ему понравились, он и сказал ей об этом, хотя не сомневался в том, что удачный перевод в определенной мере обусловлен строгим психологическим рисунком оригинала.

В прошлый раз они беседовали в той самой комнате, куда он направлялся сейчас. Тогда она пересказала ему сюжеты нескольких рассказов, отобранных ею для перевода, и спросила, стоит ли их переводить. Он понял, что она заостряет внимание на сюжете, и отнес ее к категории тех читателей, которых вовсе не интересует душа писателя, им важно, какие у него на манжетах запонки и не забыл ли он приколоть к галстуку золотую булавку. Категория читателей так же разнообразна, как и писателей, что тут удивительного. Да он и не удивлялся. Напротив, проникся к ней сочувствием — она искала в рассказах Элленса сюжет, а тот, как говорится, пел совсем в другом регистре, и она терялась, ничего не могла понять.

Женщина стояла в одиночестве у окна и смотрела на безлюдный мост. Когда она обернулась, писатель подумал: хорошо, что зашел, может быть, в однообразной жизни этого одинокого существа мелькнет светлый луч. Он подумал так, вероятно, потому, что все мы

похожи на пустыню, и хотя следы путников и не превращают нас в оазисы, мы продолжаем нетерпеливо ждать новые караваны.

Женщина растерялась, лицо ее вспыхнуло, она тихо проговорила:

— Входите, пожалуйста.

Это еще раз убедило его в правильности решения, и даже где-то в глубине души птицей затрепетала надежда: «Может быть, ей и в самом деле нравятся мои рассказы». Он успел окинуть взглядом женщину, которая села за свой рабочий стол и проявила удивительную заботу:

— Хотите пересесть? Из окна дует, можете простудиться.

Он улыбнулся — нет, он не боится простудиться.

— Ну, вам виднее... — растерялась она и протянула ему шоколад. — Угощайтесь.

Он догадался, что стоя у окна, она ела шоколад.

Потом она сказала:

— Наконец-то потеплело. Дождались, слава богу...

Его всегда раздражали разговоры о погоде, которые обычно ведут, когда не о чем больше говорить, как раздражало назойливое жужжание мухи, мешающее работать. Что могло обещать это трафаретное, ничего не выражающее вступление? Его ведь пригласили для того, чтоб рассказать о своих впечатлениях... Признаться, у него испортилось настроение, может быть стоило прервать визит и пойти своей дорогой, не мучить ни женщину, ни себя. Все было уже ясно и без слов.

И все-таки он терпеливо ждал. Съел кусочек шоколада, наблюдая украдкой за женщиной, которая механически вертела указательным пальцем сапфировое кольцо на безымянном пальце. Вопрос о погоде, как видно, не отвлек ее от основной темы разговора. Интересно, у нее вообще выпуклые глаза или это ему сейчас так кажется?..

Он уставился на репродукцию картины какого-то сюрреалиста, почему-то вспомнился ему диалог, услышанный несколько часов назад. В его комнате беседовали сотрудницы.

— Ты знаешь, что случилось с ласточками? При перелете они попали в тайфун и многие погибли, — сказала одна.

— Неужели? А что будет с нами? Значит, мы останемся без ласточек? — совершенно серьезно спросила другая.

Вспомнив этот разговор, он улыбнулся, и именно в это время взглянул на многозначительно молчавшую женщину, «какая скучная особа, чертовски скучная», и потом сказал:

— У вас очень уютная комнатка, здесь можно бесконечно думать...

— Да, — сказала женщина, — возможно, это так, но как бы мы ни переводили свой разговор на другие темы, мы знаем, что оба думаем в эту минуту об одном и том же, а сказать не спешим. На сей раз слово принадлежит мне... Вы хотите знать мое мнение о ваших рассказах, верно?

— Право, не знаю... — растерялся он. — Да, разумеется, но что касается желаний, то оно исходило от вас... — Последнюю фразу он произнес про себя, мужское великодушие не позволило ему произнести ее вслух.

— Хорошо, побеседуем, — сказала женщина, — но договоримся, что я не буду лстить вам. И потому я должна упрекнуть вас... да-да, упрекнуть, другого слова я не нахожу... Вы чрезмерно растрчиваете себя, и это даже раздражает!.. Как вы умудряетесь так играть фразой, неужели у вас выдерживают нервы, от вашей фразы такое ощущение, будто кошка крадется за мышью, да, приблизительно так. А у меня не хватает терпения, я не могу. Когда я вхожу в воду, я предпочитаю намокнуть не постепенно, а сразу.

— Бросаетесь в воду с головой, так?

— Почему? — вошла в роль она. — Хотя да, это верно. Мне не нужна никакая подготовка, все должно хлынуть ливнем, разумеется, я не говорю, как у Фолкнера, но меня всегда интересует только главное. А вы и второстепенному придаете такое же большое значение, тратите столько красок, что...

— Вы считаете, что второстепенное не служит главному?

— Нет, — сказала женщина, — вовсе нет...

— И что, на ваш взгляд, главное? — четко спросил он, диалог разворачивался так, что ответ на этот вопрос мог стать решающим в их беседе.

— Я не могу вам объяснить это, не буду же я разбирать ваше произведение, как школьное сочинение. Вы все понимаете лучше меня, однако... хотя об этом не стоит говорить...

На сей раз она придала своему лицу выражение, свидетельствующее о том, что она прощает ему его слабости. Несомненно, она думала о финале встречи, когда произнесла:

— Я поступаю плохо, да?

— Почему?

— Вы ведь можете обидеться, кто знает, что вы думаете сейчас обо мне... Должна вам признаться, я тоже пишу... стихи... так, для себя, не публикую и не собираюсь публиковать их, не могу представить себе, что кто-то может копаться в том, что мне так дорого...

Он смотрел на нее и молча удивлялся: «Невообразимо! Вы пишете стихи?! Неужели?» А она, обуреваемая жаждой борьбы, продолжала доказывать свое, размахивала руками, таращила глаза...

Он уже проклинал себя за то, что пришел. Неужели у него не было других дел? Или его принуждали обязательно прийти? Мир, увиденный глазами этой женщины, показался ему чудовищным, и потому он непроизвольно переключил свое внимание на другое, вспомнил одного своего давнего знакомого. Встречаясь, они долго беседовали, вспоминали одно, другое, а когда прощались, знакомый каждый раз говорил: «Встретимся у моей крестницы!» и довольно улыбался, предвкушая предстоящую встречу. «Наверняка путает меня с кем-то, — думал он, несколько обескураженный. — Или пугает, или разыгрывает меня, одно из двух, никакой крестницы я не знаю».

А потом он до того привык к оригинальной концовке встречи, что с нетерпением ждал, когда наступит минута прощания и он вновь услышит необъяснимую, но ставшую привычной фразу: «Встретимся у моей крестницы!»

Сейчас ему вспомнилась последняя встреча, пред его взором стоял давний знакомый с неизменной папкой под мышкой. Он был кибернетиком по профессии и доказывал, что полученная в машине программирования «Джоконда» ничем не уступает оригиналу. «Мы можем создать столько улыбок, подобных улыбке Джоконды, что в мире вспыхнет второе солнце. Вот вам и кибернетика, на которую вы, творческие люди, смотрите свысока». Напоследок, как ни странно, он не произнес привычное «Встретимся у моей крестницы». «Наверное, наконец-то понял, кто я, — решил тогда писатель, схватил его за локоть и спросил: — Встретимся у твоей крестницы?»

Знакомый удивился, потом задумался, покачал головой и огорченно произнес: «Я больше не хожу к ней. Знаешь, что она натворила? Вышла замуж, не спросив меня, и за кого — за опереточного актера! И в самом деле у женщины ум короток! А ведь я тещу свою называл театром оперетты, ты представляешь?»

Писатель считал, что эта история может послужить прекрасным сюжетом для рассказа, но кибернетик сам изобразил такой финал, о котором писатель и мечтать не мог, и потому не отважился прибегнуть к художественным средствам, боясь, как бы все это не вылилось в чистый натурализм.

Однако в трудные для себя минуты писатель почему-то вспоминал кибернетика и на душе у него становилось легче. У кибернетика были курчавые, как у мулата, волосы, а шрам на верхней губе свидетельствовал о том, что он родился с заячьей губой. Всю жизнь забивал себе голову математикой, а теперь, гляди-ка, собирается спалить планету улыбкой Джоконды. Поди и не кричи ему браво!

А женщина, оказывается, все еще говорит. По ее разгоряченному лицу было видно, что паузы в разговоре она не делала. На мгновение, всего на мгновение, прислушаемся к ее речи:

— Если я что-то теряю, от чего-то отказываюсь, то отказываюсь окончательно, ничего не оставляя себе. Я даже обручального кольца не оставила от мужа! Ну, пожалуй, достаточно!

Он уставился на светло-серую стену и попытался

нарисовать абстрактный портрет женщины. Все предельно просто, нужна только полная свобода. Хочешь понимать, хочешь нет. Вопрос допустим, на вопрос тебе могут ответить. Куда привели его мысли? К продолжению незаконченного им рассказа. Рассказ был прерван на том эпизоде, где в столовой пансионата должен был состояться диалог между бывшим капитаном дальнего плавания и священником. Священник ел бифштекс и, изредка оглядываясь, бросал украдкой взгляд на поглощенных ужином женщин.

Писатель воочию видит их, своих покинутых героев, оставленных наедине с молчанием. Он непременно заставит их заговорить! Немного, еще немного... И вот — продолжение:

Бывший капитан дальнего плавания шутливо спрашивает священника:

— А что, отче, играли вы в покер?

Священник, разумеется, не ждет подобного вопроса, он мешкает, потом так азартно отвечает: «Конечно, и неоднократно!», что все в столовой хохочут.

Ну вот, писатель что-то ухватил, теперь дело пойдет, теперь он знает, что произойдет дальше. И название уже найдено удачное. Закончит, непременно закончит он рассказ...

Голос женщины вновь вывел его из раздумий:

— И в самом деле, кто знает, что вы теперь думаете обо мне, — говорила она угасшим голосом, недовольная собой, поскольку на лице писателя она не заметила каких-либо следов волнения. В его спокойствии она увидела какую-то непостижимую тайну. — Очень интересно, о чем вы сейчас думаете?

— Думаю, что вы прекрасный собеседник, необыкновенный рассказчик, что вы прекрасно постигли суть переводимых вами рассказов. Разве этого мало?

— Что вы говорите?! Кроме шуток?

— Конечно.

— Представьте себе, мне уже стыдно, не скажу почему, но мне в самом деле стыдно. И знаете еще что? Несколько минут назад, когда я рассказывала вам о своей горькой жизни...

— Горькой жизни?..

— Да-да, дело в том, что я думала, что вы меня слушаете, и удивлялась, что вместо сочувствия..

— Сочувствия?..

— Да, вы писатель и вас, конечно, ничем не удивишь...

У него отлегло от сердца, и он спокойно улыбнулся. Стало жаль эту женщину, он постарался не думать о том, что она на редкость надоедлива. Она же некоторое время пристально смотрела на него, потом с удивлением произнесла:

— Опять, опять то же... я не знаю, как сказать, как назвать это... Кажется, что вы слушаете, а на самом деле вы отключены, вы наедине с самим собой и счастливы от того, что обладаете какой-то тайной. Да-да, так было и до этого. Что происходит? Я не смогу объяснить этого, как бы ни старалась.

— Во всем виноват священник, — засмеялся писатель.

— Священник?

— Да... Он, оказывается, играл в покер!..

— ?..

МИНОРНЫЙ АККОРД

ЕДВА я вошла в квартиру, зазвонил телефон. Это был Михаил. Стоило мне услышать его голос, усталость как рукой сняло. «Откуда ты узнал, что я приехала?». «Почувствовал...» Замерев, впитывала я в себя его короткие, обрывистые фразы, слушала его глубокое дыхание, которое становилось еще глубже, когда он затягивался, его красивый голос, близкий, до боли близкий голос... и чувствовала, что ничего особенного не произошло: он звонил просто так, по привычке. Мне знакомо его напускное раздражающее хладнокровие, и все же я никак не могу привыкнуть к этому. Он поинтересовался, как я съездила, но спросил между прочим, без особого любопытства. Это сводило меня с ума! Ни разу не приревновал, во всяком случае, я этого не ощутила. Не знаю, в самом ли деле он доверял мне или же я для него вовсе ничего не значила... Потом сказал, что сейчас же придет ко мне и повесил трубку, не дожидаясь моего ответа. А вообще-то я охотно сказала бы,

что устала, что лишь минуту назад переступила порог квартиры, что в ушах у меня все еще стоит гул самолета и лучше, если он зайдет в другой раз. До чего можно дойти! Неужели я могла бы сказать подобное, когда дни, проведенные вдаль от него, ввергали меня в безумие. Я думала, что отъезд облегчит мне жизнь. поможет забыться, но это оказалось лишь еще одним поводом для самоистязания.

Не верилось, что я возвратилась домой, что вновь могу зреть мое живое чудо. Он сейчас придет ко мне... Чего ради я бежала от него, скиталась по древней пыли в тишине, наполненной тайнами обратившихся в развалины городов, стремилась войти в мечети, куда меня так и не впустили и где христианство считалось грехом.

Я замерла в нетерпеливом ожидании. На мне было мятое лиловое платье, но я чувствовала себя в нем неплохо и не собиралась переодеваться. Почему-то вспомнилось, как однажды он позвонил утром, перед моим уходом на работу, и прежде чем попрощаться, спросил, не в белом ли я платье? Нет, сказала я, в розовом. Казалось, он удивился, что ошибся, замолк. «Розовое... — повторил он и шутя добавил: — надеюсь, чувствуешь себя достойно?»

В комнате стоял спертый воздух, пронизанный запахом книжной пыли, и даже из открытой на балкон двери — никакого дуновения ветерка. Я так устала, что не было сил вытереть пыль. В детстве я любила писать пальцем на пыльной мебели свое имя, особенно тщательно выводила я две одинаковые буквы...

После долгого отсутствия вернуться домой, пусть даже в такую пыльную комнату, — великое блаженство. Целых три часа летели мы над пустыней. Это время, подобное надолго задержанному дыханию, гармонировало с пепельной пылью пустыни, исполосованной ветром. Это время, казалось, вовсе не двигалось, окаменевшей вечностью простиралось оно во все стороны, до самого горизонта, и скорбело о бренности и тщете мира. Это было время, когда я могла относительно равнодушно слушать плач пепла, считая его той далекой историей, в которой я не принимала участия, стоя в

стороне со своей малюсенькой жизнью — моей — от-
правной точкой в понимании и познании мира. Всю до-
рогу непрерывно пульсировал в моем теле гул само-
лета, я была отдана во власть огромной железной
птицы, пролетающей в час девятьсот километров и
с каждой минутой все более и более отдаляющей меня
от городов в оазисах, где древние идолы, обветшалые
с течением времени, сохраняли былую притягатель-
ную силу.

Михаил придет, и я расскажу ему о грустном жу-
равле, которого я увидела в изборожденной каналами
столице эмира. Журавль сидел на самой верхушке ста-
рого дерева и, печальный и подавленный, смотрел на
свое полуразрушенное гнездо, а внизу в тени скверов,
в малюсеньких чайханах, на длинной тахте сидели
скрестив ноги восточные мужчины в тюрбетейках, с чет-
ками в руках и, сухопарые, опаленные солнцем и
пылью, не спеша, степенно пили чай из пиал. Их не
волновали ни выцветшее величие минаретов, ни молча-
ние бездействующих, безлюдных молелен, ни гвалт ту-
ристов и ни тоска журавля по разоренному гнезду. Эта
картина ожила передо мной еще в самолете. Чистый
фон однообразного пейзажа пустыни оказался как
нельзя более удачным для того, чтоб собрать воедино
мысли, которые отрывочно, кусочками, не связанными
между собой фрагментами овладевают тобой в полу-
сонном салоне самолета. Здесь лишь с помощью иллю-
минатора связываешь в мыслях существующее и несущ-
ествующее времена, даешь им возможность встре-
титься, переносишь в единое измерение и создаешь ис-
кусственную реальность, которая лишь чуть-чуть по-
хожа на действительность, настолько незначительно,
что в тебе зарождается сомнение и ты чуть было не
убеждаешь себя в том, что ничего до сих пор не было,
что все происходит впервые, что и этот завораживаю-
щий, блаженно обволакивающий голос — лишь порожд-
ение экзальтированного восприятия пустыни. Голос
этот порой, когда я закрывала глаза, овладевал всем
моим существом, и... нет, я не прислушивалась к его
словам, не расшифровывала то, что говорил Михаил,
а находилась во власти красивого тембра его голоса,
жадно отвечала ему каждой частичкой своего тела.
Какие это бывали беседы!.. Когда-нибудь я вернусь

к ним. Почему? Не знаю... Что с того, что они уже в прошлом — канули в вечность, что с того, что я не могу собрать их на ладони, как драгоценные камни, или спрятать глубоко в ящик, как прячут дорогие сердцу письма. Памятью верну я их из прошлого и оживут они только для меня. Это были удивительные беседы... Услышать их кто-либо из бойких писак, он непременно посоветовал бы мне записать их слово в слово, подобрать заголовок и опубликовать, притом посоветовал бы бесцеремонно, как другой сказал бы, к примеру: «Сегодня я впервые почувствовал, что пришла весна»... или же «Джордж Баланчин — из наших краев»...

Звонит телефон. Снимаю трубку не мешкая, после первого же звонка. Михаил.

— Что делаешь? — спрашивает он. Я слышу его дыхание, понимаю, что он курит. Он курит беспрерывно, мне знакомы как свои пять пальцев все его жесты — как он достает сигарету из коробки, подносит ко рту, одной рукой чиркает спичкой и глубоко затягивается. Это целое искусство, мне кажется, что он и сам сознает, как красивы его привычные движения. У него меняется форма губ, он становится похожим на мальчика с детской фотографии, с которой я не расстаюсь, словно она для меня икона, святая святых, всемогущее божество, способное исполнить все, что я попрошу.

«Мама говорит, что я был некрасивым ребенком...»

Трудно поверить, мама говорит неправду.

— Что делаешь? — повторяет Михаил.

— Что я могу делать? Жду... Думала, ты вот-вот постучишь в дверь.

— Да, я скоро приду, вот только выпью кофе и приду... Знаешь, если я когда-нибудь и женюсь, то только ради того, чтоб избавиться от варки кофе.

Я молчу и жду, когда он положит трубку, боюсь, что у меня вырвутся горькие, обидные слова. И в то же время хвалю себя за самообладание. Он намеренно вливает мне в ухо яд, казнит меня и будет еще не раз пытаться за те необдуманные слова, которыми я однажды невольно разбередила его раны. Раздраженный,

он тогда сказал мне, что с такими взглядами мне не-легко будет жить. Потом добавил, что я напрасно про-шу на судьбу. Он придумал уникальную, неповтори-мую пытку. И я готова была на любые муки, согласна на самую жестокую пытку, лишь бы вычеркнуть из его памяти ту вырвавшуюся у меня фразу. Но это невоз-можно. Потрясенная собственной опрометчивостью, я стыдилась его, хранившего подлинно мужское досто-инство, и знала, что отныне мне не проникнуть свет-лым лучом в его израненную душу. Пощады мне не было. Он неожиданно открыл во мне мещанку и впредь меня не возвысила бы даже самая сильная метаморфо-за. Короче, я воочию зрела собственное падение. Более горького чувства, вероятно, нет на свете. Я поняла, что в одну минуту потеряла достоинства, которыми он ме-ня наделял. Подтверждением тому были две-три фра-зы, не приговор, а скорее выведенная им точная фор-мула пройденного мною пути, моей безрадостной и слепой жизни.

Михаил был прав во всем, прав до небес по той простой причине, что я любила его. А если любишь че-ловека, то правда всегда на его стороне. Во мне чув-ство довлеет над разумом, а это гарантия того, что не сожалея отдаешь, не требуя ничего взамен. А когда не просишь, никто ничего не дает, даже простой улыбки.

«Неужели он соскучился по мне? — думала я про себя. — Неужели соскучился?..»

И все-таки раньше было лучше, когда мы беседо-вали только по телефону, когда мне и в самом деле ничего не надо было от него. Слушала я его равно-душно, много говорила и мало думала. То было безо-бидное знакомство—свободное дыхание. К моему удив-лению, во время внезапно прерываемого разговора, в интервалах между затяжками мне слышался какой-то шепот. «Что ты шепчешь?» — спрашивала я. Он не отвечал, словно не слышал вопроса. Только потом, спустя время, я узнала, что он шептал слова молитвы. Мне и это нравилось, все мне в нем нравилось, даже когда, сорвавшись, он обкладывал кого-то ядреным матом.

«Что говорят обо мне?». Он имел в виду общество, от которого бежал, с которым постоянно конфликтовал. Он не переносил ни малейшей несправедливости. «Не

нравится твое имя», — отвечала я. «Это мама так назвала меня, может отсюда и все мои беды». «Впредь будь Михаилом, прекрасное имя, и я с удовольствием буду называть тебя Михаилом».

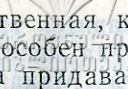
Поначалу я находила странным образ его жизни. С окружающим миром он поддерживал связь в основном по телефону. Особенно много времени уделял разговорам с представительницами прекрасного пола, мог флиртовать со всеми без разбора, вовсе не заботясь о том, что представляла собой та или иная, более того, он вообще не считал женщину личностью. Никогда ни с кем не доводил своих отношений до конца, не чувствовал, что пора ставить точку. Однажды он признался мне: «Ты знаешь, вокруг меня — удивительная сеть взаимоотношений, стоит мне кого-нибудь поманить из этой сети, как любая тотчас оживает...»

Я попыталась представить себе эту удивительную сеть из несчастных или поруганных, равнодушных или покорных, беззащитных или потерянных, всех тех, кто когда-либо дышал рядом с этим уверенным в своих достоинствах человеком, тех, кто предлагал свое красивое либо отмеченное печатью лет тело, этих чувственных, зажигающих сладострастием или же перегоревших, распыливших, развеявших свои чувства. И неверных жен было немало в этой сети, и ожесточившихся одиноких женщин, и искательниц поэзии в любви, и обитательниц самого дна. Словом, это была целая галерея!..

Не знаю, для чего нужна была ему такая болезненная откровенность со мной, почему с филигранностью эротомана пересказывал он мне фрагменты своих романов, так удручавших меня. Он не сразу понял это, а поняв, сердился на меня за то, что я огорчаюсь. Однажды, обидевшись на меня, он похвастал, что в отношениях со всеми без исключения он возводит барьер, что никогда не позволит кому-либо причинить ему боль. Он всегда находил женщину, способную заменить свою предшественницу. И что же особенного или нового приносила другая? Кто знает?.. Главное, для Михаила не рушился мир, когда уходила и она.

Когда я слушала его рассказы о жизни, непонятной мне и неприемлемой, у меня почему-то рождалась

хрупкая надежда, что я, быть может, единственная, кому он позволит перешагнуть барьер, кто способен причинить ему боль — и эта шаткая надежда придавала мне силы. Разумеется, он не причислял меня к тем, кто был в его «сети», но если мне судьбой предназначена в конце концов та же участь, то хотя бы сегодня я могу утешить мою смятенную душу тем, что мне выпала доля избранницы. Конечно же, это более походило на утоление голода последками, нежели на нескрываемую радость участницы праздника. Вспомнить хотя бы, с каким бессердечием и равнодушием он произнес: «Надо же... Преданным бывает тот, в чьей преданности ты вовсе и не нуждаешься». Он имел в виду меня, потешался надо мною. (И это тогда, когда я считала, что в наших взаимоотношениях полная ясность, что в его жизни я занимаю хотя бы крохотное местечко!). Как горький кусок, проглотила я слова, которыми он, как в панцирь, спрятался от моей любви, обвинив меня в моей преданности. Он был беспощаден, и беспощадность приносила ему победу.

Неужели моя доброта всегда должна оборачиваться против меня же? «Все было бы иначе, если бы я родилась пронырой, толстокожей и пронырой», — подумала я и посмотрела ему в глаза (так часто менявшие свой цвет). С чем можно сравнить высокомерие мужчины, когда он молча дает тебе понять, что для него не существует никаких границ... Впервые я осознала возложенную на меня великую миссию: я фильтровала грязь его прошлого, ценой самопожертвования была обязана спасти для него **женщину**, короче, поступить, как истая христианка — после пощечины в правую щеку подставить левую. Я осознала это, но не почувствовала унижения ни на йоту. Я возложила все на будущее, отведя от себя ответственность за сегодняшнее, отдала все во власть неопределенности. На такой шаг способна разве что одна из миллионов, и я была этой одной. «Когда-нибудь он поймет, — думала я. — Познав подлинную дружбу, невозможно не оценить ее...» Я оправдывалась перед моим обреченным будущим, но подсознательно понимала, что нет смысла гнаться за улетевшей птицей.

«Мне ни до чего на свете нет дела, ни до чего...» — Это слова Михаила.

«Я же могу думать о тебе бесконечно, Михаил! Давно уже я не живу, я вся поглощена заботой о твоей судьбе... о тебе. Приручись, обрети покой со мной, стань для меня единственным, неповторимым, тем единственным созданием, в которое я вложу душу. Приручись, пусть тебя не пугают мои взгляды, убогие и уродливые, последствия того, что я была в плену той безжалостной строгой морали, которая исповедывала лишь наивную добродетель и въедалась в мозг проповедью покорности добру, а в ответ отнимала все, вплоть до последнего вдоха».

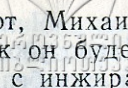
Но Михаила не заботило, каким я буду фильтром, и он не был ослеплен моими физическими данными и потому не щадил меня, не подбирал слов, не задумывался над поступками. Однажды он так извел меня, что я в бешенстве ногой отшвырнула от себя телефон. После этого случая он, злорадствуя, повторял: я, мол, знал, что ты так поступишь, — и иронически улыбался, как бы подчеркивая мою провинциальность. Он гордился тем, что родился и вырос в столице, мою доброту и чрезмерную эмоциональность приписывал моей провинциальности, и слезы тоже. Как часто он повторял: «Чего ревешь!». Я обижалась, но терпела. Причину его бессердечия на самом деле следовало искать не во мне, а в моем отношении к нему, из-за чего он посматривал на меня свысока и, кажется, даже мучился, вновь и вновь получая в ответ на все свои выходки мою искренность и нескрываемую, непритворную любовь. Мучила, терзала его эта любовь. Так, вероятно, происходит с теми, у кого взаимоотношения начинаются не с дружбы, а с секса, с усталого, изношенного секса.

Мы должны быть добрыми, ибо зовемся людьми, мы должны уметь прощать, ибо живет в нас вера в нечто святое, мы должны быть... мы должны...

Но кто вернет мне те дни, те утопающие в отчаянной тоске и слезах дни, когда Михаил уехал отдыхать на море, оставил меня в изнуренном зноем городе наедине с моими заботами, острым одиночеством и пустотой, пообещав скоро вернуться.

В тот день, когда он уехал, я купила бананы, незрелые бананы, увидев в них спасительную возмож-

Лали Брегвадзе. Рассказы.

ность измерить время. Пока они пожелтеют, Михаил вернется, — думала я. И представляла, как он будет очищать их — так же, как снимал кожицу с инжира, пальцами, которые были так хорошо мне знакомы. Они бывали то напряженными, то болезненно припухлыми, то нежными, менялись в зависимости от его настроения. Мне не надо было слов, достаточно было взглянуть на его руки, чтоб определить его душевное состояние. Тогда я убеждалась в моей способности понимать другого, сопереживать ему. Да, я наделена величайшим даром понимать другого, и я искренне завидовала Михаилу в том, что у него в моем лице есть на земле ангел-хранитель. Я прекрасно знала и то, что он так и не осознал моего к нему отношения, пожалуй, он не нуждался во мне.

Он позвонил мне с моря всего три раза, разве что ради приличия, говорил сдержанно, его больше интересовали городские новости, он даже не сказал, где остановился.

Я знала, что с ним снова та самая женщина, от которой он пришел ко мне, с которой, казалось бы, прервал все отношения и которая прежде нужна была ему только для того, чтоб создать ему настроение. «Она живет сама по себе, — говорил он мне, — ничего не требуя от меня. Она неизменно ходит в брюках, и мне кажется, что рядом со мной идет мальчишка». Вот, оказывается, с какими женщинами мужчины чувствуют себя спокойно — кто ничего не просит, в первую очередь, любви, кто может жить, как собачонка, которая не смеет даже повизгивать, кто не помнит, что он человек и согласен служить таким подвижным пейзажем, кому чуждо возвышенное ощущение счастья от сознания того, что родился женщиной, и кто равнодушно и спокойно создает для них идиллический мираж.

Они жили в глухой деревушке на берегу моря, где на каждом шагу, оказывается, встречаются собаки, а море медленно поглощает землю, и глаза людей полны недоверия и сомнения. В одной руке Михаил держит палку, которой отгоняет собак, другая лежит на плече тощей, болезненного вида женщины. Так виделись они мне в самом беспощадном, самом четком воображении, когда со дна моей души всплывала осевшая там злость, и чтоб она не задушила меня, я обра-

шала ее в слова и выдавливала из себя, как выдавливают гной из нарыва: хоть бы собаки загрызли эту проклятую женщину, которая зовется то ли Ларисой, то ли Таней, а может быть Наташей, черт бы их всех побрал, сожрали бы их по кусочкам у него на глазах!..

До какого безумия можно дойти в своем отчаянии! То я представляла себе, как та женщина — мой кровный враг — медузой расплывается на песке и медленно, по капелькам, испарается, и заплывший далеко в море Михаил уже не успеет спасти ее, он найдет на берегу только ее сарафан с оборками и сабо «на платформах». Дома он обнаружит брошенную на кровати ночную рубашку в мелкий горошек, в которой та женщина ночью, примостившись на краю этой кровати, смотрела на него глубоко посаженными водянистыми глазами, слушала его исторические рассуждения, выстроенные, однако, логично и убедительно. Он рассказывал истории из того периода, которые зовутся моим временем, связаны со мной, не называя, разумеется, моего имени, словно меня вообще не существовало, словно в этой тощей, болезненной женщине заключалась для него вся жизнь.

Хоть бы я могла в ту минуту заглянуть в душу Михаила, понять, что в ней происходит! Ради этого я согласна была на все, продала бы дьяволу душу, уже иссякшую, истерзанную душу...

Женщина слушала, уставившись на него широко раскрытыми глазами, оцепенев от счастья, ведь как бы он там ни говорил, что она похожа на мальчишку, она все же из породы женщин, только таких, которые согласны на месяц ворованного счастья в году и ничего более не требуют.

Я же каждую минуту ждала телефонного звонка, меня не спасали ни гадание на кофейной гуще, ни заговоренные бананы — сначала к ним подкралась желтизна, потом они стали янтарными, затем разом почернели, перезрели, от них повеяло сладким духом, а они все висели и висели, пока вовсе не сгнили и я не выбросила их. Я столько думала, что у меня раскалывалась голова, кости горели, словно их подожгли, и они превратились в пылающие угли. Я не могла найти

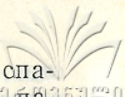
себе занятие или хотя бы поговорить с кем-нибудь, я только беспрерывно крутила любимые пластинки. Пела Элла Фицджеральд... Она пела, а я плакала, плакала навзрыд, так что сердце готово было выскочить из груди. Голос Эллы был барометром моих мучений. Эту песню мы слушали вместе в зимний снежный вечер. Какой это был счастливый вечер!.. Михаил проигрывал одну и ту же пластинку. После того вечера я не слушала ее. Моим мучениям не было предела. Но только тот поймет меня, кто, незаслуженно униженный, метался, устав от бессмысленности такой жизни, и уверился, что и в самой смерти нет ему освобождения.

Потом Михаил вернулся — так, словно ничего не произошло. Ногти были в порядке. Помню, я умоляла его перед отъездом позволить мне постричь ему ногти, но он не согласился, сказал, что пострижет сам. Но я знала наверняка, что не сам он стриг ногти, стригла та женщина. Я представила, как она держала в руке его палец и стригла ноготь — и меня передернуло от боли, будто именно это было самым главным в их отношениях.

«Хорошо отдохнул?» — спросила я. «Ничего, — ответил он. — Много плавал...» Врет, он не мог много плавать, потому что на море постоянно шли дожди. Ну и пусть себе врет, очень хорошо, значит я это заслужила.

А потом меня почему-то стала волновать судьба моей книги Томаса Вулфа «Домой возврата нет». Я не сомневалась, что он увез ее с собой на море, и та женщина непременно прочла бы ее, если она не вовсе дура. Она была для меня прокаженной, извлеченной из интимной сети Михаила, да, прокаженной, которая спустя определенное время вновь возвратится в эту сеть, замрет в ней пауком до следующего вызволения. Мне же... как же мне перенести все это, где взять силы, чтоб побороть себя?

Муки становились все нестерпимее, и теперь мне в утешение нужна была ложь, чтоб меня не сожрала необходимость сохранять внешнее спокойствие. Все свои силы вложила я в мольбу о своем спасении. Меня мог спасти теплый ветерок, шныряющий в рано опав-

9 6 53 59 2 11
202 0110933

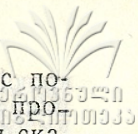
ших листьях, стылые ночи одиноких людей могли спасти меня и еще многое-многое могло спасти меня: память о голубке, терпеливо сидевшей в гнезде под шкафом на моем балконе; прощание с улетающими ласточками; резкие свистки поездов на противоположной дому стороне; тревожно отзывающаяся во мне извечная борьба правды с ложью; музыка Вивальди; случайный взгляд прохожего, бдительность затаившихся врагов, колдовская сила перевитых змей, искусно вплетенных в орнамент по краю ковра, висевшего на стене моей комнаты, в конце концов, меня мог спасти голос Михаила, который заставлял забывать все на свете, возвращал меня к надежде и жизни, и я уже не думала о том, что, возможно, осталось не столь уж много времени до прощального мига с жизнью, до последнего прощания, когда я не в силах буду вымолвить то единственное слово, которое унесла бы с собой навсегда. Не смогла бы сказать — прощай! Я унесла бы его, как молитву, как вечную тоску по тебе, Михаил, по всему тому, что могло бы быть памятью обо мне, о прерванном моем существовании в твоей неизменно угарной жизни. Я бы не оставила тебе это единственное слово ни как последний поцелуй, ни как букетик цикламенов, ни как дыхание моря, замкнутое в глубине раковины, которое ты можешь услышать в любую минуту, когда захочется. Я бы не сказала этого слова, как не открыла тебе другой истины: что ты — отрицание моего существа, не придуманное мною, а ниспосланное судьбой, как неминуемое поражение, как утерявшее свою суть астральное тело, подчиняемое единственному условию — оно может появиться только в отраженном виде, и вот я стою лицом к лицу перед действительностью, отраженной неразгаданным мраком твоей сути, и мучает меня не мое подлинное, а то астральное существо, которое навсегда безнадежно захоронено в тебе, поскольку у меня нет сил подавить его, мое второе существо, угнетенное изменой, брошенное на произвол судьбы, отданное во власть бессильной, беспочвенной, уже не существующей надежды. Знаю, спасения нет, ибо стоит между нами нечто третье. Это третье — всесильная, непреложная близорукость чув-

ства, когда не знаешь, почему любишь, когда у тебя нет даже самой мизерной причины любить, а ты любишь.

Я побеждена, я безнадежно утонула в тебе, и нет у меня пути назад. Словно слепая, шаря руками, бреду я к тебе с мольбой: спаси меня!.. Умоляю, спаси!.. Как я ненавижу тебя и как люблю! Перед лицом этой катастрофы я, наедине со своими оголенными чувствами и стихийными импульсами, похожа на оставшуюся после ливня лужу, которая медленно испаряется до последней капли. И думать уже не могу. И в мыслях своих я раба. Это порок, мое собственное увечье, от которого я не могу освободиться, я срослась с ним. Разве можно избавиться от горба? Этот рабский инстинкт, несомненно, мой порок, а не характерная черта женской природы, за что я приношу извинения женщинам всего мира, рожденным свободными и смелыми. Ведь может случиться, что объявится некто умник-психолог, который обобщит мой порок и скажет, что он присущ всем женщинам. Но если бы этот психолог хотя бы однажды взглянул в глаза измученной горькой любовью женщине, что тогда?.. Неужели он не поймет, что людей роднит боль, что радость не уживается с любовью, яркий свет поглощает свет послабее, что мужчин волнуют особые проблемы и они в большинстве случаев чувствуют себя счастливыми, независимо от того, кто рядом с ними. Вот и для Михаила не имеет значения, с кем он будет, с влюбленной в него до безумия женщиной или с последней потаскухой. Главное, чтоб она создала ему определенное настроение. Вот на чем зиждется связь Михаила с женщиной. Впрочем, если спросить у большинства мужчин, они скажут, что знают, что такое любовь, что они тоже способны любить, забывая о том, что любовь для них — излишняя роскошь, а не наипервейшая потребность, она для них — тот элегантный костюм, который непременно должен висеть в гардеробе для престижа и может быть побит молью, а владелец так и не просунет в него руки.

Михаил, вероятно, уже в дороге. Вот-вот он постучит в дверь. Мне кажется, что прошла целая вечность с тех пор, как я не видела его. Он преодолет последний лестничный пролет, где, когда он пришел

впервые, стояла соседская игрушка — лошадка с поломанной ногой. Как только я открыла дверь, он произнес, стоя на пороге: «Конь Эхнатона». Да, так и сказал: Эхнатона, а не Навуходносора. Какое это имело значение, главное, что я подумала — как все мужчины похожи друг на друга, произносят одни и те же фразы.

Диффузны все воспоминания, все мысли и переживания. Усталость и ожидание боролись во мне. Я — словно опустошенный мешок, который вытряхнули и перекинули через плечо. Вероятно, Михаил имел в виду нечто подобное, говоря, что когда он выпьет, испытывает такое чувство, словно стоит голый на улице, а его красят...

Звонит телефон. Решаю не снимать трубку, это наверняка не Михаил, а с другими говорить не хочется. Да и кто знает, что я приехала, кто соскучился по мне? После пятого звонка я все же беру трубку и ушам своим не верю, когда вновь слышу голос Михаила.

— Я думала, ты уже в дороге, а ты...

Он прерывает меня, говорит сумбурно, растерянно.

— Что с тобой, Михаил?

С удивлением слушаю его рассказ и воочию вижу, словно стою рядом с ним перед окном кухни, откуда виден небольшой отрезок глухой покато́й улицы: по улице почти бегом несут на носилках покойника. Грязное покрывало колышет ветер. Плача не слышно, и ни намек на скорбь, точно смерть придумала развлекательный трюк и упивается собственной изобретательностью.

На улице безлюдно, словно нарочно, чтобы никто не видел разыгранный смертью фарс. А может еще кто-то, подобно Михаилу, тоже стоит у окна и, затаившись, смотрит на это жуткое зрелище.

...Тело вносят в подъезд Михаила, поднимаются по лестницам с этажа на этаж. Теперь Михаил стоит перед дверью и прислушивается. Шаги становятся все отчетливее, шаги приближаются!.. В какой-то миг Михаилу кажется, что носилки с покойником ставят перед его дверью, вот кто-то поднимет руку и позвонит. Это страшный миг. Он отходит от дверей и в изнеможении опускается на пол под вешалкой в прихожей. «Не от-

крою!» — единственная мысль отчеканивается в его напряженном сознании.

Я уже не слушаю, что он говорит мне после этого, мне переданся его психический шок. Я отключилась, как механический аппарат, воспринимаю только свой внутренний голос: как ты мог подумать, Михаил, что не откроешь дверь, как ты мог подумать такое!.. Я поняла, что ему и в самом деле ни до чего нет дела, не зря он говорил, что его ничего не касается, и баста.

Мои слезы... Какими бессмысленными и убогими кажутся мне мои сентиментальные слезы... Удивляюсь, как же все-таки ему удавалось доставить мне хоть немного радости...

— Я сейчас сама приду к тебе, — сказала я. — Жди меня.

Иду, Михаил!

Сколько радости в этих обычных словах! Оказывается, и радость надо уметь переносить, как боль, оказывается, и безумие любви — самое обычное безумие.

Пропустите меня, прошу вас! Я не могу идти в вашем темпе, пропустите меня, я раба любви, а не составной элемент толпы в метро! — кричу я в душе пассажирам. Представляю, что было бы, услышь они мои слова! Это не истерическая мольба, а категорическое требование, право на которое дает мне мое внутреннее состояние. Как медленно движется эскалатор! Мне кажется, что четверть моей жизни может унести это стояние на эскалаторе. Но у меня же нет времени, которым я могла бы швыряться. В этом убедится любой, кто познакомится с моей астрологической формулой:

знак зодиака — скорпион,

планета — Марс,

рождена под знаком Солнца,

неукротимая,

требующая многого от себя и от других,

переполненная болью,

самоистязаящая,

ревнивая,

одаренная верностью (или обреченная на верность),

уверенная в своих силах,

бесталанная.

Все predetermined, каждая пуля спит в своем гнезде и, нацеленная в меня, ждет своего часа. Время проглатывает меня медленно, словно щадя, то и дело выкладывая передо мною клочки моего тела в надежде, что я одумаюсь, поумнею, но ведь и для того чтоб поумнеть, надо иметь талант.

Иду, Михаил!

Я взбегу по лестнице, не хватит терпения, чтобы дождаться лифта, запыхавшись, остановлюсь перед твоей дверью, позвоню и вся обращусь в мольбу: «Оживи меня, Михаил! Если можешь, оживи!».

Здесь каждый открывает дверь своему гостю. И я жду твоего появления, жду этой минуты как знамения. Я взгляну на тебя — и уймется боль, все тревоги утихнут, и моя жалкая душа не посмеет даже исторгнуть стон, я не смогу найти самых простых и обычных слов, чтоб на человеческом языке открыть тебе величайшую истину: ты — смысл моей жизни! Но даже эти спасительные слова не смогут выразить всего того, чего ты, вероятно, никогда не поймешь. Я же буду молить великую силу, нет, не силу огня или воды, а более могущественную силу, чтоб в ту самую минуту, когда ты откроешь дверь и я увижу тебя, она накинула бы мне на шею петлю... и когда ты захочешь навсегда уйти от меня в более спокойную и тихую обитель — пусть она исполнит свое благое намерение. Пусть исполнит...

ПОТЕРЯННАЯ ХРИЗАНТЕМА

ДАВАЙТЕ встретимся с нашим героем не тайком, не воровски, а открыто,

лицом к лицу, но с условием, что не забудем отдать дань и трафаретности. Так думает автор, и если это у кого-либо вызывает улыбку — на то его воля. В те минуты, когда человек улыбается, обнажаются душа и мысли его, и, крадучись, покидает его все лукавое и низменное.

Так изгони, изгони же лукавого и следуй за мной!

А вот и он, Сулхан. Он поднимается из подземного перехода. Нет, это не идущий впереди бородач, похожий на монаха. И не тот степенный мужчина, следующий за бородачом — кто знает, какие заботы и думы гложут его?! И не этот худенький мальчик, с трудом волочащий авоську с бутылками из-под молока и мацони, а вон тот молодой человек, четким, энергичным шагом идущий вдоль стены. Не смотрите на его лицо, вас могут ввести в заблуждение следы недавнего пережитого. Обратите внимание, как он легко идет, одетый в старомодный аккуратно ношенный, чуть полинялый от частой химчистки костюм, в такт шагу размахивая сжатыми в кулаки руками, что может быть свидетельством его сильного и волевого характера. Перхоть на плечах, сломанная пуговичка на рукаве, несколько пятен на брюках — это незаметные для постороннего взгляда детали, вовсе не говорящие о его недостатках.

Улица добра, как радушный и любезный хозяин, который знает, что тебе с дороги необходимо помыться, но все равно готовит тебе сверкающую белизной постель, не замечая, что у тебя стоптанные башмаки, несвежие носки и неопрятные манжеты. Он обслуживает тебя так, словно ты наделен одними только достоинствами и выглядишь как лорд. Ты гость — и этого достаточно.

Таковы взаимоотношения Сулхана с улицей — этим вечным незыблемым позвоночником, по которому каждый новый день сплавляет в непрерывном людском потоке бесчисленные разрозненные жизни.

Ритмично, как конвейер, с глухим шумом движется магистраль, распределяя ранних прохожих по улочкам города. А люди идут, стоят, ждут, оглядываются. Мягко, стелющимся серпантинном шуршат по политому асфальту колеса мчащихся отовсюду машин, вскоре их станет так много, что слышать, как они проносятся мимо, станет просто невыносимо.

Сулхан знает, что начался знакомый, заученный быт-спектакль, в котором судьба героя подчиняется не написанному автором либретто, а предопределена каждой новой минутой, закономерностью или же слепой случайностью. Бытие для него — это пытка, а точнее — серое, напоминающее улей четырехэтажное

здание школы, где он преподает труд и где видит Инну, чей образ вызывает в нем и страх, и томление, и сомнение, — и какое из этих чувств довлеет над ним, он так и не разобрался.

Утро чистое, как сон ребенка. Живыми обелисками высятся стройные чинары, теплый весенний ветерок пахнет свежей землей и ранней травой. Учитель ждет автобуса, который идет в один из окраинных районов города. Ожидание стало для него необходимостью, чтобы затем с терпеливостью Иова, молча, безропотно переносить давку в автобусе, зная, что впереди ждет его встреча с Инной в учительской или в длинном школьном коридоре. Эти недолгие минуты блаженства полностью уравнивают все неприятности, даже обиду на то, что за его спиной ученики пренебрежительно называют его только по имени — Сулхан.

Да, лицо учителя свидетельствует об энергичности и воле. Вот он несколько минут назад легко поднялся по каменным ступенькам подземного перехода и шагом беспечного, свободного от каких бы то ни было забот горожанина направился к остановке. Посмотрел в ту сторону, откуда должен был появиться автобус. Намеренно зачесанные влево волосы скрывали свежий шрам на затылке. Голову ему разбили в школе, на его же уроке разбил один из тех двуногих зверей, для которых самое главное на уроке труда — оглушительно стучать молотком. Так вот, один из этих оболтусов, который и представления не имел о том, каких нервов и крови стоили их учителю каждые сорок минут, словно персиковую косточку, швырнул молоток, который пролетел по комнате и острым концом задел учителя.

Боже мой, неужели тот день был в его жизни, неужели был?! Он до мельчайших подробностей помнит все.

В учительской было шумно. И хотя завуч, высунувшись из кабинета, громко крикнул: «Классным руководителям пора по классам!», в учительской мало что изменилось. Женщины, опережая друг друга, делились новостями: одна рассказывала о новом филь-

ме, другая сетовала на подорожание продуктов на рынке, третья жаловалась на беспечность мужа, интересовались дешевой портняжкой, говорили о моде, о том, что мужчин в школе можно по пальцам сосчитать, а вся учительская пропитана запахом сигарет.

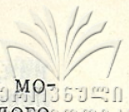
Сулхан стоял возле окна, равнодушно смотрел на это вавилонское столпотворение двадцатого столетия и думал о том, что жизнь — мучение, если человек обделен вдохновением. Под вдохновением он подразумевал любовь, на которую у него были весьма своеобразные взгляды.

До звонка оставалось четыре минуты, а Инна все не шла. С тех пор, как Сулхан открылся ей в своих чувствах, Инна же без всяких экивоков ответила ему, что любит другого, она старалась реже появляться в учительской, придя в школу, сразу направлялась в свой класс, откуда не выходила даже на переменах.

Давно уже впустили в школу дежурных, даже лаборанты, этот самый недисциплинированный и непунктуальный народ, были на своих местах, классные руководители стояли с журналами под мышкой — если нагрянет директор, можно будет сказать, что они уже идут в класс, — и продолжали беседовать. Начинался трудовой день. Многие, подобно Сулхану, работали в школе не по призванию, а только потому, что надо где-то работать и получать зарплату. В обмен на деньги отдавались знания, крик, улыбка, сила.

С минуты на минуту прозвенит звонок. Сулхан поднялся на третий этаж, чтоб пройти мимо Инниного класса. (В последнее время он нередко прибегал к этому способу, чтобы увидеть Инну, просто так, якобы между прочим, заглядывал в 7-б). В дверях стояли дежурные с красными повязками на рукавах. Один что-то рассказывал и оба покатывались со смеху, валились друг на друга, закрывая проход и не давая пройти другим ученикам.

Сулхан остановился. Мальчики с повязками на руках и не думали уступить ему дорогу. Один из них, фамилию которого учителя старались произносить как можно реже, затараторил: «Шестой класс пошел на урок труда, а у нас сейчас математика». Сулхан взглянул на глупое, бескровное лицо мальчишки и ему почему-то захотелось наказать его за болтливость.

— Молодец, Заткин, слава богу, хоть что-то можешь сказать. Впредь я заставлю замолчать каждого, кто будет уверять меня в том, что ты немой.

Прозвенел звонок. Сулхан испытывал непонятное удовлетворение от того, что вот так легко мог швырнуть этому мальчишке в лицо его дурацкую фамилию. Проходя, Сулхан успел увидеть Инну, сидящую за столом и окруженную учениками. И на окне—ее черную сумочку. Теперь ему надо было идти по коридору с большой осторожностью, чтоб его не сбили с ног несущиеся опростелеть в классы ученики. И на лестнице они то и дело попадались ему под ноги, в особенности первоклашки, которые так и норовят лишний раз попасться учителю на глаза, чтоб еще раз поздороваться.

Мастерская находилась на первом этаже. Сулхану следовало быть на месте, чтоб не давать повода для критического монолога директору, который, словно лазутчик, подглядывал из кабинета в другом конце флигеля. Сулхану уже тошно было слышать слово «дисциплина». Он сейчас спустится в мастерскую, наденет пропахший пылью синий халат и станет похожим на одинокого пастуха, который, пытаясь разрядить тишину, громко кричит в замороженные безоглядной ширью луга. Он должен сберечь и себя, и свое стадо.

Шел уже четвертый урок, когда кровь из раны окрасила покрытый стружками и пылью металла пол мастерской. Какими бессмысленными кажутся ему сейчас минуты, когда он сидел в кабинете зубного врача и ему перевязывали голову, а потом медсестра неотложки, чтоб остановить кровь, изо всех сил давила на забинтованную рану... И те пять швов, которые наложили ему в больнице... И мысли, что вертелись в голове: узнаю, кто был, задушу собственными руками и спокойно отправлюсь в тюрьму. Однако решающим в его дальнейшей жизни стало другое. Главное то, что случилось после, когда ему открыли бюллетень и время безмерно растянулось. Он редко выходил из дома, да и куда было идти с перевязанной головой. По соседству с его домом была библиотека, небольшая, непретенциоз-

ная, тихая. Несколько смущенный предстал он однажды перед библиотекаршей, увядшей как несорванная роза старой девой, смотревшей на него с улыбкой сестры милосердия, и попросил книгу об учителе.

— Об учителе... — повторила библиотекарша и после недолгого раздумья скрылась за книжными полками. Вскоре она вернулась с книгой в руке и с неизменной улыбкой сестры милосердия в глазах.

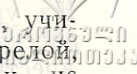
Заполняя читательскую карточку, спросила:

— Вы выбираете книгу для чтения только по своей профессии?

— Нет, — сказал Сулхан, — по профессии я инженер, но работаю в школе... Так уж получилось...

Он точно оправдывался. Стыдился дела, которым вынужден был заниматься по принуждению, и потому оправдывался? Вероятно... Другого подтекста в его ответе не было. Он признавался в том, что учительство — не его дело, что он призван заниматься другим, о чем все и поговаривали за его спиной, сочувствуя или осуждая. Но нередко правда, с которой ты не хочешь сталкиваться, которую избегаешь, сама напоминает о себе. Да, так и случилось, и Сулхан подумал было попросить другую книгу, детектив или приключенческую, или же фантастику, но библиотекарша уже раскрыла книгу, из кармашка на форзаце достала формуляр — и он передумал. Так и быть, почитает, что пишут об учителях.

Библиотекарша принесла ему русский перевод довольно нашумевшего романа современного американского писателя, о котором Сулхан до сих пор даже не слышал, но главный герой которого, учитель по профессии, заставил его задуматься о многом. Колдуэлл, мистер Колдуэлл... Сулхан мог без конца перечитывать страницы, повествующие о нем, а еще больше думать, думать, думать... Теперь он считал, что эту книгу должен прочесть каждый учитель, как можно не знать мистера Колдуэлла! Сулхан несколько раз возвращался к прочитанному, почти физически ощущал боль героя книги (которую причиняла тому именно его профессия), его страдания, но понимал, что без этой боли не было бы и мистера Колдуэлла. Сулхан проникся к нему сочувствием и доброй завистью, и это возвышало его, помогало забывать о том, что ему в школе разбили го-

лову, ведь и Колдуэлл, великодушный Колдуэлл, учитель по призванию, тоже был ранен в ногу стрелой, пушенной бестолковым учеником. Но Колдуэлл и не подумал, что задушит этого ученика собственными руками и спокойно пойдет в тюрьму, у него не было и мысли о мщении. Нет, это не терпимость труса, а умение прощать, которое свойственно разве что душе возвышенной, это не терпимость побежденного, а великодушное молчание сверхчеловека. Вот у кого надо учиться, с кого брать пример, — думал Сулхан, распаленный прочитанной книгой (она ни на минуту не оставляла его, сопутствовала его мыслям, воспоминаниям, рассуждениям) и решением, к которому пришел в своей сознательной жизни Колдуэлл: я не хочу их любви, я хочу, чтоб они меня боялись. Любовь была собственностью Колдуэлла, выстраданной, принадлежащей ему по праву, и потому он мог отвергать ее. Он имел это право. Вот что главное в жизни.

Он возвратил книгу и поблагодарил библиотекаря. На вопрос что бы ему хотелось прочесть теперь, он ответил, что ничего, пока что ничего, он хочет оставаться под впечатлением от прочитанного.

А впечатление было настолько сильным, что Сулхан думал, что он преобразился, стал другим человеком, и главное — приобрел большой опыт. Твердо веря в это, шел он сегодня в школу.

Стоя на остановке, он слышал, как кто-то разговаривал по телефону. Ему были видны только ноги говорящего басом мужчины.

— Автобиография... — произнес он с небольшим интервалом, — да, коротко и ясно. В семье служащего, кажется, я ведь не генерал... Всего лишь, не более, ты не этот, как его, Наполеон, чтоб иметь длинную биографию. Да, на энергетическом факультете, по отрасли промышленной энергетики. Комсомолец? Да, да, припиши... Член ВЛКСМ, понял?

Сулхану вспомнился последний педсовет. С серьезным докладом выступил завуч. Он коснулся таких актуальных вопросов, как идеологическая работа и эстетическое воспитание. Затем говорил о том, что ему не понравились уроки по литературе и географии.

На уроке литературы, оказывается, учительница не рассказала о том, как изменилась жизнь гурийских крестьян со времени Гогии Уишвили¹. «Старое непременно надо связывать с новым», — назидательно произнес он. Преподавательница литературы сидела с невозмутимым видом, поглядывала в окно и временами улыбалась. Урок географии был посвящен немарганцевым полезным залежам и защите природы. Завуч и этот урок не понравился, он авторитетно заявил, что, говоря о разработках апатита, нужно помнить о вкладе в это дело и нашей республики. Тут уж учительница географии не сдержалась и громко сказала, что апатит добывается на Кольском полуострове, а не у нас в республике. Но завуч, не обратив ни малейшего внимания на ее замечание, продолжал:

— Мы должны читать и изучать постановления о том, как расширять школьную базу, сколько строить школ... А наших учителей вовсе не беспокоит судьба школьной базы. Вот ученики буквально жуют новые парты, а у кого болит душа? Ни у кого! А школьное имущество надо бы беречь! Вот поговаривают о кабинетной системе. А ведь для этого нам надо сохранить технический инвентарь!.. Далее... Не каждый педагог стоит на должной высоте, на уроках — базар. О качестве уроков я уж и не говорю! А ведь всех вас ждет аттестация, так что работайте на совесть, не можете — пишите заявление, так, мол, и так, не гожусь я для этого дела, не могу работать в школе. Кое-кто так развалит дисциплину, что потом ее никак не восстановить. А в коридорах что творится? На стенах какие-то глупые надписи вроде «Гигла+Маико»!.. Есть у нас учителя, которые думают, что они читают лекции в Тимирязевской академии. Нет, товарищи, это не так! На нас возложена очень серьезная миссия, нам надо выполнять свои обязанности! Законы надо не критиковать, а исполнять!.. — Завуч, казалось, уже не мог остановиться. — Наша республика, — продолжал он с пылом, — и в этом году награждена переходящим Красным Знаменем... Запомним, в воспитательную работу входит и интернациональное воспитание, и профориентация. Вот в этом году мы были вынуждены отправить Даври-

---

¹ Герой рассказа Э. Ниношвили.

шева в колонию! Неужели вас не беспокоит судьба таких учеников? — И так далее, и так далее...

Сулхан уже в переполненном автобусе. Он стоит, вцепившись в спинку сиденья и чуть наклонившись вбок, сжатый телами посторонних, незнакомых людей. Он привык ездить в таких условиях, но сегодня его выводит из себя не то, что он испытывает ощущение, будто его повесили на гвоздь за ворот пиджака, и не то, что он не может сдвинуть с места затекшие ноги, и не то, что развалившийся на сиденье верзила сопит прямо ему в руку. Впереди Сулхан увидел восьмиклассника из своей школы, вот он и вывел его из равновесия. Особенно раздражал Сулхана ворот его оранжевой сорочки поверх школьной формы. Ученик сидит себе преспокойно. Правда, он ездит в школу издалека, родители получили квартиру и семья переехала в другой район, а он не захотел расставаться со школой. «Гений дзюдо...» — невольно иронизирует Сулхан. Взгляд его задерживается на детских плечах, белой шее и длинных волнистых волосах.

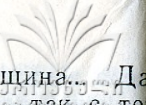
Мальчика звали Джоко, совсем не грузинское имя. Способностями он не блистал, да и особого рвения к учебе не проявлял, тащился на тройках, но учителя любили его. Сулхан был свидетелем того, как в гудящей учительской, куда одновременно входят и выходят шестьдесят учителей, две учительницы с умилением говорили о Джоко, о его спортивных успехах, о том, что он уже кандидат в мастера спорта, но звание ему не дают, потому что юн, вспоминали, как он извиняется, получив двойку, как краснеет при малейшем замечании, представьте себе, клянется младшей сестренкой — неслыханная нежность в наше время. Классная руководительница, сморщив лоб и закатив глаза, покачала головой и, словно счастливая мать, у которой оправдались все надежды, произнесла: «Какие у него умные глаза, к тому же они ну просто светятся любовью!».

«Женщины всегда преувеличивают, — подумал тогда Сулхан. — Стоит им увидеть красивые глаза, как они утверждают, что глаза эти умные и к тому же светятся любовью». Любовь... Бог знает, насколько со-

---

Лали Брегвадзе. Рассказы.

4. «Литературная Грузия» № 5.

вместимы эти два слова — любовь и женщина... Да, учитель мог с полным основанием думать так. С тех пор, как после долгих раздумий он признался Инне в любви. В наше время, когда женщины бегают на работу в бриджах, когда никто не отдает должного уважения манерам, переродились традиции и нередко женщина, сидя за столом, может в присутствии сослуживца выщипывать брови или же волоски на подбородке. Станным кажется тот путь, который избрал Сулхан для объяснения в любви. Он подарил Инне книжку Шарлотты Бронте «Джен Эйр» и попросил перечитать ее. Он заложил страницы, в которых фиолетовыми чернилами подчеркнул некоторые строчки из диалогов Рочестера и Джен Эйр, а именно те, в которых Рочестер предлагал героине руку и сердце, и все свое состояние или же просил ее быть с ним всю жизнь... Фантазия Сулхана пошла дальше — он подчеркнул строчки, в которых Джен (подразумевалась, конечно, Инна) спрашивает, неужели Рочестер в самом деле любит ее и хочет на ней жениться? На полях рядом с этими волнующими строчками он приписал теми же фиолетовыми чернилами: «Да!» А в одной из строчек он приписал слово «Мцхета», и получилось следующее: через месяц мы поженимся, обвенчаемся во Мцхета, вдали от всех, в уединении.

Инна никак не отреагировала на подарок. Прошло время, но ничего не изменилось. Тогда Сулхан решил проводить Инну и прямо сказать ей о том, что он давно уже любит ее. Но он не успел ничего сказать, по дороге они встретили Инниного знакомого. Инна говорила с ним неестественно громко, и Сулхан догадался, что знакомый плохо слышит. И не ошибся. Инна потом сказала, что ему сделали операцию, но слух не вернули, а ведь он — композитор.

— Настоящий Бетховен...

— Это не тема для шуток, — обиделась Инна, и Сулхан корил себя за то, что ляпнул глупость.

Было холодно, ветер плясал на грязном, сухом снегу, пронизывал до костей.

Улучив минуту, Сулхан признался Инне в любви и предложил ей руку и сердце, как подобает истинным мужчинам. Инна ответила коротко — люблю другого.

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՊԵՏԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Сулхан почему-то был уверен, что она говорит не правду.

Да, женщина и любовь — понятия несовместимые, считал Сулхан. Он, вероятно, не читал «Заратустру», разумеется не читал и не знал, что нет на свете человека более прекрасного, жалкого, нежного и вероломного, нежели влюбленная женщина. И птицы нигде не летают так высоко и вольно, как в сновидениях влюбленной женщины. Зато Сулхан прекрасно знал, что такое одиночество.

Автобус идет медленно, тяжело покачиваясь. Пассажиры толкаются, теснят Сулхана, кажется, что они задумали сломать ему ребра... Если бы мужчина мог бы и в самом деле пожертвовать собственным ребром, чтоб ему создали жену, что тогда?.. Ох, надо же, кто-то о его брюки вытер свои туфли... Кто-то наступил ему на пальцы ног и он чуть не задохнулся от боли. Рядом с Сулханом оказалась неуклюжая женщина, всей тяжестью своего тела налегла она на него, еще немного — и прижмет к металлическому углу сиденья так, что у Сулхана кишки вылезают. А этот бездельник, «дзюдоист», сидит себе, набирает силы, словно это ему предстоит провести шесть уроков, пройти шесть трудновообразимых адовых кругов. Он не оглядывается, разумеется, намеренно, чтоб не уступить место старшему, сидит, повернувшись лицом к окну, и смотрит на улицу. «Интересно, какие мысли вертятся в его безмозглой башке?» — думает Сулхан, мечтая хотя бы на минуту присесть или хотя бы свободно вздохнуть.

«Колдуэлл, великий учитель, хорошо, что я знаком с тобой, что ты есть в моей жизни!»

Автобус проехал почти полгорода, несколько раз попадал в пробки и с трудом выбирался из них.

Неуклюжая женщина наконец-то исчезла, то ли прошла вперед, то ли вообще сошла на остановке, главное, Сулхан чувствует, что стало посвободнее. А это еще что за новость? Чья рука лезет к нему в карман? «Нашел тоже к кому лезть!» — издевается в душе Сулхан, а повернуться или хотя бы шелохнуться все еще не может, он застрял среди пассажиров, как кол в стволе дерева, и довольствуется тем, что посмеивается в ду-

ше. «Ищи, ищи, может быть, и найдешь что-нибудь ну, что же ты, пошарь и во втором кармане». Ищи да обрящешь! Обрящешь ли?.. Оказывается, и бедность своей можно гордиться! «Прости, дорогой, очень сожалею, что не смог тебя обрадовать, ничего не поделаешь, не всегда человек оправдывает надежды, на него возложенные». Потом Сулхану захотелось взглянуть на неудачника, который лез к нему в карман, хотел взглянуть ему в лицо. Но с трудом обернувшись, он увидел двух высоких, красивых девушек, скорее всего первокурсниц. Бледные от страха, они стояли не дыша, боясь глянуть в сторону. А рука уже выскользнула из кармана Сулхана и потянулась к девушкам. Сулхан улыбнулся, скорее для того, чтоб подбодрить девушек. Нет, так и не увидел Сулхан лица карманника, к которому у него появилось странное чувство сострадания, смешанного с презрением.

А этот, будущий мастер спорта, сидит — и морем ему по колено. Он в оранжевой сорочке, в то время как учителям разрешается приходить в школу только в белой. А если он вдруг предложит Сулхану сестричку? Нет, не воспользуется Сулхан любезностью этого молодого кососа, для которого жизнь — порхание над пестрыми цветами. Да Сулхан и не сможет подойти к тому месту, где сидит Джоко, кто его пропустит? А состояние, в котором сейчас Сулхан находится, самое подходящее для размышлений о том, что представляю собой эти длинноволосые юнцы. Сулхан вновь вспомнил своих коллег, сердобольных учительниц, восторгающихся дзюдоистом: какие глаза, как умен, как любит сестричку!.. Тоже мне, Америку открыли! Колдуэлл в этом случае сказал бы: бедный мальчик, как многого он еще не знает! Или же: да будет милостив тебе Всевышний, мой мальчик! Колдуэлл не страдал бы от того, что стоит на ногах, скорее был бы доволен тем, что эта долгая и нудная дорога лишает его сил, набранных им по крупице за ночь, и разливае во всем теле глухую боль усталости, он был бы доволен и счастлив, ибо терпение — это свойство сильных добрых, это свойство рыцарской души.

«Почему, как правило, нас не понимают те, кому мы любим сильнее всего на свете? Как страшна ненависть, рожденная любовью, равнодушие, рожденное

ՀԱՅԿԵՆԻ
ՊԵՆՍԻՆԻ

«Безнадежностью, и еще — добровольное отрешение от всего, что недосыгаемо и неисполнимо.

Как много нового строится в городе! Новые массивы... Кварталы... Машины, которые скоро затопят улицы. Автобусы по утрам и вечерам заполняются людьми не для того, чтобы слышать, как стонут их уставшие, тяжелые тела. Эх, когда карман пустой, ты портишь настроение даже воришке. А если у тебя и душа пустая?.. И от любви откажусь, мне бы волю Колдуэлла.

...Как это называлось у самураев — харакири?..» Кажется, приехали. Может быть, и удастся выйти из автобуса.

Автобус остановился. Те, кто собирались выйти, сбились у выхода. Сулхан сначала продвигался вперед, как черепаха, потом людская волна подхватила его и увлекла за собой. Кто-то протянул ему билет, прежде чем он успел взять. «Это вам», — сказал низенький мужчина. Пока Сулхан соображал, Джоко успел спуститься. «Безмозглый болван! — почему-то разозлился Сулхан. — Кто его просил брать мне билет! И даже не ждет, чтоб я поблагодарил его! — он все более распалялся. — Надел оранжевую рубашку и важничает! Какого черта он брал мне билет?! Я ведь знаю, что школьного сторожа он уважает и побаивается больше, чем меня! А этот самый сторож даже в самый лютый холод не впустит опоздавшего в школу да еще шутит: иди, иди, пей какао, кушай горячий хачапури! Вот если бы сторож ехал с ним в автобусе, он бы не взял ему билета, но и не поиздевался бы... Не нужен мне его билет, подумаешь, расщедрился!»

Невольно, не отдавая себе отчета, он громко произнес имя ученика. Произнес и сам удивился — зачем? Но Джоко уже остановился, обернулся и стал ждать его. Сулхан, приближаясь, мучительно думал, что же сказать ему, но в это время взгляд его остановился на женщине, идущей по противоположной стороне улицы. В одной руке она несла ведро с хризантемами, другой прижимала к груди огромную охапку

хризантем. Сулхан успел заметить, как из этой охапки выпала одна белая хризантема и осталась сиротливо лежать на асфальте.

...Только не надо волноваться, спокойствие — единственная возможность подчеркнуть свое превосходство, самый верный способ самозащиты. Сулхан знал это и потому решил ни на секунду не забывать о самоконтроле, чтоб не оказаться жертвой развинченных нервов. В конце концов, он ведь должен научить уму-разуму этого сопляка, когда-нибудь ведь должен, не прибегая к силе, достичь желаемого результата, внушить хотя бы одному из них, что... Но что он должен был внушить Джоко?.. И какую форму принял бы их диалог? Да и вообще, так уж он необходим сейчас, этот диалог? Чем больше он думал, тем сильнее одолевала его ярость, тем больше утрачивал он спокойствие, за которое цеплялся, как утопленник, до самой последней минуты, пока это его спокойствие, добытое столь дорогой ценой, не столкнулось с беспечностью во взгляде мальчика.

— Ненавижу! — закричал Сулхан. — Всех ненавижу!

— Знаю, — проговорил мальчик, — это не новость.

И стал терпеливо ждать, что еще скажет Сулхан, ведь, наверное, он позвал его не только для того, чтобы еще раз сказать о том, что давно уже всем известно.

В невозмутимости мальчика Сулхан увидел его победу. Это было столь же ощутимо и реально, как пыль мастерской или ворвавшийся в окно ветер, и понял Сулхан, что был обречен на поражение гораздо раньше того, как принял решение не выходить из себя, обуздать собственные нервы.

В тот миг, когда мальчик произнес слово «знаю» все стало на свои места, но это страшное слово, спокойно и невозмутимо произнесенное мальчиком, почему-то уже не оскорбляло учителя, поскольку оно выразило внутреннюю правду, стирающую какую бы то ни было внешнюю условность.

Джоко носком туфли беспечно поддел комочек земли... и нарушился миг взаимопонимания. Комочек

отлетел в сторону, где белая хризантема — нет, не валялась, а лежала, словно присматриваясь к суетности жизни, и рассыпался, не успев упасть на асфальт.

Они стояли друг перед другом. Чего же ждал учитель, не слов ли, которые могут объяснить бессмысленность их разговора или же каких-то других слов, более понятных, за которые можно уцепиться, как за надежду. А этот мальчишка, метивший в его и без того изъеденную сомнениями, озлобленную душу стрелами горькой правды, был не врагом, не его отрицанием, а зеркалом, которое он уже не хотел разбивать.

— Говори, что хочешь сказать!..

Он не кричал, он молил мальчика, у которого и в самом деле были умные глаза.

— Говори, заклинаю тебя твоей сестренкой!

— Не знаю... — произнес Джоко, растерянный, и вдруг, набравшись смелости, посмотрел ему в глаза, словно они были друзьями, и соболезнуя, добавил. — Я бы на вашем месте, не будь у меня другого выхода, работал грузчиком на вокзале.

И учитель неожиданно всеми клетками своего существа ощутил сочувствие мальчика, граничащее с болью.

Ни злости, ни намек на оскорбление не оставил в душе Сулхана идущий по дороге вдоль узкой полоски молодых сосен мальчик в оранжевой сорочке, которому не дают звания мастера спорта, потому что он еще юн.

Сулхан стоял не шелохнувшись, он простоял бы так всю жизнь, поскольку ни в чем и нигде не видел выхода для себя. Он не сердился и не мучился. Все уже было сказано. Он попытался думать об Инне, вызвал ее образ — так пробудившийся от кошмарного сна человек пытается думать о чем-то пленительно прекрасном, чтоб отогнать внушающее страх видение и успокоить душу. Но образ Инны еще раз подтверждал, что все это любовное безумие и вся боль придуманы лишь для того, чтобы заглушить другую, более сильную боль. Настоящая любовь, вероятно, — участь

избранных. А несчастный должен искать исцеление в другом.

Кто из нас не танцевал, прижавшись к своему партнеру... И что осталось после этого? Воспоминание? Только лишь воспоминание, которое в один прекрасный день улыбнется тебе из далекого прошлого: разве любовные письма непременно должны писаться на розовой бумаге?.. И ты поймешь, что любовь — это слово, которое так же существовало в тебе, как слово бог, в которого ты никогда не верил, однако отрицать или признавать его, считал ты, одинаково бессмысленно.

Он шел через весь квартал, не заботясь о том, что навстречу из подъезда какого-нибудь дома может выскочить один из шалопаев, ведь почти все его ученики живут в этом квартале. Он заметил учительницу русского языка, она мчалась во весь дух, перебирая ромбовидными ногами, — вероятно, у нее был первый урок. «Получила звание заслуженного учителя, юбилей ей отметили, чего ей еще надо? — подумал Сулхан. — Пора бы и на отдых»... Мимо с оглушительным грохотом пронесся мотоцикл, на котором сидели двое восьмиклассников. «Опять угнал у дяди эту тархтелку». А мальчики помахивали ему рукой, что означало — сегодня нам не до уроков. Сулхана и это не разозлило, более того — он даже развеселился, в душе позавидовал их легкомыслию и чуть было не помахал им в ответ.

Он шел напрямик, точно слепой, пока не увидел художника. Тот сидел на земле и, положив на колени доску, рисовал подъезд старого одноэтажного дома. У художника был узкий подбородок, прямой нос и зачесанные назад волосы. Рисуя, он нервно покусывал губы. Сулхан остановился за его спиной и стал смотреть, как он рисует, как с филигранной точностью движется по бумаге кончик карандаша. Художник, видимо, привыкший к посторонним взглядам, не поднял головы, Сулхан присел рядышком, словно они были старыми друзьями.

— Прекрасно. В самом деле удивительно. Такую дверь сейчас не сделают.

И Сулхан замолчал, считая, что соблюдена фор-

мальная сторона для знакомства. Теперь слово было за художником. «Старые районы исчезают, не сегодня-завтра не станет и этого подъезда. Вместо него мы увидим разинутую пасть подъезда огромного дома. А эта красота исчезнет навсегда», — сказал бы, вероятно, художник.

«Как хризантема»... — подумал бы Сулхан. Возможно, он произнес бы эти слова вслух, сказал бы, как говорят старому знакомому: «Ты пришел, друг?» или «Давай посидим где-нибудь, поговорим»...

Да-да, с каким удовольствием произнес бы он эти слова, умолил бы художника подарить ему немного времени, чтобы иметь возможность сказать друг другу самые необходимые слова.

Но художник вдруг начал поспешно собирать свои вещи и недовольно проворчал:

— Думают, что я пришел грабить, оттого у них такие лица.—Сулхан только сейчас заметил людей в окне дома. Упорный взгляд играл роль того посредника, который должен был сказать: убирайся, оставь нас в покое, чего ты пристал к этой двери? И художник предпочел уйти. Он успел схватить главное, основные штрихи и нюансы — и теперь уходил по тропинке между домами. Сулхан пошел следом за ним, потому что, как ни крутись по всему кварталу, только по этой тропинке и можно было выйти на главную улицу, в начале которой на фоне горбатых гор возвышалось унылое серое здание школы, на ту самую улицу, которая была свидетелем его прошлого и на которой, как ему казалось, пройдет его будущее. Вновь вспомнился ему Колдуэлл. Он ничего не мог изменить в судьбе Сулхана, разве что сам Сулхан чувствовал в нем поддержку, которая подстать общечеловеческому, стирающему границы родству и которая нередко заставляет думать о своем достоинстве. И, возможно, самая трудная, самая болезненная, но и самая светлая именно та минута, с которой начинаешь думать о своем человеческом достоинстве. Ведь человек покоряется нелегко. Для этого нужно иметь не меньше сил, чем на гордость, иначе это не называлось бы сло-

вом «покориться». Трудно объяснить, каким чувством был охвачен в эту минуту Сулхан, трудно найти ему определение. Это была не грусть и не беспечность — вероятнее всего, он просто на какой-то миг, как говорится, вылез из своей скорлупы и потому пошел следом за спугнутым подозрительными взглядами жильцов дома художником, идущим походкой танцовщика кордебалета. Художник намного опередил Сулхана, но он все-таки догнал его и, проходя мимо, сдержанно улыбнулся. А художник сказал: «Не думайте, что я испугался. Знаете, сегодня хоронят католика — так пусть они себе переживают в такой день».

Сулхан слышал о том, что умер католикос, но ему казалось, что это было уже давно. Стало быть, хоронят сегодня... Вот и незачем теперь Сулхану гадать куда ему идти.

Казалось, весь город двигался по направлению к старому району, где происходили похороны католика. Шли верующие и неверующие, просто любопытные — шли все, кому не лень. Сулхан был уже среди тех, кто тесно прижавшись к спинам друг друга, в восторженном молчании заперудил улицу.

Отсюда ничего не было видно, кроме купола кафедрального собора, в ограде которого хоронили католика, да чистого неба. Взволнованно гудела огромная людская волна, жаждущая вырваться на простор и разлиться во всю ширь. С обеих сторон улицы теснили здания, кто смог — влезли на деревья и на ограды дворов. Затеняя глаза ладонью, люди жадно всматривались в улицу пониже, перед самым собором и коротко и скупно отвечали на вопросы тех, кто ничего не видел: нет, машины папы римского не видать, вероятно, он прибыл со стороны набережной; проехала какая-то машина с занавешанными окнами, может быть, в ней сидел папа римский; да что с вами, он тоже человек, обычный дедушка с бородой.

А солнце набирало силу. Люди упрямо стояли, напирали на стоящих впереди в надежде продвинуться хотя бы на один шаг.

Сулхан оказался в самой середине бурлящей волны, он задыхался. С трудом продвинулся он чуть в сторону и оказался рядом с веселой стайкой без умолку

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆՈՅՆԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

болтавших девочек. Они говорили о чем-то, понятном только им, и беззаботно смеялись.

Католикоса, наверное, уже опускали в землю.

А на другом конце города заливался школьный звонок. В седьмом «б» классе пропал урок труда, и не один, а два урока подряд! Был бы конец дня, еще ничего, можно заменить один час, а с последнего отпустить детей, но ведь идет всего лишь третий урок.

Сулхан взглянул на зеленый циферблат часов. Пропадает, ну и пусть! Ученики только того и ждут, для них это праздник, настоящий праздник. Погода прекрасная, им разрешат выйти во двор, и они будут как угорелые носиться там, точно звери, которых выпустили из клетки. Некоторые, конечно, поспешат на спортивную площадку играть в своего излюбленного «здравствуй, осел» — одни низко сгибаются, а другие прыгают через их головы. Найдутся любители лавить на ограду, покурить в укромном углу, а влюбленные уединятся парочками в тихих улицах микрорайона. Представьте себе, они успели бы даже посмотреть фильм в соседнем кинотеатре и целоваться, сидя в последних рядах. Целых два академических часа подарила им судьба — надо же использовать это время свободы! А зубрилки, разумеется, будут повторять домашнее задание, этих уже ничего не спасет...

Извините, но Сулхану на все это, как говорится, наплевать. Нет, не разрушен пока что его Карфаген, и не так легко его разрушить, не только потому, что встреча с реальностью научила его горькому спокойствию, помогла по-новому взглянуть на свою жизнь, которую он прожил не безмятежно, не пронес бережно, как воду в ладони, а расплескал в мелких заботах горьких и безрадостных дней, и никогда не думал о том, что человек живет ради одного, только одного дня, ради святого дня смерти, все остальное ложь и выдумка, развлечение в ожидании того единственного дня, который так беспристрастно оценивает, кто ты есть и был ли смысл в твоём существовании и полагалось ли тебе в жизненном пространстве место, кото-

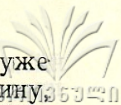
рое ты занимал по милости своего физического существования.

Ну и что с того, что Сулхан сейчас не на уроке и его напряженный и усталый слух не ждет, когда же, наконец, прозвенит звонок, что с того, что он не исполняет свою наипервейшую обязанность... Но какая она, наипервейшая обязанность, знаем ли мы, что это такое? Или понимаем, в какой момент наступает время нашего прозрения? Все эти мысли — пустая головоломка, в особенности, когда со всей очевидностью осознаешь, что ты мог пронести свою жизнь бережно, как воду в ладони, чтоб не расплескать ее... А вообще-то что тут понимать, да и к чему сейчас эти рассуждения, чем ты отличаешься от других, всех тех, кого привели сюда похороны католикоса!..

Сулхан услышал смех девочек, услышал, казалось, только глазами, потому что в ушах у него стояли другие голоса, слившиеся в единый гул людские голоса, и Сулхан думал, что именно это и есть настоящая жизнь, подлинная стихия, то главное, рядом с которым тебе только и остается думать, что все обойдется. Нет, не разрушен пока что его Карфаген, — верил Сулхан, очутившись в этом людском хаосе, где кто-то сказал: устал, больше не могу; другой: католикос непременно попадет в рай; еще кто-то: эти звери чуть было не поломали мне скрипку; и в ответ: подумаешь, тоже мне скрипка Страдивари; а еще кто-то: безумие все это, мы вконец поглупели. И еще: подержите, пожалуйста, мне сумку; или: нам здесь уже нечего делать, давно отзвонили колокола, пропустите меня, пожалуйста, пропустите. Но было ясно, что говорящий не сдвинется с места.

Рядом с собой Сулхан увидел мальчугана лет шести. Его привела мать, и он вынужден ждать терпеливо и спокойно. У малыша были спаленные ресницы и брови (Сулхан представил, как ему досталось за его непоседливость и любопытство), чистый и ясный взгляд. Какая чистота, чистота снежной белизны! «Ничего лучше малышей, — подумал Сулхан. — До того, как человек осмыслит свое существование и придумает себе заботы, он похож на ангела. А потом... Потом черт знает что происходит...»

Люди все еще стоят застывшей волной, чего-то

ждут. Ведь все уже кончилось, могилу, вероятно, уже засыпали землей, папа римский вновь сел в машину, размышляя о своей предстоящей долгой дороге. «Интересно, кто придет на мои похороны? Кто будет опечален моей смертью?» Инна!.. Стоном ворвалось в его раздумия имя, на которое он, сам не зная когда, наложил табу. И раз и навсегда осознал, что нет у него близкого человека на земле, что он обделен судьбой, бесприютен и неприкаян. За что он цеплялся все же, за что? За нечто нереальное, несбыточное, как странное сновидение человека, стосковавшегося по любви. А ведь как ничтожно мало нужно было для того, чтобы его жизнь превратилась в праздник.

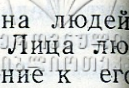
Усталым взглядом окинул он собравшихся... Все же как их много! Но никто не мог помочь ему, наоборот, казалось бы, телепатически почувствовав, о чем он думает, люди, вместо того, чтобы утешить его, отвернулись. Зашевелились стоящие в хвосте, толпа медленно повернула вспять, и те, кто был в самой гуще ее, облегченно вздохнули.

Сулхан пошел вслед за движущимся потоком, даже обогнал некоторых. И тут все вдруг прояснилось, стало понятно, какая сила повернула обратно эту тугую человеческую волну.

Неподалеку, у перекрестка, на высохшем фонтаничке питьевой воды сидел мужчина и играл на банджо. Рыжий, веснушчатый, с потресканными толстыми губами, он глядел на людей сурово, но Сулхан подметил в его взгляде едва заметный светлый лучик. Мужчина играл виртуозно, равнодушно взирая на поток людей, который, отхлынув от собора, застыл теперь уже у перекрестка. Мужчина играл легко и непринужденно и профессионально, без пауз, переходил из одной ритмической композиции в другую.

Сулхану удалось протиснуться вперед. Он стоял и смотрел на играющего, у которого едва заметно дрогнули толстые потресканные губы, когда кто-то из парней, поддавшись соблазнительным ритмам музыки, начал покачиваться в такт.

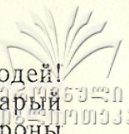
Перед взором Сулхана разыгрывался импровизированный спектакль. А народ все прибывал, постепен-

но обростала оборотившаяся вспять волна людей, привлеченных чарующими звуками музыки. Лица людей выражали симпатию к музыканту, уважение к его мастерству. А музыканта, казалось, ничего не интересовало, кроме своего инструмента, он играл словно только для себя, порой закрывая глаза и всем телом своим прислушиваясь к выразительным аккордам. Теперь уже его быстрые пальцы лепили «Болеро» Раavelя. По его веснушчатым скулам скатывались капельки пота, но он по-прежнему сохранял олимпийское спокойствие. «Счастливец, — подумал Сулхан. — Но интересно, считает он сам себя счастливым?»

Кольцо вокруг музыканта стало сужаться, все те, кто пришел на похороны католикоса, повалили к перекрестку. Сулхан подметил, что, несмотря на то, что люди все прибывают и прибывают, давки не ощущается, нет соперничания за право стоять в первых рядах, наоборот, стоящие впереди старались потесниться, чтоб и другие могли насладиться игрой виртуоза, сидящего на высохшем фонтанчике питьевой воды. Постепенно все больше и больше сокращалось расстояние между играющим и слушателями, все происходило молча, без всякой суетливости, уважительно к другим, как в настоящем концертном зале. Сыграв «Болеро», музыкант умолк так неожиданно, что слушатели недоуменно замерли и вдруг, очнувшись, бурно зааплодировали.

Откуда-то стрелой вылетел мальчишка, схватил шапку, лежащую у фонтанчика и вежливо протянул ее музыканту: у вас упала шапка. Музыкант странно и, как показалось Сулхану, иронически улыбнулся, взял шапку, спрятал ее под мышку и спрыгнул с фонтанчика. И тут все, казалось, прозрели, только сейчас поняли, в чем дело, и руки, которые только что бурно аплодировали, медленно опустились. Все затихли — и праздник перешел в удивление. В центре внимания на сей раз оказался мальчуган, чистый и безгрешный, открывший людям правду, которая никак не сочеталась с праздничным настроением. Сулхан узнал мальчугана по спаленным бровям и ресницам. И голос женщины услышал: «Гаги! Иди сюда, Гаги!». Мальчик оторвал взор от уже идущего по крутому подъему музыканта и побежал к матери.

Как быстро распадалась плотная волна людей! Каждый пошел своей дорогой. Люди покидали старый район, где многие так и не смогли увидеть похороны католикоса, но зато увидели друг друга.

Возле фонтанчика оставался только Сулхан, которого никто не замечал, как ту самую хризантему, которую потеряла женщина. Он провожал взглядом проходивших мимо людей, и ему казалось, что они уходят, унося с собой горечь печали. Впрочем, так ему казалось в силу его собственных субъективных ощущений, печаль людей была тут ни при чем, это в нем самом отдавалась тоской любовь, его горькая и отвергнутая любовь, о которой он отныне не смел и мечтать. Теперь он думал лишь о том, что для человека самое главное — это чувство собственного достоинства, и любой ценой, даже ценой своей жизни, надо сохранить его. Да, именно чувство собственного достоинства.

Возле фонтанчика оставался только Сулхан, которого никто не замечал, как ту самую хризантему, которую потеряла женщина. Он провожал взглядом проходивших мимо людей, и ему казалось, что они уходят, унося с собой горечь печали. Впрочем, так ему казалось в силу его собственных субъективных ощущений, печаль людей была тут ни при чем, это в нем самом отдавалась тоской любовь, его горькая и отвергнутая любовь, о которой он отныне не смел и мечтать. Теперь он думал лишь о том, что для человека самое главное — это чувство собственного достоинства, и любой ценой, даже ценой своей жизни, надо сохранить его. Да, именно чувство собственного достоинства.

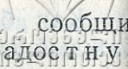

Вано
УРДЖУМЕЛАШВИЛИ

ДЕТИ- МАТЕРИ

Вано Урджумелашвили — один из тех грузинских писателей, чья юность мужала на полях кровопролитных сражений Великой Отечественной войны, и один из тех, кому посчастливилось не только вернуться победителем домой, но и стать активным участником мирной жизни. Во всех его произведениях затронуты моральные, нравственные вопросы.

Публикуем главы из последнего романа писателя «Дети-матери», к сожалению — уже посмертно.

ЗАКАРИЯ сообщил
Бадри радостную
весть:

— Наконец-то я уговорил начальника управления. Он собирается назначить тебя на завод по производству толя. Повидайся с директором, поговори. Если он начнет мудрить, ты не отступай, только не признавайся, что это Тамаз постарался о твоём движении. Скажи, что насчет тебя звонили сверху. Вот, мол, меня и прислали к вам.

Приехав в Манглиси автобусом, Бадри сошел на шоссе и стал спрашивать прохожих, как ему добраться до толевого завода. Многие вообще не слышали о существовании такового, другие не знали, где он расположен. Только один шофер сказал Бадри, указав рукой на лесистую гору:

— Кажется, должен быть где-то там.

Доводилось ли вам когда-нибудь видеть монастырь Сапара, воздвигнутый на краю пропасти и с трех сторон окруженный высокими горами? Взбираешься медленно по подъему, и вдруг перед взором твоим возникает взмет-

нувшийся под самое небо крест. Потом постепенно всплывает купол, и перед глазами вырастает великолепный храм.

Шагая вверх по склону, Бадри сначала увидел змеей тянущийся в небо дым, затем внезапно возникла дымовая труба, и наконец показался в низине, окруженной горами, распростершийся в длину корпус сложенного из блоков заводского строения.

Возле ворот, закрытых на засов, не было ни души. Бадри прошел по узкому балкону караульного помещения и очутился во дворе. Кругом валялись порожние смоляные бочки, пустые ящики, обрывки картона.

Первый же встречный рабочий указал Бадри, где найти директора: как только, мол, войдешь в цех, сразу направо маленькая комнатуха, там он и сидит.

В наполненном дымом цехе стоял запах гари и жженой смолы. В огромном котле кипело черное вариво. Подле машинных установок крутилось человек десять рабочих.

Соломон, который сидел в своей прокопченной насквозь каморке за стоявшим в углу столом, при появлении Бадри мигом поднялся, вынул изо рта трубку и, огладив кончиком мундштука усы, восторженно воскликнул:

— Ба! Это ты, Бадри?

— Я, батано, я!

— Привет, привет, давай здороваться!

После того, как они энергично пожали друг другу руки, директор указал гостю жестом на стул и сам вернулся на свое место.

— Значит, это тебя собираются назначить на мое место? Да-а, годы не те! Видно, посчитались с моими заслугами и решили спасти меня, пока я совсем тут не захирел!

— Не знаю, мне сказали, что человек-де уходит по собственному желанию.

— Эх, молодость, молодость! Я вот до седин дожил, а еще не слышал, чтоб кто-нибудь отказался от должности по собственному желанию! Я бы отсюда ни за что не ушел, но начальство на меня зубы точит, я им что бельмо на глазу. Лучше, думаю, сам отой-

ду в сторону, пока не дали по шапке. Но как ты меня нашел? Небось, намучался?

— С трудом отыскал. Забрались прямо к черту на рога!

Соломон подмигнул глазом и усмехнулся:

— Если хочешь, чтоб начальники не извели тебя своими указами да приказами, не гоняли бы, как гончего пса, взад-вперед, лучше держаться от них подальше. Чем меньше попадаешься им на глаза, тем лучше. Ну как, нравится тебе здесь?

— Как сказать, я думал, что завод более благоустроенный, — невесело отозвался Бадри.

— Знаешь, что я тебе скажу: никогда не суди первого взгляда. Это, брат, тепленькое местечко, коллектив прекрасный, все довольны. Не помню, чтоб кто-нибудь позволил себе громкое слово, пожаловался вышестоящие органы. А на других предприятиях, сам знаешь, комиссия за комиссией. Руководителей снимают, а то и привлекают к ответственности.

— Это хорошо! — ответил Бадри с улыбкой.

«Ты посмотри на него, как небрежно он разговаривает, — озлился в душе Соломон. — Видно, уверен, что должность директора от него не уйдет. Надо сразу дать ему почувствовать, что без моего согласия не видать ему этого места как своих ушей!»

— Ты мне скажи, у кого был в верхах?

Бадри не знал, кого назвать. Решил сказать, что его дядюшка повидал одного большого человека. А если Соломон спросит, кто такой этот дядя, он назовет какое-нибудь должностное лицо, пусть идет и выясняет, так оно или не так.

— Что ты пялишь на меня глаза? Я спрашиваю у кого ты был? — вышел из себя Соломон.

— Я ни у кого не был, это мой дядя был у какого-то большого начальника, они друзья со студенческих лет.

— Слава богу! Если бы тебе помогал Тамаз, бы и с места не сдвинулся. Когда его выдвинули, устроил шикарный кутеж, собрал для него деньги в подарок, думал, он оценит, окажет поддержку, не даст меня в обиду. А он пыжится, как индюк, близко меня к себе не подпускает.

Бадри не верил своим ушам.

— Что вы говорите! А я слышал, что начальник управления—прекрасный работник и честнейший человек.

— А ты так и поверил!..

«Ишь, распустил язык. А впрочем, что мне за дело, пусть себе мелет на здоровье. Я-то сам не скажу о начальстве ни слова — ни плохого, ни хорошего».

И Бадри ответил безразличным тоном:

— Какое мне дело, уважаемый Соломон, кто что из себя представляет! Как бы там ни было, начальник есть начальник, я его должен уважать и ценить.

— Ладно, ладно! Но всегда молчать тоже нельзя, а то добро может обернуться злом, если не называть вещи своими именами! Кончим об этом, перейдем к делу.

Бадри кашлянул, будто прочищая горло: он решительно не соображал, что говорить дальше. Не мог же он ответить, что ему нечего сказать, что он просто пришел осмотреть завод. Соломон, видать, еще неплохой человек. Правда, немного возбужден и болтает лишнее, но за это его не осудишь. Он же понимает, что его положение пошатнулось. Другой бы на его месте со мной даже разговаривать не стал. Как-никак — я соперник.

Упорное молчание гостя окончательно вывело Соломона из терпения:

— Слушай, говори, наконец, ты хочешь или нет стать директором завода?

Бадри немного помедлил с ответом: скажи он правду, начальник бы, верно, разозлился. Потом он спросил:

— А разве это зависит от моего желания?!

— Ты что же, собрался плясать под мою дудку?

— Но я... Клянусь честью, я в своей жизни ни у кого ничего не отнимал! Лучше подохнуть с голода, чем позариться на чужое. Такого я себе никогда не позволю.

— Не позволишь, тогда и сиди весь свой век на одном месте... Так вот, послушайся моего совета, раньше взвесь все как следует, реши для себя вопрос окончательно, а потом приходи. Понял?!

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

За все он должен быть благодарен одному начальнику управления. Вот уж действительно добрый, отзывчивый человек, хозяин своего слова. Пообещал и сразу же выполнил. Закариа уверяет, что, когда я буду директором, Соломон мне во всем поможет. Он, говорит, человек опытный, так что ни он, ни ты в накладе не останетесь. А там время покажет. Если найдете общий язык, то лучше и быть не может, ну, а если не уживетесь, ты спровадишь опекуна и развяжешь себе руки...

...На сей раз Соломон принял Бадри с дорогой душой, попотчевал хлебом-солью и повел с ним разговор в открытую:

— Теперь вам, молодым, и карты в руки, ваше время. Тут ерепениться не приходится — плетью обуха не перешибешь! Но наш опыт тоже чего-нибудь стоит. И мы готовы вас во всем поддерживать, поделиться своими знаниями. Но ты, брат, молодец, начальник главка на тебя не нахвалится, умница, говорит, и язык прекрасно подвешен. А это не фунт изюма — так с первых же шагов расположить к себе руководство. Ты наверняка далеко пойдешь.

Бадри показалось, что он уловил в глазах Соломона искорки насмешки, и он понял: на языке у того одно, а на уме другое.

Перехватив подозрительный взгляд Бадри, Соломон поспешил завершить свою речь словами:

— Я уступаю тебе, братец, директорское кресло — хочу помочь тебе выйти в люди. Ну, чего молчишь? Набиваешь себе цену? Скажи хоть разок, что доволен, что благодарен. Хотя вопрос, ты и сам знаешь, еще не решен, впереди еще много хлопот, много чего надо уладить... Тебе придется пойти к начальнику, и кто знает, может, еще получишь отказ...

К Тамазу зашел только Соломон: как бы там ни было, мол, мы старые знакомые. Прямо скажу, что думаю. И он тоже со мной церемонии разводиться не будет.

— Уважаемый Тамаз, ко мне явился посланный вами человек, — начал Соломон.

Тамаз, желая напустить на себя начальственную строгость, спросил, деловито нахмурившись:

— Ну как, подойдет?

— Даже очень.

— Ну, раз и ты так считаешь, то, значит, говорить больше не о чем. Зови его.

— Сейчас, уважаемый! — И Соломон, как получивший поощрение ребенок, бросился к выходу, открыл дверь и поманил Бадри пальцем.

Тамаз одарил Бадри мимолетной улыбкой, кивнув ему в знак приветствия головой:

— Соломон поддержал твою кандидатуру. Мы тоже не против. Пиши заявление на имя начальника главка.

— Мы подготовим все нужные документы! — довольно потер руки повеселевший Соломон.

— Так документы ведь у меня на руках! — наивным тоном проговорил Бадри.

Соломон подтолкнул его коленом — помалкивай, мол.

Тамаз настороженно глянул на Бадри и перевел взгляд на Соломона:

— Только безо всяких расчетов! Мы днем с огнем ищем молодых способных работников. Даже и помыслить об этом не смейте. Понятно?

— Все понятно, уважаемый Тамаз! — поднявшись с места, поспешно выпалил директор завода, перепугавшись, что начальник может изменить свое решение.

Бадри тоже поднялся. Соломон подтолкнул его к выходу: «Пошли!»

Через пять дней Бадри вызвали в отдел кадров главка. Ему велели заполнить анкету, написать автобиографию и предупредили, чтоб он не выезжал из города, так как в ближайшие дни его вызовут на коллегую.

— Ну смотри, не забывай нас! — сказал ему под конец заведующий отделом кадров.

На заседании коллегии первым взял слово заместитель начальника главка:

— Мы глубоко уверены, что товарищ Бадридзе оправдает наше доверие и справится с возложенными на него обязанностями директора завода. — Говоря это, он то и дело взглядывал на Бадри: видишь-де, как прекрасно я говорю о тебе!

— Правильно, правильно! — одобрил начальник главка, удовлетворенно кивнул головой.

Тамаз собирался, кажется, сказать еще что-то, но зазвонил телефон и он поднял трубку:

— Да... Да... Обязательно приду, может, немного задержусь. Ты подожди меня! — говорил он с оттенком какой-то таинственности в голосе.

Члены коллегии тихо переговаривались между собой.

— Чего вы молчите, скажите что-нибудь! Это молодой специалист, знающий... — разозлился начальник, положив трубку: его обозлили улыбки, игравшие на лицах членов коллегии, которые как бы говорили: «А мы все знаем! Нам все известно!»

Члены коллегии разом заговорили:

— Замечательная кандидатура, уважаемый Тамаз!

— Лучше и желать нечего!

— Подойдет!

— Тогда поздравим молодого товарища с повышением! — сказал начальник главка и первый пожал Бадри руку.

На той же коллегии Соломона освободили от должности директора по собственному желанию.

Соломон неторопливо вышел из машины и только тут с досадой вспомнил, что с этого дня он больше не сможет приказывать шоферу. Эта мысль до того его огорчила, что он порывисто хлопнул дверцей.

«Сердитый!» — подумал шофер и крикнул вслед уже шагавшему нетвердой походкой к подъезду Соломону:

— Когда приехать?

— Теперь тебе придется ездить на Севастопольскую улицу, будешь обслуживать Бадри Бадридзе, — даже не глянув в сторону водителя, хмуро пробурчал бывший начальник.

Шофер немного подождал на всякий случай, но поняв, что дополнений к сказанному не предвидится, тронул машину с места.

Соломон с трудом дополз до третьего этажа и нажал пальцем на кнопку звонка. Дверь тут же распахнулась, и в нос ему ударило резким запахом духов, а следом послышался голос жены:

3470359240
302 000 000033

— Машину отпустил?!

— Дай отдышаться, слушай! — с укором сказал Соломон и швырнул шапку на вешалку.

— Я тебя спрашиваю, отпустил машину?

— Да, ушла!

— Почему?! — и Тасико разразилась пулеметной очередью: — Забыл! Ведь я предупреждала, что ребенка надо отвезти на музыку! Ждала, ждала, как идиотка, а потом попросила пойти маму. Они с Нонной ждут меня. Я обещала, что заеду за ними на машине. Что мне теперь прикажешь делать?!

Соломон почему-то задернул на широком окне занавес и, против обыкновения, не развалился блаженно на диване, как делал всегда, возвратившись с работы, а присел на постели и, видимо опасаясь женина гнева, виновато промямлил:

— Машина кончилась!

— Ты, может быть, объяснишь мне в конце концов, в чем дело?

— Что случилось? Э-эх!

— Что, сняли тебя?! Это же разбойники с большой дороги. И никто за тебя не вступился?

— Что ж, не я один пострадал!

— Не бойся, у других найдутся заступники. Вот увидишь, кое-кого еще посадят на лучшее место!

— Но меня не совсем обидели: директором назначили молодого, неопытного человека... Я буду стоять у него за спиной. А там посмотрим — жизнь покажет.

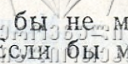
— Что покажет?! Не воображаешь ли ты, что тебе снова предложат директорское кресло?!

— Во-первых, всяко бывает! А пусть даже не предложат, я пулю в лоб себе не пущу. У нас, слава богу, столько нажито, что еще внукам хватит.

— А где же все это?

— Выбросил в Куру! — со злостью ответил Соломон и через некоторое время добавил: — Ух, какая же ты неблагодарная! Не знаешь, что на себя нацепить, а не спросишь, откуда берутся новенькие сто-рублевки!

— Не я, а ты неблагодарный! Если бы не мой брат, кто бы тебе дал место директора?! Если бы мальчик по-прежнему оставался на своем посту, только он один нам бы и помог, а всем остальным плевать с высокого дерева!

— А мне и не нужна ничья помощь, я пока ни в огне не горю, ни в воде не тону.

— Да о чем с тобой говорить, когда ты простых вещей не понимаешь! Кто тебя будет терпеть за своей спиной?! Кто вырвался вперед, за тем и сила, а кому будешь нужен ты?! Да чего там напрасно переливать из пустого в порожнее, только голова разболелась. Ты же все равно ни черта не поймешь! — Она порывисто поднялась и вышла в коридор.

Соломон проводил ее сердитым взглядом, хотел крикнуть вдогонку, что ему и без ее упреков тошно, да поостерегся — только хуже разозлится и окончательно отравит душу.

Однако жена, не успев выйти, сама тут же вернулась обратно:

— Сегодня с трудом вырвалась с работы, но пока то-се, пока отвела Нонну на английский... В общем, обеда нет. Там в холодильнике яйца. Хочешь — проглоти сырыми, хочешь — сделай яичницу. Я пошла за ребенком...

Интересно, найдется ли в мире женщина, которая говорит то, что думает?! Тасико, наверное, даже порадовалась в душе, что ее муженька сняли с директорского поста. Да ее, откровенно говоря, и не трудно было бы понять. Ведь она забыла, когда видела его дома. Как уйдет с утра, так до глубокой ночи нет. И вечно одно и то же оправдание — начальник-де угощал. Правда, изредка возникал и другой вариант — мне, мол, оказали особое уважение, пригласили на банкет в честь прибывшей из-за рубежа делегации. Теперь больше на такие причины, небось, не сошлется, да, впрочем, это и не понадобится...

Эх, времена, времена! На ужин, устроенный в честь нового директора, Соломона тоже пригласили. Но, наверное, лучше бы не приглашали. Пока он сам был директором, сотрудники величали его не иначе, как «уважаемый Соломон» и, словно собачонки, возле него увивались...

Тамада поднял за него тост где-то чуть не под конец застолья. Живи, говорит, Соломон, радуйся жизни, воздуха, слава богу, на всех хватает.

«Аминь!», «Аминь!» — в один голос откликнулись сидящие за столом. Но если раньше во здравие его опорожняли полные роги и демонстративно опрокидывали их над столом, то теперь попрятали чуть пригубленные бокалы за бутылки.

Он пил с жадностью человека, который хочет забыться, утопить тоску в вине, а когда захмелел, его потянуло излить душу. Он раза два попытался было открыть рот, но никто не стал его слушать. Тогда он решил потешить компанию какой-нибудь смешной историей. Он же помнил, как все обычно хохотали над его шуточками и остротами. Он даже было начал: «Вы слышали, друзья, какой случай произошел в зоопарке?»

— Делать тебе нечего, Соломон, кому сейчас до зоопарка?! — небрежно остановил его бухгалтер, у которого до сего дня с уст не сходило: «Что мы будем без тебя делать?!»

Соломон с обидой уставился на бухгалтера и продолжил свое:

— Вы, вероятно, слышали, что недавно речка Вера вышла из берегов и затопила территорию зоопарка.

— Знаем, знаем, все это уже давно известно! — снова прервал реплику бухгалтер.

Тут уж Соломону стало невтерпех:

— Чего ты заладил «знаем», «знаем»! А ну скажи, что случилось в зоопарке? — спросил он задиристо.

— Животные поплескались в воде, что другого могло случиться? — рассмеялся бухгалтер.

— И это тоже было... Но дай мне договорить, я хочу сказать совсем о другом. Когда в зоопарк хлынула вода, медведь сломал клетку и спасся. На второй день река спала. Территорию зоопарка расчистили, клетки починили, зверей водворили на свои места, однако медведя и след простыл, его нигде не нашли. Но на следующий день медведь, оказывается, за-

---

Вано Урджумелашвили. Дети—матери.

явился собственной персоной. Он протопал вразвалку к своей клетке, сам открыл дверь, вошел и преспокойно разлегся на привычном месте.

— Да ну, что ты говоришь, не может быть! — со смешком сказал бухгалтер.

Обрадованный тем, что достиг своей цели, Соломон во все горло расхохотался, ожидая, что сейчас грохнет общий смех. Но если кто и посмеивался, то только над самим Соломоном.

— Соломон, сукин ты сын, только одного тебя твоя история и рассмешила, — вяло заметил чуть не задремавший со скуки старший мастер.

И надо было только видеть, какой тут поднялся гомерический хохот.

— Нет, не поверю! — давился со смеху бухгалтер.

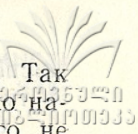
— Интересно, что тут такого невероятного?

— Да как же медведь выдержал два дня без зоопарка? То, что в другом месте он должен добывать ценой жизни, тут ему преподносят наготове — кормят, поят, холят. Ему другого такого места, хоть он весь мир переверни, не найти!

— Чему ж тут дивиться! Разве и мы, люди, не так? — вступил в разговор Бадри. — Некоторые точно так сидят день-деньской в кресле, палец о палец не ударяют, развлекаются анекдотами, а им полный дом всего натаскивают. Ну-ка, попробуйте выволочь такого из кабинета! Скорее медведя из берлоги вытащишь!

— И правда, что может сравниться с местом большого начальника! Потому-то, пока мы живем и дышим, каждый должен зубами держаться за свое место. А если это тебе не по силам, тогда и вовсе жить не стоит, — заключил бухгалтер.

Эх, все быстротечно в этом мире! Птицей упорхнула молодость, лицо избороздили морщины, а что, кроме страха и треволнений, видел Соломон! Всю жизнь из кожи вон лез, чтоб как можно побольше нахапать. Не лучше ли было загребать поменьше, да не дожить до такого вот позора! Подумать только, спихнули с места! А все потому, что жил чужим умом, по указке своей драгоценной женушки! Боялся ее обидеть! Все ей в угоду! А жизнь жестока, неумолима!

С похмелья Бадри всегда просыпался рано. Так было и сегодня. Когда он открыл глаза, еще только начинало светать. Никакие неотложные дела его не ждали, не надо ему было ни писать, ни читать, и он, зарывшись уютно под одеяло, предался мечтам.

Завоеванный успех придавал ему смелости и уверенности в себе. Правда, поначалу он побаивался, что не справится как руководитель — в учебе-то он вечно хромал, — но это были напрасные страхи. Он живо во всем разобрался, и дело пошло как по маслу. Дважды он провел субботник: очистили заводской двор, высушили лужи, посадили более сотни деревьев. Провели и текущий ремонт завода — Бадри выпросил на это деньги у главного управления. Теперь закопченные стены корпусов покрыты свеженькой краской, все стекла вставлены, починена крыша, да еще в цехе появился автомат с газированной водой, за что рабочие тридцать раз на день его благословляют: «Дай бог здоровья тому, кто тебя здесь поставил!» Кроме того, он побывал у руководителей снабженческих организаций и уломал их выделить дополнительное сырье высокого качества, так что завод перевыполнил план.

Вечерняя газета опубликовала статью за его подписью, по радио передали обширный материал об успехах завода, на голубом экране помаячила их дымящая заводская труба. Так, словно по взмаху волшебной палочки, затерявшийся где-то в горах заводшишко по производству толя внезапно обрел славу. Но, перебирая в уме достигнутые успехи, Бадри забыл о главном! А главное то, что на заводе нет человека, который был бы им недоволен, все его любят, все уважают.

А наплыв клиентов! К нему приезжают не только из районов Грузии, но и из соседних республик. Купят рулон-другой, забросят в багажник легковой машины и поехали себе с богом. Пошли, господи, блаженство на том свете отцу человека, который придумал багажник! Вот уж действительно изобретение так изобретение! Идет себе легковушка, до нее и дела нет никому. А грузовая машина так и прет в глаза авто-

---

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

инспекторам. Остановят, начнут совать нос в кузов. А тут кто что узнает!

Соломон, правда, ни к черту ни как человек, ни как руководитель, но все же его нельзя не помянуть добрым словом: он умеет подобрать людей. Главный инженер, начальник цеха, бухгалтер, заведующий складом, мастер, сторож — все это его люди. Распродай хоть весь завод, ни один сотрудник и слова не скажет. Да и чего им шум поднимать — они ведь тоже в доле. Снабженческие организации дают лишний материал за полцены, мастера тоже не теряются, ловчат, экономят картон и по ширине, и по длине, экономят и смолу, а отсюда — уйма толя, ни в каких документах не учтенного.

В ближайшем будущем Бадри провернет и вопрос с квартирой. Тамаз ему уже говорил: женись поскорее: когда у тебя будет семья, я устрою тебе четырехкомнатную квартиру.

Но почему, интересно, он так настаивает, чтоб я поскорее женился? Правда, он не называет имени Лонды, но ведь это само собой разумеется. Непонятно и то, чего ради Закариа закатил в Армази царский ужин для Соломона. Наверное, хотел ему показать, вот, мол, какие у нас именитые друзья, с такими в жизни не пропадешь. Черт его знает?! Во всяком случае, Закариа и Натиа прожили жизнь и соображают, что к чему. Но чего все-таки крутит носом Лонда?! Допустим, кривляется. Но не ползать же перед ней на коленях. слава богу, женщины еще на этом свете не перевелись. Надо бы Бадри распространить слух, что он женится на другой. Посмотрим тогда, не станут ли сами Жамиерадзе его упрашивать!

Интересно, а Лили и Мзия узнали, что он назначен директором? Наверное, пронюхали, от таких ничего не утаишь! Теперь хоть по крайней мере убедятся, что он им не чета, что он рожден для больших дел! Вот только отец подпортил ему настроение. Вместо того, чтобы обрадоваться повышению сына, он давай учить его уму-разуму: веди себя осторожно, не теряй головы от успехов. Смотри, кто быстро взлетает, тот еще быстрее шлепается вниз.

Вспомнив о предостережениях отца, Бадри расстроился. Он повернулся на другой бок и постарался

отогнать от себя неприятные мысли, но одна мысль все же продолжала буравить его сознание — не так дикал бы отец своим карканьем беды!

Он высунул голову из-под одеяла и раскрыл купленную накануне вечером газету «Тбилиси», может, от чтения его снова заклонит в сон и он еще немного вздремнет.

Но, черт возьми, что это с ним делается?! Он водит глазами по строкам, пытается вникнуть в смысл прочитанного, но в голове его ничего не задерживается — пусто, хоть шаром покати. И ведь это так с самого детства. А все потому, что он не может себя заставить на чем-нибудь сосредоточиться. Все от безволия. Когда учитель объяснял урок, все его мысли витали вокруг мельницы, или он думал со страхом о том, как бы родители не нашли деньги, которые он прятал в марани. Бадри не любил читать траурных объявлений: пусть портят себе ими глаза те, для кого настало время горевать. А что до него самого и его близких, то ему казалось, что их никогда не коснется беспощадная рука смерти.

Но на сей раз, коль скоро ему все равно не спалось, он, за неимением другого чтива, заглянул и в траурные объявления. Дай, думает, посмотрю, кто там еще поумирал. И вдруг взгляд его приковало напечатанное в первом же столбце объявление: «Лили Георгиевна Перадзе» — было набрано жирным шрифтом. «Что это?! Не привидилось ли мне?!» — он на мгновение прикрыл глаза, а потом вновь уставился в газету и снова прочитал то же самое.

Вскочив с постели, он подбежал с газетой в руках к окну и, перечитав имена близких покойницы, давших траурное объявление, вздохнул с облегчением: с смерти матери извещали сыновья — Ираклий и Дато. Это, верно, какая-то другая Лили Перадзе, заключил он, ведь у Лили не было детей. Но совпадает и адрес! Вы только подумайте! Она, оказывается, была матерью двоих детей и скрывала! И вдруг в голове промелькнуло: «А может, у Лили родились близнецы? Значит, эти Дато и Ираклий мои сыновья?!»

Он поспешно оделся. «Сейчас же позвоню из ав-

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

томата и, кто бы ни ответил, назовусь дальним родственником Лили. Вот, мол, прочитал объявление и хочу узнать, что могло стрястись с этой молодой, полной сил и здоровья женщиной».

— Кто это, кто? — донесся из трубки знакомый голос. Но Бадри был так смущен и растерян, что не понял сразу, кто с ним говорит.

— Я дальний родственник покойной, — нерешительно проговорил он.

— Ах ты, подлец, как тебе не стыдно! Ты ведь и сейчас лжешь!

«Боже мой, да это же Мзия!» — ужаснулся в душе Бадри и затаил дыхание.

— Будь ты проклят, негодяй! Мать пожертвовала жизнью ради детей, а ты прячешься от этих крошек, оставшихся сиротами!

У Бадри потемнело в глазах, он с трудом перевел дух и осторожно повесил трубку.

Стояла весна... Пробудившаяся природа окрасила горы и доли в зеленый цвет. Стар и млад суетились в садах и виноградниках: вскапывали землю, мотыжили, подрезали лозу...

Эстатэ не сиделось дома. Каждый божий день он с раннего утра торчал возле сельского магазина. Здесь вечно топтались досужие бездельники. Потолкуют о том, о сем, почешут в досталь языки, а к полудню отправляются к кому-нибудь, кто потащит их к себе в марани. Рассядутся вокруг квеври и ну тянуть вино чашу за чашей да распевать сладостные песни наших предков.

В Красную пятницу солнце уже стояло в зените, когда проведенный бессонную ночь Эстатэ, шатаясь, кое-как приплелся домой.

— Когда же ты, бесстыдник, образумишься? Ведь виноградник же глаза требует! Да и фруктовые деревья надо бы новые посадить вместо высохших. Опомнись, возьми за дело! — наседала на него Софио.

— На черта мне фруктовые деревья? Кехура десять лет не дает плодов, а мы разве до этого доживем?

— Не мы, так наши внуки доживут!

— А где они, эти внуки? Эх, все во мне убито.

Парни помладше Бадри давно уже женились, обзавелись семьей, народили детей, а наш сыночек, наше утешение, все никак не раскачается. Одна для него толстая, другая — худая, третья — некрасивая. На свете нет женщины, которая бы ему угодила. С чего только важности набрался!

— Да поразят меня, несчастную его мать, все его болячки и горести! И ведь чем не взял мальчик — и красавец лицом, и видный собой, и умница, и образованный! Давеча наши женщины говорят мне: ну и сына же ты воспитала, Софию! Сказывают, он в кабинете восседает, а в приемной к нему целая очередь просителей стоит. Небось, на казенной-то машине разъезжает! На нашей памяти второго такого в деревне еще не было.

— Меня пусть лучше спросят, пусть заглянут в мое сердце, что за огонь там у меня горит. Откуда им знать, чего мне стоило поставить Бадри на ноги! «Я тебе во сто крат за все отплачу, отец!» — говорил он мне. И что же? Вот так отплатил! Хорошо отплатил, верно?! Я тебя спрашиваю!

— Да окстись ты, мил человек, где это видано, чтоб дети платили родителям какой-то долг? Если у нас что есть, то ведь для кого же, если не для сына родного?!

— Как?! А приди черный день или, напротив, праздник, я их должен встретить без гроша в кармане? Кто знает, что ждет человека. А коли вдруг протянем ноги? Без меня в деревне ни одного покойника не хоронили, я бывал тамадой на поминках, где сживало по тысяче человек! Не позор ли будет, если вы швырнете меня в могилу без хашламы и шилаплава?

— Ты в день два раза должен обязательно налижаться и при таком-то ненасытном брюхе еще собираешься денежки приберечь?

— Хватит, заткни глотку! — Эстатэ со злостью пнул ногой ведро, и оно со звоном покатилося.

— Да уймись ты, будет тебе. Бадри сказал мне по секрету, что недолго нам осталось ждать. Я, говорит, присмотрел невесту, вот-вот женюсь.

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

— Врет он, сукин сын, ни одному его слову не верю! Ведь он уже сколько времени твердит: подождите немного, подождите немного!

Софио решила прекратить это неприятное объяснение с мужем, поднялась с места и направилась к двери:

— Ох, я забыла выпустить квочку, да и цыплята не кормлены...

— Заодно прихвати соленья... — пробурчал Эстатэ ей вдогонку.

Только Софио вышла на балкон, как в их сторону свернула шедшая из Тбилиси легковая машина. Через каких-то пять минут Бадри притормозил возле дома.

— А где отец? — спросил Бадри, обняв и поцеловав мать.

— Дома он, — ответила Софио.

Стоило ей взглянуть на сына, как она почувствовала, что он чем-то озабочен.

«Не понадобились ли ему деньги? Ведь Эстатэ с ума сойдет! Он ни за что ни копейки не даст. Чем слушать его воркотню, лучше занять у соседей», — решила про себя Софио.

Отец же, увидев сына, сразу подумал: «Давненько он не приезжал в деревню, видно, снова будет денег выпрашивать».

— Ну как дела, парень? — спросил он глухо.

— Так себе, живем пока! — невесело ответил Бадри.

— Что это за разговор? Чего нос повесил? Говори, что случилось?

Однажды Бадри спяна расхвастался перед родителями: «Привязалась ко мне одна и такая-то, совсем голову потеряла. Балует всюю, жизнь за меня готова отдать!»

Услышав теперь от Бадри, что эта женщина родила мальчиков-близнецов, а сама скончалась, Эстатэ чуть не свихнулся от ужаса: с моего-де дурака хватит самому хоронить покойницу!

Признался Бадри родителям и в том, что он позвонил в семью Лили и что Мзия его обругала.

— А это что за Мзия такая, что так распустила язык?! — возмутился Эстатэ.

Бадри показалось, что отец очень уж подозрительно на него уставился.

- Двоюродная сестра Лили, — соврал он.
- Откуда же ее сестра знает, от кого та родила?
- Скажешь тоже, отец!
- Да сколько я сам знаю случаев, когда женщина навязывала мужчине чужих детей. Не крути носом, не думай, что ты умнее всех. Ходил, ходил и вот куда угодил.

— Оставим это. Ты лучше посоветуй, как мне быть: показываться на похоронах или нет?

Эти слова пулей вонзились в сердце Эстатэ, но он постарался сделать вид, что не понимает, куда гнет сын, и ответил спокойно:

— Если тебе можно туда, то почему бы и не пойти?

— Нет, нельзя!

— Ну, раз так, тогда не ходи. — Однако спустя некоторое время добавил: — А жалко все-таки. Пойдем, чтоб потом не жалеть. Да надо бы и узнать, что ее близкие собираются теперь делать...

Они долго судили-рядили, много спорили, все взвесили, обдумали и под конец условились, что на похороны пойдет один Эстатэ.

Когда Эстатэ признался жене, что едет на похороны той самой женщины, она пристала в одну душу:

— И я должна поехать, хоть внуков увижу, побуду с ними!

— Что ты мелешь, какие внуки! Небось, уже вообразила, что вылитые бабушка и дедушка. Кто знает, чьи это внуки! — отмахнулся Эстатэ.

— И вечно ты так, только бы напрасно трепать языком! Зачем брать грех на душу?

— Оставь меня, не надо мне никаких внуков!

— Ты потому так говоришь, что сам негодяй и всех меришь на свой аршин!

Жена и теща Доментия Перадзе приобрели у перекупщика два каких-то необыкновенных отреза на траурные платья и пригласили на дом портниху-француженку, недавно переехавшую из Парижа в Тбили-

---

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

си. Портниха привела с собой и свою ученицу, и они вдвоем проработали два дня не поднимая головы.

Во время примерок Гулкан то и дело спрашивала у матери: ну-ка посмотри, как на мне сидит? Мать ходила вокруг дочери и восхищенно приговаривала: «Прекрасно облегает фигуру, ах как тебе к лицу. Интересно, как будет мое платье?» — Гулкан в свою очередь убеждала мать: «Мама, тебе тоже очень идет темное платье сделало тебя на десять лет моложе».

Доментий посвятил эти два дня подготовке похорон сестры. В похоронное бюро пошел сам. Близкие посоветовали ему, что надо заранее повидать директора, а то землю дадут в таком месте, что потом и не отыщешь. К счастью, директор оказался его знакомым. Он отыскал место в начале кладбища: мы-де тоже умеем уважить людей, в этом секторе уже четыре года никого не хоронят. То же самое подтвердили и могильщики: «Здесь уже давно стоит крест, мы думали директор придерживает это место для себя».

К концу дня Доментий забежал домой перекусить и потом забрать жену и тещу на панихиду.

Мамаша и дочь уже были при полном параде, в новых черных платьях.

— Ты устал, приляг, отдохни немного, — сказала Гулкан мужу.

— Какое время отдыхать, скоро уже панихида, а мы должны придти немного пораньше.

— А мы и придем, — сказала Гулкан и добавила: — Устали тебя ждать и сами пообедали. Может ты тоже поел бы немного.

— Нет, не хочу. Был голоден, но теперь расхотелось.

«Ага, это из-за наших новых платьев он надулся, как мышь на крупу!» — подумала жена и иронически покривилась: знаю, мол, я, отчего у тебя пропал аппетит.

Доментий, будто внезапно о чем-то вспомнив, спросил:

— Да, правда, Лилиных мальчиков сюда не приносили?

— А чего ради их должны были сюда принести? — с недоумением спросила Гулкан.

— А почему не должны были?! В такое время чужие люди протягивают руку помощи!

— Вы только поглядите, что он еще придумал! Да, пожалуйста, приведи их сюда и посади нам на шею! Усынови даже, если очень хочешь. От тебя всего можно ждать! — и она порывисто от него отвернулась: если, дескать, не желаешь со мной считаться, то поступай как знаешь!

Доментий поспешно вышел в другую комнату, чтоб, чего доброго, не сорваться и не наговорить жене грубостей.

Мать советовала дочери приколоть к груди изумрудную брошь и надеть бриллиантовые сережки, чтоб убить всех наповал.

— Я все-таки невестка, неудобно. Они все и без того разрыв сердца получают, увидев столько бриллиантов на тебе, — ответила Гулкан.

— Будет вам крутиться перед зеркалом, пошли! — крикнул Доментий из другой комнаты.

— Подождешь! Ты, кажется, готов нас обеих придушить, — желчно ответила ему жена.

— Успеем! — присовокупила от себя теща.

Эстатэ, спрашивая у каждого встречного, нашел наконец дом, где жила Лили. До выноса было два часа времени, и он зашел в ближайшую парикмахерскую побриться.

Молодой мастер предложил свои услуги.

«Живой, расторопный, видно, парень, должно, безболезненно побреет», — подумал Эстатэ, глянув в зеркало на свою заросшую физиономию. И расстроился, таким он показался себе старым. Эх, старость! Подкралась тихо, как злой пес!

Молодой мастер так мазнул по щеке бритвой, что Эстатэ чуть не взвыл от боли. Парикмахер прижал пальцем царапину и любезно осведомился:

— Не беспокоит, дяденька?

— Нет! — мрачно буркнул Эстатэ, насупив брови: «Сукин ты сын, не бреешь, а кожу сдираешь, да еще спрашиваешь, не беспокоит ли!»

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

Парикмахер медленно водил бритвой по его лицу, стараясь брить более осторожно.

— Эх, правда, что жизнь — копейка! — Разве не жалко, что такая великолепная женщина, как жена профессора, будет лежать в сырой земле! — заговорил один из парикмахеров.

— Про парня говорят, что он большой бабник, говорят, у него еще одна девчонка есть... — отозвалась кассирша.

— Эта девчонка, говорят, ухаживала за умирающей профессоршей, а теперь, вишь, заменила сиротам мать! — заметила уборщица.

Слезы затуманили глаза Эстатэ.

— И вас, вижу, тоже расстроила эта история, дяденька? — спросил мастер.

— Эх, братец, у каждого свое горе...

Этот прохвост, значит, совсем с цепи сорвался. Видать, только и знал, что по бабам бегать! Еще одного несчастья не успел пережить, а тут тебе на голову и второе! Как же теперь идти на похороны? Ближние покойной могут только обругать его, старика, и хлопнуть дверью перед его носом. Что же делать? Отойти в сторону тоже никак нельзя. Он должен быть на похоронах, повидать детей. Ведь, может, действительно это ребята Бадри!

Лили лежала в гробу со скрещенными на груди восковыми руками. Вокруг покойной были наставлены пышные корзины с живыми цветами.

Мать с дочерью сидели как побитые, не смея ни на кого поднять глаз. Временами Мавра громко всхлипывала, не столько от душевной боли, сколько напоказ — чтоб видели сидевшие вокруг гроба близкие покойной.

Доментий стоял в дверях, уставившись отсутствующим взглядом куда-то за окно и внимая траурным мелодиям, которые лились из динамика, подвешенного в коридоре.

Эстатэ обошел гроб кругом и вышел в коридор. Он хотел заговорить с кем-нибудь, может, удастся узнать, где дети, а то и взглянуть на них одним глазком. Его здесь никто не знал и никто даже взгляда на нем не задержал.

Вдруг динамик захрипел, музыка внезапно оборвалась, и в квартире наступила тишина.

Эстатэ услышал детский плач.

Чудны дела твои, господи! Какие у них знакомые голоса! Мерещится ему или что это: ведь точно так плакал Бадри, когда был совсем крохотным!

Но тут Эстатэ одернул сам себя в душе: «Как мог я такое подумать, у Бадри был басистый голос, а эти пищат, как неоперившиеся птенцы!»

Когда покойницу вынесли, Эстатэ через открытые двери смежной комнаты увидел молодую женщину с золотистыми волосами, которая держала на руках повернутых в пеленки младенцев. Женщина рыдала, по бледным щекам ее текли слезы. А дети разводили в воздухе ручонками.

Эстатэ во все глаза уставился на детей. Оба младенца были, по всему, бадридзеvской породы: тот же высокий широкий лоб, те же краски лица, а самое главное — у одного мальчугана над верхней губенкой, как раз на том месте, где должны быть усы, темнел пушок, именно такой, как был у новорожденного Бадри. Этот пушок со временем превратился в большую родинку.

Как он может забыть тот счастливый день, когда появился на свет Бадри! Пять дней подряд он беспробудно кутил, пел, плясал, к каждому встречному лез с объятиями и поцелуями. Особенно приводило его в восторг то, что все, только глянув на его сынишку, твердили наперебой, что тот вылитый отец. Ну, мол, и постарался, прямо копию свою сотворил. А теперь вот, если его родственники увидят этих мальчуганов, они наверняка скажут, что они как две капли воды похожи на Бадри и вместе с тем и на деда.

Эстатэ вдруг нестерпимо захотелось приласкать детей, прижать их к груди. Он подошел к женщине и потрепал одного за другим обоих младенцев пальцем по подбородку:

— Агу! Агу-у!

Ему показалось, что у одного мальчугана в глазах слезы. А другой был уж совсем, на его взгляд,

---

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

жалкий. И у старика вдруг болезненно защемило сердце, он и сам чуть не пустил слезу.

Все это не ускользнуло от внимания Мзии.

— Вы Мзия? — спросил Эстатэ.

— Да, — ответила она.

— Я — отец Бадри. — Бедная женщина, какая у нее оказалась судьба!

— Лили уже ничем не помочь, нам надо позаботиться о детях. Лилина невестка говорит, что мальчиков надо отдать в детский дом, там-де за ними лучше присмотрят, вырастят, воспитают! — горестно сказала Мзия.

— Да что вы такое говорите?! Почему мои внуки должны расти в доме для беспризорных детей! — возмутился Эстатэ.

— Это вы так говорите, а спросите Бадри!

— Я его и спрашивать не стану. В моей семье пока что я всему голова! — Эстатэ еще раз приласкал детей, ласково улыбнулся Мзии и со слезами на глазах вышел из квартиры.

* * *

Сын подждал отца у развилки Ваке—Сабуртало. Не успел сесть в машину, Эстатэ сказал печальным тоном:

— Я видел внуков, хорошие мальчики! Сердцем изошел от жалости...

Бадри искоса взглянул на отца и рывком тронул машину с места:

— А покойницу уже вынесли?

Эстатэ утвердительно кивнул головой и после небольшой паузы сказал:

— Эх, кабы только она осталась жива! Мать все-таки мать, у кого еще будет так болеть сердце за ребят!

Сын снова искоса взглянул на отца, но сказать ничего не сказал.

Они выехали на широкую дорогу и должны были свернуть влево, но Бадри свернул вправо и повел машину к площади Героев.

— Куда ты?! Ты же видел, что процессия направилась влево, — воскликнул Эстатэ.

საქართველოს
წიგნების გამომცემი

— Оставь меня, я получше тебя знаю дорогу!

раздраженно ответил Бадри.

— Куда же к черту ты меня везешь?

— На автостанцию.

— Что я там потерял? Вези меня на кладбище!

— А для чего, ведь ты уже был там, выразил со-
болезнование?!

— Что ты болтаешь, я должен проводить ее до са-
мой могилы.

— Тогда пересаживайся на такси, я там не могу
показываться. Это неудобно.

— Неудобно то, что тебя не было на похоронах
матери своих детей. Мальчики вырастут, станут взрос-
лыми, чем ты тогда оправдаешься перед ними? Дети
не любят отца, который не ценит их мать.

Бадри резко сбавил скорость и внезапно рывкнул:

— Оставь меня!

— На кого ты кричишь, щенок?! Настоящий муж-
чина не повысит голоса на отца!

— Чего ты взялся читать мне проповеди? Пойми,
эта женщина не была мне законной женой.

— Но ты ведь отец мальчиков...

— С ума сойти! Иногда ты все очень хорошо по-
нимаешь, а тут вдруг вовсе перестал кумекать. Раз
я не был законным мужем женщины, то не могу быть
и отцом ее детей!

— Отец ты, а кто же еще! Пойди и посмотри, де-
ти все в тебя, одно лицо. Даже над верхней губкой у
одного пушок точно такой же, как был у тебя. И ре-
зут по-твоему... Они наша плоть и кровь...

Бадри хотелось закричать: «Молчи, не вмешивай-
ся в мои дела!» — но в горле у него что-то застряло,
и он не в силах был промолвить слова.

А Эстатэ продолжал:

— Только подумать, их собираются отдать в дет-
ский дом... Как?! Мои внуки должны расти где-то, как
беспризорные, а я в это время буду блаженствовать в
восьмикомнатном доме и глядеть на пустые стены? Нет,
этого не будет! И двор мой, и дом — все для моих
дорогих мальчуганов, без них я не буду жить ни од-
ного дня!

— А меня ты почему не спрашиваешь? Издательство
«Мир»
наконец из себя Бадри.

— А что мне тебя спрашивать? Где это слышно, чтоб отец отвернулся от своих детей и бросил их на произвол судьбы?

Бадри понял, что это только начало. Если он сейчас не осадит отца, не заткнет ему рот, тот окончательно разойдется и потребует от него еще большего.

— Ты, случайно, не успел хлебнуть, что мелешь такую несусветную чушь? — За этим последовал неуместный смех, что было еще более унижительно и оскорбительно для Эстатэ, чем нахальная речь Бадри.

— Да о чем с тобой говорить, ты ведь скотина, зверь! Животное и то любит свое дитя. Чем только я прогневил бога, что у меня вырос такой похабник?!

— Хватит! — завопил Бадри и, будто в знак того, что пора кончать эту волюнку, внезапно надал скоропись.

У здания телецентра он затормозил машину и показал рукой водителю нагонявшего их такси, чтоб тот остановился.

Эстатэ пересел в такси.

Бадри сунул таксисту деньги и попросил, чтоб тот отвез отца на кладбище Мухатгверди.

Процессия медленно двигалась вверх по подъему. Гроб везли на машине, затянутой черным бархатом. В изголовьи и в ногах покойницы стояли четверо юношей.

В следовавшей за катафалком «Волге» рядом с шофером сидел Доментий, Гулкан и Мавра расположились на заднем сидении. Они опустили стекла машины до половины и глазели на окружающие дорожные холмы.

— Боже мой, куда это загнали покойников! Встань из гроба, так дороги домой не найдешь, — попыталась сострить Мавра.

Доментий нервически закашлялся, вытер выступивший на лбу пот и обругал в душе тещу: «Ох и бесовская же, да еще и дура вдобавок! Подожди, и тебя не минует этот день!..»

Такси выскочило на взгорок... Глазам открылось огромное кладбище.

Шофер гнал машину вовсю, но сбавил ход, нагнав процессию:

— Это не ваши, дяденька? — спросил он Эстатэ.

— Да я и сам толком не знаю!

Они оставили за собой автобусы и легковые машины и подъехали поближе к катафалку.

В гробу лежал мужчина...

По крутой, взбирающейся вверх дороге везли еще несколько покойников. Бесперывному потоку машин не было ни начала, ни конца.

— Боюсь, не успеем к погребению! — пожаловался Эстатэ.

— Я ни при чем, дяденька, не могу опередить покойника! Потому и не люблю ездить на кладбище, уйма времени теряется.

— Хочешь не хочешь, в конце концов мы все сюда придем! — сказал Эстатэ, а потом обнадежил водителя: — Ты не бойся, я тебя не обижу.

Сойдя с машины и рассчитавшись, как обещал, Эстатэ сказал: — Как сына прошу, подожди меня здесь...

Шофер взглянул на часы:

— Не могу, через полчаса я должен быть в гараже.

Эстатэ долго бродил по кладбищу, но так и не нашел, где хоронили Лили. Усталый и огорченный, он поплелся к площадке для стоянки машин.

— Поторопись, дяденька, отправляемся! — крикнул ему шофер какого-то автобуса.

Эстатэ поднялся в машину. Сидевшая на переднем месте девочка уступила ему место...

Автобус остановился перед многоэтажным домом в Дигомском массиве.

Как только Эстатэ ступил на землю, к нему подошел какой-то юноша.

— Поднимитесь на лифте, стол накрыт на мансарде.

— Да, дорогой, раз уж я доехал до этого места, то теперь идти некуда, — ответил Эстатэ и направился к лифту, но затем незаметно подался в сторону, зашел за дом и быстрым шагом вышел на проспект Дружбы.

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

Он колебался, идти ли ему на поминки, но в конце концов все-таки решил пойти: добавлю, мол, свои сто рублей к деньгам в помощь семье.

Поблизости от пятиэтажного дома машин видно не было.

Эстатэ вошел в подъезд, но что-то ноги у него не шли дальше: там люди уже, наверно, сидят за столом, а он ввалится и доставит всем беспокойство. Но, так или сяк, он все-таки побрел потихонечку на третий этаж.

Двери квартиры были закрыты, и за ними не слышалось ни шороху. Он еще раз внимательно прислушался. И вдруг ему послышался плач младенцев. Тогда, набравшись внезапно смелости, он решительно нажал пальцем на кнопку электрического звонка.

Дверь ему открыла пожилая женщина, одетая во все черное.

— Кого вам угодно?

Эстатэ растерялся, он не знал, что отвечать. Женщина, оглядев его подозрительно, спрашивала глазами: кто ты такой и чего тебе надобно?

Молчание незнакомца разозлило ее, и она уже схватилась за ручку, чтоб захлопнуть дверь, когда Эстатэ едва внятно пробормотал:

— Я дедушка мальчиков.

— Так вы отец Бадри?! — вскричала женщина. — Ах вы, проклятые лицемеры, отправили молодую женщину на тот свет, а теперь являетесь полюбоваться на интересное зрелище?!

Эстатэ так растерялся, что готов был, кажется, сквозь землю провалиться.

— Тетя Тэбро, кто там? — раздался голос Мзии.

— Это я, отец Бадри, дочка! — ответил Эстатэ, обрадованный ее появлением.

— Пожалуйте, уважаемый, пожалуйста! — пригласила Мзия гостя в дом.

Тэбро исподлобья взглянула на Мзию, ее покорибила такая ее вежливость к этому незваному гостю. В знак недовольства она повернулась и прошла на кухню.

В комнате стояли две деревянные кровати. На одной из них лежали младенцы. Эстатэ сел у изголовья

внуков и потрепал одного за другим пальцем по подбородку:

— Откройте глазки, мои львята, это я, ваш дедушка, к вам пришел.

Ребенок с пушком над губкой чуть приоткрыл глазки, но тут же от сильного света крепко зажмурился.

Второй малыш спокойно спал.

— Почему вы не поехали в ресторан «Иверия»? — спросила Мзиа.

— Да разве мне до ресторанов, милая? — с удивлением в голосе ответил Эстатэ.

— Квартира маленькая, здесь все бы не поместилась, поэтому поминальный обед устроили в ресторане.

— То-то я подивился, почему это к ней в дом никто после похорон не пришел. Что еще это выдумали с ресторанами?! Сказанные в семье слова — совсем другое дело! Благословишь семью, приободришь близких усопшего...

Эстатэ достал из кармана четыреста рублей и протянул их Мзии:

— Возьми, пожалуйста, это детям от меня...

Мзиа отошла в сторону:

— Детям ничего не нужно. Пока я смогу, я их не оставлю.

— Ты должна поберечь себя, дочка. Женщине в твоём положении нелегко ухаживать за двумя детьми.

— Эстатэ схватил Мзию за руку и попытался насильно всучить ей деньги, но она так порывисто от него отпрянула, что стало ясно: никакие уговоры тут не помогут.

— Тогда вот что: заберу детей к себе... Ведь ты еще немного побудешь здесь, верно? А я денька через два-три снова приеду.

Эстатэ ходил по улицам города, спрашивая каждого встречного-поперечного: «Не можете ли вы сказать, где продаются люльки?» Все отвечали ему одно и то же: грузинскую-де люльку теперь трудно достать, разве что в воскресный день на базаре, там иногда продают.

Одна девушка в джинсах и с длинными распущен-

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

ными по плечам, словно шаль, волосами ответила Эстатэ с улыбкой:

— Теперь, дядечка, детей в люльки больше не кладут!

— Почему это, интересно?

— Потому что и без люльки дети растут более крепкими, стройными...

— Вот так новость, — усмехнулся Эстатэ.

Эх, мамочка, что не придумают, что не намудрят?! Как это можно, чтобы младенца не качали в люлке!

Эстатэ решил поехать в ближнюю деревню, к старику, который делал люльки на заказ.

Бадри все глаза проглядел, всякое терпение потерял в ожидании отца.

Где он, куда исчез?! Эх, хуже нет, когда человек, дожив до старости, остается по уму ребенком. Чтоб выпить стаканчик вина, только помани его, потопает за девять гор. Вот и на поминки, наверно, поперся. Размякнет от выпитого вина, еще пообещает, что возьмет заботу о внуках на себя.

Когда подошла ночь, Бадри встревожился и решил поехать на автостанцию: может, обиделся на меня старик и решил, не заходя домой, ехать прямо в деревню.

Там встретились односельчане, поджидавшие автобуса, которые сказали ему, что они здесь уже добрых два часа, но отца его не видели.

Потом Бадри отправился на железнодорожный вокзал, может-де отец надумал ехать поездом. Но отца он не нашел и там, а когда вернулся домой, увидел засунутую в дверную щель записку: «Я поехал покупать люльки, больше не вернусь, меня не жди».

«С ума меня сведет этот человек! Интересно, кто ему поручил покупать люльки?» — злобно прошипел Бадри и, разорвав записку на мелкие клочки, бросил обрывки в мусорный ящик.

Он был в отвратительном настроении и, как всегда в таких случаях, вспомнив о своих прегрешениях, постарался оправдать себя в собственных глазах.

Перед Лили он не виноват, он ведь не настаивал, чтоб она оставила ребенка. А теперь еще эта Мзия! Поначалу трепалась, что скорее покончит с собой, чем

выставит себя на всеобщее позорище, а потом вдруг чего-то решила оставить ребенка и стала твердить, что она от своего решения не отступится, каких бы это ей не стоило мук и испытаний. Ну и пусть себе родит, ему-то какое дело, только бы его оставили в покое! Во всяком случае, закон на его стороне. Никто не может вынудить его заботиться ни о будущей мамаше, ни о ее ребенке!

* * *

Автобус остановился на шоссе у поворота к деревне, водитель открыл заднюю дверь, и Эстатэ спрыгнул на землю. Пассажиры передали ему две люльки, пожелали всех благ ему и его внучатам и распрощались с ним.

Эстатэ связал люльки друг с другом веревкой, перекинул через плечо, как хурджин, и зашагал по проселку. Прохладный ветерок ласково трепал его по лицу, донося ароматы весеннего цвета и молодой травы. Царившая кругом первозданная тишина располагала к размышлениям.

Он съездил удачно. У мастера нашлись не только люльки, но и деревянные трубочки к ним, так что мальчишки, как это и полагается, не будут мочиться в постельку. А теперь таких трубочек днем с огнем не сыщешь. Если ничего не помешает, он через два-три дня привезет мальцов в деревню. Одного сдаст на попечение бабке, а вторую люльку поставит возле своей кровати. Эх, кабы осталась жива их бедная мать! Разве есть на свете что-нибудь лучше материнской груди, ничто так не идет впрок младенцу! Было б подыскать им кормилицу, да теперешние женщины норовят и своих-то ребят не кормить грудью.

Колхозный счетовод Дата, нагнавший Эстатэ по дороге, начал над ним подтрунивать:

— Видать, богато живешь, что до времени решил запастись люльками! Еще ведь и сына-то не женил.

— Дед я, дед, слышишь?! А коль не слышишь, так прочиствь получше уши! — радостно сообщил ему Эстатэ.

— Значит, нас ожидает кутеж?

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

— Да не один, а целых два! Близнецы, вишь, у меня!

Завидев собравшихся у родника женщин, Эстатэ из страха, что они забросают его своими дурацкими вопросами, не успев поздороваться, сам сразу же объявил хвастливо:

— А я уже дед, соседушки, у нас мальчишки-двойняшки!

Жена заведующего складом, подморгнув товаркам и сделав им какой-то знак, повернулась к Эстатэ:

— Но от кого? Ведь твой Бадри пока не женат!

Очень бы хотелось Эстатэ осадить злоязычную выскочку, да не придумалось сразу подходящего ответа и пришлось перемолчать, досадуя на свою несообразительность.

А женщина, почувствовав себя победительницей, еще пуще распустила язык:

— Ох, Эстатэ, а не пригульные ли твои внучата? Чует что-то мое сердце.

Эстатэ набылся и рывкнул, скрежетнув зубами:

— А ты помалкивай! Уж чья бы корова мычала, а твоя бы молчала. Не заставляй меня рот раскрывать!

Женщина мигом прикусила язык. Она знала, что с Эстатэ лучше не связываться, что знает и чего не знает, все в одну кучу свалит и обрушит ей на голову.

Полдеревни пришлось пройти Эстатэ с люльками на плече. Мужчины со смехом похлопывали его по спине, приговаривая, что если уж до люлек дело дошло, то теперь-де и свадьбу, и рождение ребят придется праздновать заодно. Женщины, собираясь на балконах, яростно чесали языки: «Таскался, таскался по бабам, вот и угодил в капкан». А мальчишки кричали, указывая пальцем на Эстатэ: «Какой сильный дядя, сразу две люльки несет!»

Софио встретила мужа на полдороге до ворот:

— Где ты, слушай, куда запропал?! Я всю ночь не сомкнула глаз, от окна ни на шаг не могла отойти. И на что сдались тебе эти две люльки? Кто тебе их подсунул?!

— Смилоствился над нами господь бог, мать, послал нам с тобой внучат. Не мальчишки, а загляденье, душу отдай — мало!

— Эх, дорогой мой, детки все хороши, как ангелочки. Но ты мне скажи, откуда ты взял, что они а, может...

Эстатэ не дал ей договорить:

— Только тебя и не доставало с твоими подозрениями! Наши они, слышь ты, наши, наша плоть и кровь! По всему наши! У одного даже над верхней губкой такой же точно темный пушок, как был у Бадри, помнишь? И уж такие они жалкие, такие беспомощные, глянешь — сердце кровью обольется.

Софию, разжалобившись, утерла глаза кончиком платка:

— А Бадри-то их видел? Что говорит Бадри?

— Да как не видеть! Видел, конечно, видел. Только он вроде как не в своем уме, болтает всякую чушь. Но не по его же глупой голове жить нам, моя Софию! Ребятки-то своего от нас требуют. Займись-ка ты, бабушка, своим делом, приготовь люльки, устрой все как следует, а я на днях привезу мальцов. Видишь, какое счастье к нам в дом привалило: чем больше семья, тем больше радости!

Софию не только не стала перечить мужу, а всем своим видом будто бы говорила в ответ: да как же мне за моими кровинушками не поухаживать, да я и жизни для них не пожалею! И все-таки она робко спросила, заглянув мужу в глаза:

— А Бадри знает, он согласен?

— Чтобы больше я этих разговоров не слышал, Софию! — сверкнул на нее глазами Эстатэ. — Пока что я в своем доме хозяин и сам знаю, как мне поступать!

Завидя подъехавшую к дому машину сына, Эстатэ спустился во двор открыть ворота, но Бадри предупредил его:

— Не нужно, пусть машина постоит на улице, мне скоро ехать обратно.

Отец присел на чурбачок под деревом и принялся тесать рукоятку для мотыги.

Сын поднялся на балкон.

Софию, устроившись на тахте, обметывала отверстие для трубки в маленьком тюфячке.

— Приехал, сынок? — она поднялась с места, крепко обняла и расцеловала сына. — Поздравляю тебя, сынок, дай бог, чтобы...

— Да что это вы, в самом деле! Подняли суматоху, раструбили на всю деревню! Только остановился у родника, как женщины накинулись на меня со всех сторон с поздравлениями, чуть уши не оборвали! И какого черта приволокли в дом эти люльки?!

— Люльки купил твой отец.

— Что вы творите, чего добиваетесь?! Голову надо иметь на плечах! — уже кричал во весь голос Бадри, чтоб его услышал отец. — Только позорите меня перед людьми!

Но Эстатэ, как говорится, и ухом не повел; будто не слыша, как разоряется его сынок, он продолжал спокойно заниматься своим делом.

Бадри окончательно рассвирепел:

— Поднимись сюда, отец, мне надо с тобой поговорить!

Безошибочное родительское чутье подсказывало Эстатэ, что ему надо стоять непоколебимо, только так он сможет одержать верх над сыном.

— Горе твоим родителям! Где слыхано, чтоб отец шел на поклон к детям?! Сам изволь спуститься!

Когда между отцом и сыном завязывался спор, Софию, не вникая, кто из них прав и кто виноват, сразу становилась на сторону сына. Она и на этот раз не изменила своему обыкновению:

— Ты еще выйди на площадь и там начни проповедовать, да погромче!

— Нашелся Соломон Мудрый учить всех уму-разуму, — приободрился Бадри, — а того не смыслит, что не всех следует оповещать о том, что творится в семье!

Эстатэ тяжело вздохнул, словно пытаясь протолкнуть застрявший в груди комок, отбросил в сторону топор и рукоятку мотыги и медленно поднялся по лестнице на балкон.

— Попридержи язык, мы договоримся и без тебя! — гневно глянул он на жену.

— Оставь меня в покое, отец, не порть мне

жизнь! — В словах Бадри было столько жалостной мольбы, что человек, плохо его знающий, наверняка бы ему посочувствовал.

— Ты мой единственный сын, ты свет очей моих, но от внуков своих я тоже не могу отказаться! — твердо ответил ему Эстатэ.

— Но сын все-таки сын, сначала о нем надо подумать...

— Перед сыном я свой долг выполнил, вырастил его, дал образование, поставил на ноги! А эти малыши пока совсем беспомощные, только к двум годикам они начнут ходить, а до восемнадцати лет не смогут заработать себе на пропитание!

— Подумаешь, вырастил, поставил на ноги! А то я первый человек в Тбилиси!

— Самая высокая должность для мужчины — это быть хорошим главой семьи. Кто может предать семью, тот не послужит толком и своей стране. Советую тебе как следует обо всем подумать, ты и так виноват перед своими детьми!

— А что такого я сделал, в чем моя вина?

— Как это — в чем твоя вина?! Женщина подарила тебе мальчиков-близнецов, а ты бросил ее на произвол судьбы. Где же твоя совесть! Даже младенцев не жалеешь, даже о них не хочешь позаботиться!

— Ты совсем выжил из ума, отец, и ничего уже не соображаешь! Не мои это дети перед законом, не понятно тебе?!

От горя и возмущения на морщинистом лбу Эстатэ выступила испарина.

— Да где ж твоя совесть?! Если хочешь знать, это ты сам ничего в жизни не понимаешь, голова у тебя набита всякими глупостями. Еще исстари о человеке судили по тому, как он заботится о жене и детях. Так и поныне, так и всегда будет.

— Нет, папочка, нынче человека оценивают по креслу, которое он занимает, а совсем не по числу люлек в его доме!

— Я не знаю, что нынче! Мы должны идти дорогой наших предков! Как они нас растили, сколько

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

они положили на нас трудов, столько же и мы должны положить на своих детей. И знай, я не отступлюсь от своих слов, внуки будут расти при мне.

— Раз они тебе дороже меня, то мне здесь больше делать нечего! — воскликнул Бадри и, бросившись вон из комнаты, так стукнул дверью, что не только стекла, но и стены задрожали.

Софио бурей ворвалась в комнату:

— Чего ты хочешь от мальчика, чего ты привязался к нему?! Кажется, норовишь сжить его со свету! Чего ты заладил: больше всех внуков люблю, больше всех внуков люблю! А сын? Сын тебе не дорог?

— Ради бога, придержи язык, уймись! Мне сейчас не до тебя, — просительно, но вместе с тем твердо сказал Эстатэ.

— Довел мальчика до иступления, а теперь даже говорить не желаешь? Неужто ты не понимаешь, что Бадри хочет взять в жены порядочную девушку из хорошей семьи? А пойдет такая за человека с двумя детьми?

— А я тебе скажу, что женщину, которая не любит детей, и близко к дому нельзя подпускать! Что же до твоего сына, то не бойся, ему нетрудно будет найти невесту. На похоронах я познакомился с одной молодой женщиной. Она, оказывается, тоже беременна от Бадри. В кого только выдался у нас такой сукин сын!

— И как язык у тебя поворачивается, когда половина его грехов на твоей совести! Ты виноват не меньше, чем он...

— Ты посмотри на нее, она еще меня винит! Если хочешь правду знать, это ты сбила Бадри с пути истинного. Если бы ты с детства не избаловала его, не вступалась за него на каждом шагу, он вырос бы совсем другим, хорошим скромным парнем.

— Ты, что, забыл, что женщины боялись из-за тебя носить зерно на мельницу?! Лучше бы помалкивал...

— Эх, мамочки, где моя упорхнувшая молодость!

— Где? В твоём сыне, вот где. Каким ты был таким вырос и твой сын!

На второй день после похорон Лили Доментий пришел проведать племянников.

Младенцы спали. Старая его тетушка сообщила ему, что накануне приходил отец Бадри, который заявил Мзии, что возьмет внуков к себе в деревню и сам их вырастит.

Доментий было призадумался, а потом в знак одобрения стукнул ладонью по столу:

— Так будет лучше всего! У кого же, как не у них, может болеть душа за этих крошек! А что Мзия, как она считает?

— Да, она тоже такого мнения.

Дверь в другую комнату была приоткрыта, но штора чуть сдвинулась в сторону, и Доментий видел Мзию, которая гладила детские пеленки. «Деловитая, энергичная девочка», — думал он про себя, не сводя с нее глаз.

Тетушка разгадала мысли племянника:

— Мзия — не женщина, а клад. Она, как родная сестра, поддерживала Лили. А теперь вот ходит за сиротами, заменяет им мать. Этот негодяй Бадри бросил ее и близко к ней не подходит.

— Как? И Мзию тоже Бадри обольстил?

— Да, еще одну пакость натворил. Вчера вечером она мне во всем призналась: ошиблась, говорит, я, потеряла голову...

Так Доментий узнал грустную историю Мзии.

Мальчуганы одновременно расплакались. Мзия прилегла рядом с ними на постель и запела колыбельную. В ее голосе сквозила неизбывная печаль.

Доментию стало жаль в душе не только детей, но и Мзию. В нем кипела злоба на человека, походя сгубившего жизнь двум молодым женщинам.

А тетушка продолжала:

— Разве есть справедливость на этом свете? Кто достоин самой большой любви, того счастье обходит стороной, а посмотришь, другие живут себе припеваючи.

Софио чувствовала себя совсем больной, у нее страшно ломило колени, но все-таки она поднялась

Вано Урджумелашвили. Дети — матери.

ни свет, ни заря, подмела двор, вынесла на солнце постельки, заправила люльки. Потом она купила у соседей молока, вскипятила его и разлила по бутылочкам, на которые натянула соски: дети с дороги проголодаются, а еда у нее тут как тут.

Деревенские сплетницы разнесли по всем перекресткам весть о том, что в доме Бадридзе идут большие приготовления: сегодня из города привезут детей Бадри..

Когда под вечер перед домом Эстатэ остановилась машина, на нее со всех сторон с гомоном налетели ребяташки — их матери топтались чуть подальше, будто бы занятые своими разговорами, а на самом деле не сводившие глаз с машины.

Из машины вышел Эстатэ с двумя завернутыми в одеяло младенцами на руках.

Софию встретила мужа и внуков у ворот:

— Приехали, мои маленькие, мои родненькие!

Муж передал ей только одного ребенка, а второго высоко поднял на руках, словно желая показать всей деревне:

— Соседи мои и доброжелатели, я внуков привез, а ну-ка гляньте что за мальчики!

Соседи окружили супругов и стали умильно ахать и гугукать над детьми.

— Я до старости дожила, а такого сходства еще не видела: оба вылитые Бадри! — чувствуя, что она доставляет этим удовольствие Эстатэ, приговаривала одна из соседок.

— Дай бог им вырасти в добрых молодцев! — вторила ей другая.

Собралось человек двадцать гостей. Стол хозяйка накрыла на открытом балконе.

После того как было выпито за здоровье новорожденных, счетовод Дата спросил:

— А как вы называли внуков? Один, верно, будет не иначе как Эстатэ, а?

— Нет, это имя уже не в ходу! — резко ответил Эстатэ. — Мать сама выбрала им имена! Тот, что с пушком, будет зваться Дато, а второй Ираклий.

Тамада поднял тост за бабушку и дедушку:

— Завидная у вас старость, Софию и Эстатэ! Никто не оспорит у вас права растить и воспитать вну-

ков, отдать им свою любовь и заботу. Вырастут ребята, возмужают и возместят вам все положенные на них труды.

Когда гости разошлись, супруги отодвинули от стен свои никелированные кровати и поставили каждый возле себя по люльке. Ираклия забрал себе дедушка, он-де сам будет за ним смотреть, а Дато передал на попечение бабушке — тот был поменьше да послабее с виду, так что за ним требовался больший уход.

Не успев попасть в люльки, оба младенца мигом уснули и проспали всю ночь беспробудно. Только на рассвете оба одновременно подняли рев.

Дед и бабка тотчас поднесли им бутылочки с молоком, они высосали все до донышка и снова уснули.

— Устали с дороги, потому и спят так спокойно, — вывел заключение Эстатэ.

Теперь, на какую пирушку Эстатэ ни попади, он только один-единственный тост пил до дна — за внуков. Он по-старому уходил с раннего утра на виноградник, вскапывал землю, сеял, полон, поливал.. На краю огорода он посадил два ореховых дерева, в саду — несколько новых фруктовых деревьев. Он и дом обновил: починил крышу, покрасил двери и окна. По воскресным дням он возил в Тбилиси для продажи ткемали, алычу, раннюю черешню — прикапливал денжат, чтоб завести для своих мальцов собственную корову. Он привез из Тбилиси увеличенный портрет Лили и повесил его в спальне. Не пришлось, мол, бедной женщине налюбоваться в жизни на своих сыночков, так пусть хоть с портрета всегда на них смотрит.

Перевела Маргарита ГРЖЕНДЗИЦА

ЖЕЛЕЗНАЯ крыша вагончика за день раскалялась так сильно, что он превращался в печку. Но днем в него никто не заходил — только утром и вечером.

Утром в вагончике было прохладно.

Николай ЛЯТОШИНСКИЙ

Айказ аккуратно повесил на гвоздь брюки, рубашку, пиджак. Туфли пристроил внизу, под скамейкой. Затем подошел к окошку и стал наблюдать за рабочими в цеху.

ЧИТО, ГВРИТО...

Рассказ

Цех — площадка под огромным навесом, укрепленном на мощных металлических опорах. Единственная стена, составленная из прямоугольных кусков шифера, обращена к круто поднимающемуся склону горы, на которой раскинулось кладбище. Цех состоит из трех символически отгороженных друг от друга отсеков: мастерской, где художник Резо наносит на камни рисунки и надписи, полировочной, в которой работают Левон и Аркадий — сплошь покрытые густым слоем зеленой пыли, в защитных очках и респираторах, похожие на космических пришельцев, —

и распилочной в конце цеха. Там, невидимый за горой базальтовых глыб, находится Георгий. Оттуда доносится назойливый визг огромной, вгрызающейся в камень пилы.

Отойдя от окошка, Айказ присел на скамейку и стал торопливо надевать старые солдатские штаны, в которых обычно работал. Сильно выгоревшие на солнце, они, казалось, были сшиты не из ткани, а из затвердевшей смеси пота и цементной пыли. В нескольких местах зияли небольшие дыры.

На секунду в вагончике стало темно — закрыв собой весь дверной проем, вошел Аркадий. Высокий, широкий в плечах, с непомерно большими руками, в которые глубоко въелась зеленая пыль полировочной пасты.

— Здорово, дядя Айказ!

— Здравствуй, здравствуй, — нехотя буркнул Айказ.

Парень присел рядом с ним, указал рукой на свой пиджак, висевший на стене:

— Достань там сигареты в кармане... А то я все перепачкаю.

Закурив, он устало привалился к стене, вытянул длинные, в огромных сапогах ноги.

— Футбол вчера смотрел?

— Нет, — ответил Айказ. Он уже переоделся и теперь доставал из ящика ведро с инструментами. — Чего я там не видал, в твоём футболе?

— Завидую тебе, — вздохнул Аркадий, — проиграла наша... Смотреть не на что... Дармоеды несчастные!

— А ты только выигрывать хочешь.

— Конечно, хочу! Но что толку? Все равно...

Айказ молча проверял инструменты: уровень, метровая железная линейка, закольники, молоток...

— Затупились почему-то... — пробурчал он, трогая пальцем безупречно острую грань закольника, — я же его недавно точил! Конечно, берут без спроса...

— Да кому нужны твои закольники!

— Знаю, знаю я вас.

— Тяжелый ты человек, дядя Айказ, — покачал головой Аркадий, — вечно ты всем недоволен. Посмотри лучше, какое утро, какое небо ясное!

— Дождь будет... — выходя из вагончика, уронил Айказ.

Плясало солнце в небольших лужицах вокруг крана, прыгало по оживленным утренней прохладой листьям деревьев и кустов, тысячами искр рассыпалось, дая на зеркально отшлифованные гранитные плиты. Высокое утреннее небо постепенно бледнело, наполнялось зноем. Оно будет бледнеть до тех пор, пока сольется с солнцем, пока не превратится в одно ромное, бесконечное июльское солнце...

— У наших уже четыре поражения, — горестно заметил Аркадий, выходя следом за Айказом. В руках у него была спортивная газета. — Чувствую, доиграют они...

— Делать тебе нечего, — отмахнулся Айказ, дурью маешься. Выиграют, проиграют... Пошли орать все! — и направился к крану, держа в одной руке ведро с инструментами, в другой большой глиняный кувшин. Вода в этом кувшине всегда была холодной и теряла вкуса.

Аркадий хотел что-то сказать, но передумал и, далеко отшвырнув окурок, сердито зашагал к цеху.

Из кустов, отделявших двор от кладбища, вынырнула серая облезлая собака и, неуклюже раскачивая отвисшим брюхом с большими опухшими сосками, побежала к луже.

— Гляди-ка, Айказ, — крикнул Резо, глядя на собаку, — у Дамки, похоже, щенки...

Айказ не повернул головы, не отозвался — продолжал наполнять кувшин.

— Интересно, где она их спрятала? — не унимаясь Резо.

— Тебе-то какое дело?

— Да так, просто...

— Просто... — Айказ удивленно пожал плечами. — Почему меня такая чепуха никогда не интересует?

— Ну, конечно, ты же у нас особенный, — усмехнулся Резо.

Напившись воды, Дамка снова нырнула в кусты. Айказ видел, как между памятниками мелькала ее серая костлявая спина.

Наполнив кувшин, он не спеша пошел по дороге круто поднимавшейся в гору и делившей кладбище по-

полам. Одолев плоскую, густо застроенную вершину, Айказ спустился немного по склону и остановился у неоконченного цоколя, к бетонному основанию которого были прислонены базальтовые плиты.

Воду для работы он брал из треснувшей водопроводной трубы, проходившей метрах в пятидесяти.

Солнце поднялось выше, стало заметно припекать.

Уютно раскинувшийся в долине город был виден, как на ладони, а разноголосый шум его доносился даже сюда. Прозрачная ясность утра постепенно сменялась знойной дымкой, рождаемой раскаленным асфальтом, камнем, автомобильными выхлопами, заводскими дымами...

Он не спешил. Размеренно, неторопливо подгонял базальтовые плиты, точными, выверенными движениями создавал из разрозненных кусков нечто целое, единое, привычно чувствуя под рукой шероховатую, совсем не холодную поверхность камня, его отступающую перед резцом твердость.

Когда капли пота, срывавшиеся с его лица, стали испаряться, едва коснувшись камня, Айказ отложил инструменты, сел на землю, привалившись спиной к стене цоколя, поднес ко рту кувшин. Пил небольшими короткими глотками, наслаждаясь сочной прохладой воды, почти неуловимым привкусом мокрой глины.

Откуда-то снизу донесся странный незнакомый звук.

Айказ удивленно огляделся — никого, не считая нескольких понурых от зноя коров, сонно бродивших между камнями.

Звук повторился. Потом еще и еще, и как-то незаметно сложилась знакомая мелодия. Кто-то играл на трубе «Чито, гврито» из кинофильма «Мимино».

Привычно лавируя в лабиринте надгробий, памятников и кустов, Айказ стал спускаться вниз по склону. Яркозеленые стремительные ящерицы то и дело выскакивали из-под самых ног, и он всякий раз испуганно замирал на месте — на кладбище в изобилии водились и ядовитые змеи.

Таинственный трубач находился где-то здесь, поблизости, но высокие гранитные и базальтовые плиты,

---

Николай Лятошинский. Чито, гврито...

окруженные густой стеной кустов, надежно его скрывали. Не долго думая, Айказ взобрался на один из высоких цоколей и замер, удивленно раскрыв рот. Совсем рядом, на каменной скамейке сидел мальчик лет десяти и, закрыв глаза, самозабвенно играл на трубе. Сверкающий, звенящий металл посылал во все стороны ослепительные лучи отраженного солнца и звуки знакомой, но вдруг зазвучавшей как-то по-новому песни.

Айказ подождал пока трубач доиграет до конца и громко спросил:

— Тебя как зовут?

Мальчик вздрогнул, испуганно уставился на каменщика.

— Я спрашиваю, как тебя зовут?

— Нико.

— Ты что, Нико, лучше места не нашел? Устроил концерт! Тебе что, театр здесь?

Нико молча смотрел перед собой, сжимая в руках затихшую, беспомощную трубу.

— Не место здесь для таких выступлений, — строго наставлял Айказ, — сам должен понимать...

— А где же мне играть? — вдруг сердито перебил его Нико.

— Какое мне дело? Дома играй!

— Дома нельзя — у бабушки голова болит.

— Ну, тогда во дворе.

— Во дворе тоже нельзя, — вздохнул Нико, — у тети Розы с третьего этажа сразу давление поднимается, а у тети Нины со второго этажа начинается аллергия...

— Чего-чего?

— Аллергия. Краснеет вся и задыхается.

Айказ помолчал, сказал уже не так уверенно:

— Все равно здесь играть не надо...

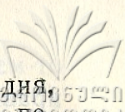
И, спрыгнув с цоколя, побрел обратно.

— Постойте, дядя! — крикнул Нико.

— Ну, чего тебе еще?

— Можно, я посмотрю, как вы работаете? Я не буду мешать, только посмотрю...

Нико действительно не мешал, молча наблюдал за работой. Он сидел в тени каменной стены, чуть повыше того места, где работал Айказ, а рядом на песке лежала золотистая труба.

Вокруг дрожала непрочная тишина знойного дня, прерываемая глухим стуком наполненных водой и песком ведер, короткими ударами молотка о камень и громким дыханием работающего человека.

Наконец Айказ вытер с лица пот и взял кувшин.

— Пить хочешь? — спросил, не глядя на Нико.

— Хочу.

— Слезай.

Мальчик припал губами к влажному горлышку кувшина, сделал несколько больших глотков и, глубоко вздохнув, восхищенно посмотрел на Айказа:

— Ух, какая вкусная! И совсем не теплая...

Айказ довольно крякнул и тоже приложился к кувшину. Прозрачные струйки торопливо побежали по бронзовой морщинистой шее, закапали в нагретый песок и тут же бесследно исчезли.

— Можно, я принесу вам воды? — попросил Нико, хватая пустые ведра, — мне это совсем не трудно.

— Еще чего! Я и сам принесу.

— Ну пожалуйста! А вы пока отдохнете... Я знаю, где набирать воду, — и он побежал к водопроводной трубе.

— Эй, Нико, — крикнул ему вслед Айказ, — не набирай полные, хватит и половины!

— Послушай, — спросил он, когда мальчик вернулся, — почему ты играешь на трубе? Сейчас ведь все мальчишки с гитарами носятся.

— Не знаю... Мне труба нравится. Вот в школе я сижу за одной партой с девочкой, Ликой, и она тоже меня об этом спрашивает, а я не знаю, как объяснить... Лика смеется и говорит, что у меня нет вкуса... — Нико помолчал и, вздохнув, добавил, — когда я играю на трубе, мне кажется, что это я сам так пою... или труба поет так, как я сам хотел бы...

— Может, я чего-то не понимаю, — покачал седой головой Айказ, — но тебя ведь все вокруг ругают из-за этой трубы. А ты все равно с ней не расстаешься... Неужели она так нужна тебе?

С минуту мальчик молча рассматривал свою трубу, словно пытался найти в ней ответ.

Николай Лятошинский. Читю, гврито...

— Не знаю... Просто мне так нравится. Ведь вам нравится строить?

Айказ удивленно взглянул на Нико, невольно выпрямился.

— Да... Нравится.

— Вы и дом можете построить, правда? Высокий, с большими окнами, с балконом... Ведь можете?

— Могу, — нерешительно произнес Айказ и почему-то посмотрел вдаль, на плывущий в знойной дымке город. Половина его ярко сияла на солнце, другая ушла в густую тень от затянувшей небо синевато-стальной тучи.

— Смешной ты парень, Нико, с тобой не соскучишься, — он хотел сказать еще что-то, но так и не нашел нужного слова, улыбнулся скупой, — дуй домой, музыкант, сейчас дождь ливанет!

Гром неистово сотрясал небо и землю. Непрерывные потоки воды оглушительно обрушивались на железную крышу вагончика, перекрывая голоса спрятавшихся в нем мужчин.

— Вот это дождик! Давно такого не помню...

— Да... Настоящий ливень!

— Может, теперь не так жарко будет?

— Как же, жди! Теперь самая парилка и начнется...

— Это точно. Душно будет.

За распахнутой дверью, сквозь густую колеблющуюся стену дождя виднелась дорога. Мутные желтые потоки воды стремительно неслись по ней, сворачивали недалеко от вагончика и вновь устремлялись вниз, к городу.

— Где же Айказ? — спросил Резо. Он стоял у двери, задумчиво смотрел на дождь. — Давно бы должен вернуться...

— Не бойся, под дождем не сидит, — усмехнулся Левон, — наверняка где-нибудь в ресторане кутит.

— Я сам видел, как он работать пошел, — вступил в разговор Аркадий, — и Резо тоже видел.

Но Левон и не думал сдаваться.

— Подумаешь, они видели! Да у него здесь знакомых — тысячи! Кто бы ни ехал на машине — всех он

знает, все его знают, приглашают. Наверно, с кем-то уехал.

— Что, прямо в робе?

— А что? Обязательно галстук нужен? Хинкали и без галстука хороши...

— Да ну его! Старый ворчун! Без него даже лучше... Все ему не так...

— Да нет, не думаю, чтобы он уехал, — сомневался Резо.

— Спорю на бутылку коньяка, — предложил Левон.

Поколебавшись, Резо согласился. Пари состоялось.

— Ну, Резо, плакали твои денежки! — засмеялся Аркадий.

— Давайте лучше в домино сыграем, — предложил молчавший до сих пор Георгий, — выдвигай стол на середину, где счеты?

— погоди! — закричал вдруг Резо. — Идите сюда! Смотрите!

Мужчины столпились у двери.

По дороге к вагончику спускался Айказ. Он осторожно ступал по скользкой, пропитанной водой земле, дождь немилосердно хлестал по загорелым плечам, седой мокрой голове. В одной руке он держал неизменное ведро с инструментами, полное воды, другой прижимал к груди что-то завернутое в рубашку. Рядом бежала Дамка — мокрая, жалкая.

— Что это он? — еле слышно произнес Георгий.

Не обращая ни на кого внимания, Айказ прошел прямо в цех. В сухом углу, среди ящиков бережно положил свою ношу, развернул рубашку, и все увидели, как из нее, неуклюже переваливаясь и падая, выползли три совсем крошечных, слепых еще щеночка. Счастливая Дамка тут же прикрыла их своим дрожащим телом, и щенки, жалобно повизгивая, стали тыкаться мордочками ей в брюхо, отыскивая соски.

Когда Айказ вошел в вагончик, там стояла полная тишина.

По-прежнему не обращая ни на кого внимания, словно он был один, снял мокрые брюки, достал из

шкафчика полотенце и энергично растер себе грудь, руки, спину. Надел сухие брюки, рубашку и удивленно огляделся:

— Чего стоите, как цоколи? В домино сыграем?

И сразу все зашумели, заговорили одновременно, засмеялись.

— Ну, Левон, — кричал Резо, — коньяк за тобой!

— Твоя взяла, сдаюсь, — поднял руки Левон.

Айказ сел за стол напротив Аркадия, кивнул в сторону двери, за которой мир тонул в потоках воды:

— Вот видишь — дождь. А ты говорил: какое небо, какой день!

И, насвистывая «Чито, гврито», стал перемешивать костяшки домино.

С лица земли стиралось
 многое не раз,
 Но настоящий стих
 не умирал ни разу.
 Галактион ТАБИДЗЕ

«Почему Грузию называют страной поэтов?» — на этот вопрос величайшего грузинского поэта XX века Галактиона Табидзе, разумеется, трудно дать исчерпывающий ответ.

Может быть, тому виной богатая природа Грузии, романтичность ее долин и нагорий, определившие мягкость и лиричность характера грузина; а может быть — суровое величие и дикая красота ее скал и гор, обусловившие героическую твердость характера грузина. Возможно, причина этого — удивительно богатый, гибкий и выразительный язык, на протяжении обозримого, почти двухтысячелетнего периода своей фиксированной истории изменившийся по сравнению со многими другими языками сравнительно мало, — кто знает?

Ниже, совершив небольшой экскурс в историю Грузии, мы поделимся некоторыми соображениями об основных этапах развития грузинской поэзии. И хотя предлагаемый вниманию чи-

Саргис ЦАИШВИЛИ

НАСЛЕДНИКИ БОГАТЫХ ТРАДИЦИЙ

О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ
 ГРУЗИНСКОЙ
 ПОЭЗИИ

тателя очерк посвящен не только поэзии, последняя, как не-
трудно заметить, составляет его главное содержание.

На территории современной Грузии — немало следов
жизни первобытных людей. Любопытно, что наряду с контак-
тами с соседними цивилизациями в сохранившихся археоло-
гических материалах явственно наблюдается и непрерывная
цепь развития, указывающая на определенную преемствен-
ность культуры в отмеченном регионе. Эта территория из-
древле была заселена предками грузин. Высокий уровень их
цивилизации подтверждается развитым ремесленным произ-
водством — керамикой, выплавкой и обработкой металлов.

Современные историки подчеркивают, что племена, яв-
лявшиеся предками грузин, расселялись и южнее — в Ма-
лой Азии и на юго-восточном побережье Черного моря.

В течение веков, конечно, многое существенно измени-
лось. Достаточно вспомнить Хеттско-Субарское, а затем и
Урартское государства, названия которых так прочно свя-
заны с народами, стоявшими у колыбели цивилизации. Из-
вестно также, что эти государства захлестнул поток наро-
дов и племен, двинувшихся с Востока.

Лишь небольшой части народов, живших на этой тер-
ритории, удалось надолго сохранить важнейшие элементы
своей первоначальной, самобытной культуры. К ним едва ли
не в первую очередь следует отнести картвельские (грузин-
ские) племена, заселявшие северную часть данного регио-
на — южные склоны и отроги Кавказского хребта, а также
Триалети. По разным причинам, среди которых не послед-
нее место занимал труднодоступный горный рельеф, они су-
мели сохранить свои Колхиду и Иберию, а в дальнейшем
создали единое грузинское государство.

Территория, на которой окончательно обосновались гру-
зинские племена и впоследствии возникло грузинское госу-
дарство, была расположена на стыке двух миров — восточ-
ного и западного. Это обстоятельство во многом определило
трагические стороны последующей истории грузинского на-
рода. Закавказье постоянно было яблоком раздора между
могущественными государствами Запада и Востока. К тому
же Грузия замыкала естественные перевалы Главного Кав-
казского хребта, откуда постоянно угрожала опасность набе-
гов северных кочевых племен. Поэтому к политическому сою-
зу с Грузией стремились и Персия, и греческие государства,
а затем и Римская империя.

Вот один пример. Римский император Антонин (138—161)

пригласил в Рим иберского царя Фарсмана II и в знак «вечной и нерушимой дружбы» повелел воздвигнуть в его честь на Марсовом поле в Риме конную статую царя-рыцаря. А о том, насколько крепка была эта «дружба» и какие цели преследовали римские императоры, можно узнать, познакомившись с историей опустошительных набегов римлян на Грузию.

Но взаимоотношения как с Востоком (здесь в первую очередь подразумевается ахеменидский, а затем сасанидский Иран), так и с Западом, в частности с греческими государствами (а затем с Византией) и с Римской империей, никогда не были однозначными и не исчерпывались вопросами политической ориентации. Эти отношения проявлялись и в духовной сфере и во многом способствовали расширению культурного горизонта грузинского народа. На основе синтеза культур постепенно формировалась совершенно самобытная древняя грузинская культура. Эта линия остается неизменной и в последующем развитии Грузии, хотя дальнейшие столетия, как мы увидим ниже, характеризуются все более выраженным тяготением к западной культуре, которая в эпоху средневековья развивается под знаком христианской идеологии.

Ценные сведения об истории Грузии античного периода — того времени, когда только начиналось объединение картвельских племён в единое государство — сохранились в древнегреческих источниках.

Здесь упоминаются расселенные в Малой Азии и Закавказье картвельские племена: мосхи, тибарены, макроны, моссиники, халибы, колхи, иберы и другие (некоторые параллельные сведения о них содержатся и в Библии). Отмеченные источники дают уникальные сведения о мифологии, фольклоре и этнографических особенностях названных племен, о системе хозяйства и об их цивилизации вообще.

Приведем несколько примеров. С действительностью древней Колхиды теснейшим образом связан общеизвестный миф о полных опасностей путешествии аргонавтов, который в дальнейшем подвергся художественной переработке в «Аргонавтике» греческого писателя Аполлония Родосского (III в. до н. э.). Здесь рассказывается романтическая история трагической любви дочери колхского царя Медеи и выдающегося греческого героя Язона. В произведении детально описываются красивейшая земля Колхиды, ущелье реки Рио-

ни (Фазиса), столица Колхиды Айя, несметные сокровища царя колхов Айэта, о которых с таким восторгом рассказывали греческие писатели и путешественники.

Как и все предания подобного рода, «Аргонавтика» в определенном смысле основывается на реальных событиях. Судя по тому, как описывается способ добывания «золотого руна», можно заключить, что именно интересовало греков пустившихся в столь далекое плавание. Фактически все указывает на то, что здесь речь шла о секрете добычи золота, которым владели колхи. Следует отметить, что значительно позднее о местных способах добычи золота рассказывал римский писатель и географ Страбон.

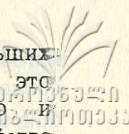
С культурологической точки зрения о греко-грузинских отношениях свидетельствует ряд параллелей из мифологии. Грузинский народ создал замечательный миф о прикованном к скале герое-богборце Амирани (кроме архаичных слоев народных преданий о древности мифа свидетельствуют найденные за последнее время археологические материалы; в частности, похожие сюжетные сцены изображены на мцхетском бронзовом поясе и бронзовых итифаллических фигурах казбекского клада).

Сюжет о прикованном к скале герое не может не напомнить известный во всем мире греческий миф о Прометее, который со времен Эсхила вдохновил не одного писателя на создание художественного произведения.

Любопытно, что сходство кардинальных эпизодов греческого и грузинского мифов было замечено с давних времен на него указывали и греческие писатели (Филострат и др.). Изучение этих же источников показывает, что сам миф о Прометее они не считали достоянием одного лишь греческого мира.

На современном уровне развития науки говорить о приоритете тех или иных этнических групп в возникновении мифов и сказок считается чрезмерным упрощением проблемы. Однако о возникновении сказания этого типа на грузинской почве свидетельствует существование множества его вариантов как у картвельских, так и у соседних племен. Важное значение для локализации возникновения мифа имеет также указание на то, что культурный герой прикован к скале Кавказского хребта, — деталь, общая и для греческого, и для грузинского мифов.

Так или иначе, но почти все греческие писатели, начиная с Гомера и Гесиода, и историки во главе с Геродотом

упоминают картвельские племена, а позднее — два больших государственных объединения, Колхиду и Иберию. Как это ни парадоксально, но, к сожалению, Грузию, её историю и многообразную культуру, её уникальные отрасли хозяйства лучше знали в античную эпоху, чем всего несколько веков назад, в эпоху позднего средневековья — в трудах западноевропейских путешественников и ученых, относящихся к этому периоду, мы находим совершенно фантастические сведения о Кавказе и, в частности, о быте и культуре Грузии. Причину этого следует искать прежде всего в изменчивости исторической судьбы самой Грузии. Страна, достигшая зенита своего государственного и культурного развития в XI—XII веках, в дальнейшем оказалась изолированной от Западной Европы и была вынуждена в одиночку бороться за сохранение своей государственности и национальной самобытности с окружавшими её врагами, стоявшими на гораздо более низкой ступени хозяйственного и культурного развития, но могущественными и жестокими. Именно самоотверженная борьба за национальную самобытность была основным содержанием исторической жизни Грузии на протяжении почти всего дальнейшего периода. Но прежде чем коснуться этого вопроса, следует вспомнить несколько эпизодов из истории культуры Грузии.

Выше мы не раз упоминали Малую Азию и Закавказье. По последним исследованиям, этот регион был населен народами, языковая структура которых относится к трем основным системам. Это индоевропейские языки, праязык которых условно обозначается термином протоиндоевропейский; отдельную группу составляли семитские языки, праязык которых, аналогично, именуется протосемитским. «Общую генетическую группу образуют также картвельские языки, которые состоят из собственно грузинского и родственных ему диалектов — мегрело-лазского и сванского. И они исторически выходят из одного праязыка, так называемого общекартвельского» (академик Т. Гамкрелидзе).

В мировой системе языков картвельские языки представляют собой совершенно обособленную группу и не проявляют в генетическом отношении никакой близости с другими языковыми группами (есть мнение — на гипотетическом уровне — согласно которому картвельские языки могут быть связаны с языком басков, живущих на Пиренейском полуострове. Язык басков, которые, кстати, в древних

источниках именуется западными иберами, также стоит особенно среди языковых систем окружающих его народов).

Конечно, это не означает, что картвельские языки не имели тесных контактов с языками соседних народов. Показательна в этом смысле их близость и с языками народов, населяющих Северный Кавказ. Тесные взаимоотношения, отпечаток которых несут обе языковые системы, обусловлены длительными, исторически сложившимися контактами. Одна из особенностей этих взаимоотношений состоит и в том, что в данном регионе Кавказа грузинский был единственным языком, обладающим письменностью, и поэтому совершенно естественна его особая роль в культурном отношении.

Тесными были также контакты Грузии с Ближним Востоком и Малой Азией, что соответственно отразилось в грузинском языке (особенно в его лексике). Важны в этом смысле языковые заимствования из древнеперсидского, среднеперсидского, новоперсидского (фарси), арабского, сирийского, армянского и других языков. Эти культурные и языковые контакты, ставшие еще более тесными в новые века, были одним из источников обогащения грузинской лексики на основе которого развился мощный, богатый и многогранный грузинский литературный язык.

Среди выдающихся деятелей, боровшихся за целостность и расцвет Грузии, особенно выделяются царь колхидов Губаз (VI в.) и царь иберов Вахтанг Горгасал (V в.), не раз наносивший поражение персам и все свои силы отдавший объединению народов Закавказья в борьбе против поработителей. Он же осуществил несколько успешных походов на Северный Кавказ.

В ходе борьбы за создание сильного и независимого государства Иберии он сделал еще один важный шаг: перенес столицу из древней Мцхета в Тбилиси, который по своим географическим и другим параметрам выглядел значительно более перспективным, что и подтвердил впоследствии весь ход истории. Постепенно Тбилиси стал оплотом и символом единой Грузии. Объединению грузинских земель и экономическому росту государства способствовало и развитие новой формы социальной структуры и землевладения — феодализма. Возникали и развивались города, главенствующее место среди которых занимала новая столица — Тбилиси. Именно в эту пору в истории Грузии произошло событие огромного значения, предопределившее всю ее дальнейшую судьбу.

я давшее сильный толчок своеобразному развитию в будущем.

В 30-е годы IV века, почти одновременно с Римской империей, Грузия провозгласила официальной государственной религией христианство. Этот факт в жизни грузинского народа явился шагом эпохального значения, окончательно утвердившим западную ориентацию Грузии.

По преданиям, которые в ряде случаев подкреплены историческими источниками, христианство в Грузии распространила юная дева, святая Нино, пришедшая для выполнения столь высокой миссии из Малой Азии, конкретнее — из Каппадокии; пришла, неся в руках крест из виноградной лозы, скрепленный ее волосами.

Эта легенда, явно перекликающаяся с древнейшими языческими мифами о божестве плодородия, еще более утвердила распространенную в Грузии с незапамятных времен традицию особо почтительного отношения к женщине. В дальнейшем культ женщины приобрел еще более важное значение, что нашло отражение в художественной литературе Грузии классической эпохи, в частности в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

Наивно было бы думать, что новая религия, с распространением которой связывают столь очаровательную легенду, утвердилась в сознании грузинского народа совершенно безболезненно. Христианство натолкнулось на яростное сопротивление в лице местной, языческой религии. Особенно трудно было обратить в новую веру население горных районов Грузии, которое вело упорную борьбу за сохранение прежних верований и обычаев. Горцы по-прежнему упрямо собирались в местах, где с незапамятных времен были воздвигнуты языческие идолы. Как и в ряде других стран, христианские миссионеры на месте языческих святилищ, куда привык ходить народ, возводили монастыри и другие культовые христианские постройки.

Как отмечалось выше, в иноязычных источниках античной поры встречается немало сведений о мифологических представлениях грузинских племен и о возникавшем на этой почве фольклоре.

Согласно традиции, утвердившейся в древнегрузинских исторических источниках, считается, что возникновение грузинской письменности приходится на третий век до нашей эры. «И был Фарнаваз первым царем в Картли из рода Картлоса, — говорится в одной из древнейших летописей. —

Он распространил язык грузинский, и не было языка иного в Картли, кроме грузинского. И создал он письменность грузинскую». Однако безжалостное время и превратности судьбы стерли с лица земли все памятники этой письменности.

А новая культура средневековой Грузии развивалась уже в ином направлении. На этом пути именно объявление христианства государственной религией (337 г.) стало актом решающего значения. Но, как и всякое новшество, этот шаг оказался болезненным, и отголоски связанной с ним внутренней борьбы хорошо прослеживаются в грузинских летописях. Вполне можно допустить, что именно эта суровая борьба была одной из причин уничтожения старого. Новая идеология повсеместно либо уничтожала, либо усваивала в трансформированном виде достижения старой культуры. В горных регионах Грузии до сих пор наблюдаются поразительные примеры слияния и взаимопроникновения христианской и языческой религий. В общегрузинских масштабах языческие культы Солнца и Луны под влиянием христианства трансформировались в культы Богородицы и святого Георгия, надолго оставшись в таком виде в сознании народа.

Что же касается сохранившихся образцов грузинской письменности, то древнейшие из них датируются V веком; к последней его четверти относится первый образец агиографической прозы «Мученичество Шушаник» пресвитера Якоба.

Вопрос о том, существовала ли письменность у грузин до принятия христианства, довольно сложен и проблематичен. Рассуждая логично, трудно допустить, чтобы государственные единицы Грузии, оформившиеся еще в античности, существовали без национальной письменности. Именно это предположение лежало в основе гипотезы выдающегося грузинского ученого-историка Иванэ Джавахишвили. Создание грузинского алфавита он относил примерно к VII веку до н. э. и связывал его зарождение с финикийско-семитским алфавитом. И. Джавахишвили указывал в своей гипотезе и на то, что грузинский алфавит, по-видимому, обрёл в дальнейшем, в результате тесных контактов с греческим, новые элементы, явно прослеживающиеся как в порядке расположения букв, так и в системе гласных. Впрочем, существуют и другие гипотезы. Некоторые исследователи, например, считают, что в формировании грузинского алфавита, равно как и в провозглашении христианства официальной религией, решающую роль сыграло влияние греческой культуры. Остается

надеяться, что впоследствии, с открытием новых фактов, этот спорный вопрос будет решен окончательно. Одно бесспорно: христианской религии, пересаженной на грузинскую почву, суждено было выполнить огромную историческую миссию в дальнейшей жизни грузинского народа; церковь, ставшая могущественной общественной силой, спланировала его в организационном и идеологическом отношении на борьбу с чужеземными захватчиками, пытавшимися навязать грузинам свою веру. Именно под этим знаменем осуществляли свою экспансию крупнейшие государства Востока — Иран и Турция, эти извечные враги Грузии, и в этом смысле христианство стало синонимом национальности.

Таким образом, приняв христианство, грузинский народ, как было сказано, оказался в совершенно новом культурном ареале и примкнул к странам, стремившимся к новой цивилизации.

Помимо этого, новая религия в силу своих особенностей в значительной степени способствовала возрождению и развитию просвещения и культуры.

Как и в других странах, исповедующих христианство, в Грузии сразу же были переведены библейские книги (начиная с V века выполнено несколько таких переводов, существующих в виде различных редакций).

Говорить о значении этих переводов нам представляется излишним. Библейские книги заключали в себе огромные знания и опыт древнего мира, и поэтому понятно, что они неизбежно способствовали повышению уровня культуры освоенного их народа.

Как и следовало ожидать, на первых же порах распространения христианства зародилась и стала быстро развиваться богатая духовная литература — как переводная (переводили с греческого, сирийского, арабского, армянского и других языков), так и оригинальная. Сегодня нельзя серьезно изучать мировую христианскую духовную литературу, не учитывая богатого наследия уникальной духовной литературы, существующей на грузинском языке. Достаточно сказать, что в древнейших грузинских переводах сохранилось немало памятников литературы, оригиналы которых считаются ныне утраченными; существование и авторство многих произведений подтверждается сегодня только по грузинским материалам. На это указывали такие известные ученые, как Г. Гарнак и Н. Я. Марр; целый ряд специальных работ и публикаций посвятил памятникам такого рода К. С. Кекелидзе.

Грузинская духовная литература зародилась и развивалась в монастырях различных областей Грузии (Картли, Кахети, Нижней Картли, Тао-Кларджети, Западной Грузии). В процессе централизации страны (V—X вв.) эта литература постепенно формируется в единое идеологическое целое. Грузинская церковь сыграла положительную роль и в деле консолидации раздробленной на феодальные единицы страны единого государства. Интересно в этом отношении и само определение Грузии, предложенное церковью: Грузия — страна, где христианское богослужение отправляется на грузинском языке.

Уже в первые века после принятия христианства грузинские культурно-просветительские центры (в основном — церкви и монастыри) создавались и за пределами Грузии — в Сирии, Палестине, на Синайской горе, в Греции, Болгарии и т. д. Непосредственные контакты с передовыми центрами христианской культуры того времени не давали грузинской культуре и литературе замыкаться в своих собственных рамках. Как в Грузии, так и за ее пределами грузинские деятели успешно разрабатывали актуальные идеологические и художественные проблемы тогдашнего мира.

Уже с V века в Грузии развиваются почти все жанры духовной литературы (библиология, апокрифическая литература, полемика, экзегетика, догматика, аскетико-мистическая литература, томилетика, литургика, гимнография, агнография).

Некоторые из выдающихся представителей грузинской духовной литературы внесли немалый вклад в историю мировой христианской культуры. Достаточно упомянуть в этой связи Петра Ивера (V в.), которому, согласно распространенной гипотезе Ш. Нуцубидзе и бельгийского ученого Э. Хонигмана, приписывается авторство таких широко известных в христианском мире основополагающих трудов, как ареопагитические книги.

Великий грузинский писатель и церковный деятель X—XI веков Эвтиме Атонэли (Евфимий Святогорец) перевел с грузинского на греческий христианизированную версию жизнеописания Будды («Варлаам и Иодасаф»), которая позднее, в переводах с греческого, обрела колоссальную популярность в Западной Европе.

Самой значительной фигурой в многовековой борьбе за создание единого и могущественного грузинского государства был царь Давид Строитель (1089 — 1125). Он не только

то сумел объединить Грузию, но и осуществлял методиче-
ское наступление на мусульманский мир, поддерживая тем
самым крестоносцев. В Дидгорской битве против объединен-
ных полчищ мусульманских государств (1121) вместе с вой-
ском Давида Строителя сражался и отряд европейских кре-
стоносцев.

Дело, начатое Давидом, продолжили его потомки, среди
которых особенно блистает имя царицы Тамар (1184—1213),
правнучки Давида.

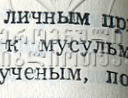
Роль грузинского государства на Ближнем Востоке по-
степенно становится все более и более значительной. Несом-
ненно, этому частично способствовало ослабление Византии
в результате участвовавших нашествий турок-сельджуков. Не-
когда могущественная Византия теперь уже сама просила
помощи у христианской Грузии, которую считала своей со-
юзницей.

В эту пору правители мусульманских государств не-
сколько раз объединенными силами выступили против Гру-
зии. Коалиция мусульманских государств была разгромлена,
как уже отмечалось, Давидом Строителем в Дидгорской бит-
ве. Не меньшее значение имела Басианская битва (1205), ко-
торая произошла во времена царицы Тамар.

В эпоху царицы Тамар Грузии подчинялись все круп-
ные княжества Закавказья. Грузинские цари защищали от
экспансии мусульманских государств страну армян. В вас-
сальной зависимости от Грузии находились племена Север-
ного Кавказа. Объединенные грузинские войска в этот пери-
од уже сами организовывали походы против Персии, дости-
гая порой далекого Кавказа. Тамар отторгла у Византии не-
которые области Причерноморья, частично населенные гру-
зинскими племенами, и создала Трапезундское царство, имев-
шее грузинскую ориентацию.

Грузинские цари проявляли необычайную терпимость по
отношению к представителям других национальностей. Иначе
их стремление объединить все Закавказье было бы бесплод-
ным, поскольку этот регион был заселен народами самых
разных вероисповеданий и национальностей.

В столице Грузии — Тбилиси наряду с грузинами сво-
бодно жили представители многих наций; рядом с христиан-
ской церковью в Тбилиси функционировали мусульманские
мечети и Еврейские синагоги. По сведению арабского истори-
ка Аль-Фарика, Давид Строитель установил следующие еже-
годные налоги: для грузин — пять динаров, для евреев —

четыре, а для мусульман — три. Давид и своим личным примером утверждал доброжелательное отношение к мусульманам, с уважением относился к мусульманским ученым, поэтам-суфиям и т. д.

Будучи выдающимся поэтом и мыслителем (до нас дошло его блестящее гимнографическое произведение «Канон покаяния»), Давид Строитель проявлял интерес к другим религиям и нередко участвовал в проводимых в ту пору дискуссиях теологического характера. Его сын, царь и поэт Деметре, также часто бывал в мечети и присутствовал при мусульманском богослужении.

В Грузию охотно приезжали путешественники из разных стран, оживились торговые и культурные связи с соседними народами.

Экономическое и политическое могущество способствовало небывалому подъему культуры. Развивались почти все отрасли искусства. Великолепные памятники архитектуры — крепости, церкви и монастыри, которыми усеяна земля Грузии, в большинстве своем были воздвигнуты в этот период. Давид Строитель заложил фундамент большого архитектурного комплекса Гелати — здания академии и монастыря, который грузинские источники называли «Новыми Афинами». Во времена царицы Тамар закончилось строительство знаменитой Вардзии — города, высеченного в скале и свидетельствующего о грандиозных масштабах строительства тех времен.

Высокого уровня развития достигает фресковая живопись, причем и здесь ощущается пульс нового направления. Взамен установившегося стереотипа византийско-христианской живописи с фресок глядят на нас живые лица. Достаточно вспомнить выполненную явно в стиле эпохи Возрождения фреску «Кинцвисский ангел». Новыми высотами овладевает искусство чеканки. Именно в эпоху Тамар жили и творили мастера-чеканщики самого высокого класса Бека и Бешкен Опизари. Везде и во всем ощущалась подготовка нового этапа духовной культуры, неудержимый натиск свободной мысли.

В этот же период отмечается невиданный взлет замечательной светской литературы. Если ранее, в V — X веках, ведущее место занимала духовная литература, то теперь на первый план выступает художественная обработка светских тем и мотивов. Следует отметить, что раньше эти мотивы проявлялись в недрах самой духовной литературы. Теперь же

на смену этим скромным проявлениям некоторых светских мотивов пришла грузинская светская художественная литература, достигшая своего апогея в эпоху Давида Строителя и царицы Тамар. Этому в первую очередь способствовало быстрое политическое и экономическое развитие феодальной Грузии.

Обширные культурные и экономические связи, наполненная новым содержанием полнокровная жизнь сами по себе рождали новые интересы. В светских кругах Грузии, в основном состоявших из рыцарской знати, ощущалось стремление к новым идеалам, которые явно раздвигали установленные догматической религией рамки.

Реформы Давида Строителя окончательно подчинили церковь государству, и всеобъемлющее влияние духовной литературы отступило на задний план по сравнению с литературой светской.

Тема ухода от жизни и подавления человеческих страстей постепенно сменяется темой нового, внутренне раскрепощенного человека. Фактически это было культурное движение широкого диапазона, своей духовной направленностью до некоторой степени перекликающееся с Ренессансом, имевшим место в последующие века в Западной Европе.

Грузинский читатель с большим интересом знакомился с поэзией Востока и древнегреческой литературой в переводе на грузинский язык. Грузинские писатели той эпохи цитировали известные произведения мировой литературы. Один из грузинских историков в своем сочинении «История и восхваление венценосцев» упоминает имена героев нескольких десятков произведений зарубежных авторов.

В расцвете и становлении грузинской светской литературы, разумеется, решающую роль сыграли также богатый национальный фольклор и возрождение традиций грузинской античной литературы, которая, по-видимому, в какой-то степени была подавлена распространением христианской идеологии и литературы.

К сожалению, многое из достояний той эпохи уничтожено лихолетьем последующих времен, однако и сохранившегося достаточно для того, чтобы составить впечатление о невиданно широком размахе литературной жизни того времени. До нас дошли переводы и оригинальные сочинения выдающихся грузинских писателей и ученых Эквтиме и Георгия Атонэли, Арсена Икалтоэли, Иоанэ Петрици... В это время написаны хвалебные оды Шавтели и Чахрухадзе, в которых

подчеркивается особая миссия могущественного грузинского государства. Фантастические подвиги непобедимого витязя описал автор «Амиран-Дареджаниани» — Мосе Хонэли. Грузинский читатель, как уже говорилось, ближе познакомился с византийской и через неё с античной литературой и философией, а также с образцами восточной поэзии. Саргису Тмогвели приписывается великолепный перевод персидского романтического эпоса «Висрамани».

Как раз в это время была написана бессмертная поэма Шота Руставели «Витязь в барсовой шкуре», достойно венчающая эпоху расцвета грузинской культуры.

Однако прежде чем коснуться «Витязя в барсовой шкуре», следует заметить, что к XII веку грузинская поэтическая культура прошла большой и весьма поучительный путь развития.

Вместе с богатыми фольклорными традициями, отголоски которых прослеживаются в исторических летописях самого раннего периода, образцы грузинской поэзии сохранились в виде отдельных фрагментов (например, несколько образцов рифмованных стихов встречаются в древней, датированной 864 годом рукописи, известной под названием «Синайского многоглава»; недавно на стенах Атенского монастыря обнаружены несколько рифмованных строк в надписи IX—X веков).

Однако исключительное место в истории грузинского поэтического мышления занимает духовная поэзия (гимнография), древнейшие образцы которой существуют уже с VIII века. Возникновение гимнографии в Грузии, как и в других странах, было обусловлено литургическими потребностями. Песнопения с самого начала занимают в христианской церкви значительное место и составляют обязательный элемент богослужения, как одна из главнейших форм выражения религиозного чувства. Наряду с переводами гимнографических произведений в VIII веке возникли собственно грузинские гимнографические школы (в Палестине, Южной Грузии, а позднее — на Афонской горе), которые искали самостоятельные пути. Так, например, по сведениям писателя X века Георгия Мерчуле, в Южной Грузии, в частности в Хандзта, уже в VIII веке существовал оригинальный гимнографический сборник; к этому же времени относится и так называемая папирусно-пергаментная минея.

В истории грузинской гимнографии важное место зани-

мает миная, составленная Микелом Модрекили (X в.), в которую наряду с песнопениями иностранных авторов включены и десятки оригинальных песнопений грузинских гимнографов. Сборник снабжен своеобразными нотными и ритмико-пунктуационными знаками, необходимыми для исполнения песнопений. Существовала в Грузии также сильная школа мелодосов (академик Е. Метревели).

Исследователи грузинского стиха до сих пор придерживаются разных точек зрения по вопросу о его ритмической природе. Некоторые считают грузинский стих силлабо-тоническим (профессор А. Гацерелия). В последнее время было высказано мнение относительно того, что грузинский стих является чисто силлабическим, так как в грузинском языке ударение не играет определяющей (релевантной) роли. По этой теории грузинский классический стих опирается на естественные возможности языка и представляет собой «регулярный силлабический стих» (академик Г. Церетели).

Это следует иметь в виду, потому что бывают случаи, когда о стихосложении духовной поэзии и о грузинском классическом стихе говорится в одном контексте. Более того, считается, что гимнографическая поэзия непосредственно предшествовала грузинскому классическому стиху.

Это — ошибочная точка зрения. Грузинский классический стих (независимо от того, рассматривать ли его как силлабо-тонический или как силлабический) в первую очередь генетически связан с грузинской народной поэзией и уходит своими корнями в далекое прошлое. Что касается духовной поэзии, то есть гимнографии, то в отношении ее излишне даже говорить о каких-либо устойчивых стихотворных размерах. Здесь доминирует мелодия; весь текст подчинен ей. В результате гимнографический стих (фактически построенный по модели византийской гимнографии) оказался чуждым природе грузинского стиха и не был способен оказать сколько-нибудь серьезное влияние на грузинское стихосложение. Наоборот, грузинские народные стихотворные размеры в дальнейшем все энергичнее проникали в гимнографию (аналогичным образом, через светский стих, в духовную поэзию проник такой компонент народного стиха, как рифма).

Все это, однако, относится только к стихотворным размерам; что же касается поэтического языка гимнографии, то он оказал плодотворное влияние на грузинскую светскую поэзию, особенно на лирические стихи.

Уже в недрах гимнографии были разработаны стихотворные формы, позволяющие выражать глубокие субъективные чувства и медитации. Религиозное чувство, которое было одним из важнейших в эмоциональном мировосприятии человека того времени, требовало именно лирических форм, придающих поэтической речи особенную гибкость и выразительность. Вот лишь один образец стихотворения грузинского гимнографа, по своему душевному настрою перекликающегося со стихами одного из родоначальников мировой гимнографии Иоанна Дамаскина (VIII в.):

Быстротечна жизнь, она угаснет,
С ней исчезнут и сгниют богатства,
Красота и слава с нею сгинут.
Не спасет гордыня от несчастий:
Прахом станем мы, землей и глиной!

Загляните в глубь могилы, братья:
Где, скажите, зависть и злорадство?
Где вражда, тщеславие, гордыня?
Где людская похоть, муки страсти? —
Прахом стало все, землей и глиной!

Этот гимн привлекает внимание своим простым, прозрачным поэтическим языком, а также точным осмыслением старой, извечной темы никчемности бытия. Вообще гимнографическая поэзия везде, где только она ни возникала, охватывает круг общечеловеческих проблем.

Для нее особенно характерно композиционное совершенство лирического стиха, обусловленное, в первую очередь, основной темой гимнографии — стремлением к божеству, к всевышнему. Поэтому в ней наблюдается отчетливое распределение красок и образов, направленное на выражение единого — высшего.

Разумеется, гимнографическая поэзия не могла не использовать библейскую духовную символику. В этом отношении книги Ветхого и Нового заветов представляют собой неисчерпаемую сокровищницу. Авторы этих книг, как известно, во многих случаях достигают истинных высот художественного мышления.

Знакомство с грузинской гимнографией, например, открывает читателю поразительное многообразие мистических символов, необходимых гимнографам для выражения божест-

венного величия; удивляет мастерство, с которым изображаются символы, например, посредством таких антонимов, как мрак, злоба, туча — с одной стороны, и свет, добро, солнце — с другой.

Как было сказано, достижения гимнографии воспринимаются последующей ступенью развития художественной литературы. Наряду со стройностью композиции новая, светская поэзия унаследовала от нее утонченное, изящное поэтическое повествование.

В силу известного языкового барьера современному читателю, разумеется, трудно в полной мере постичь все тонкости гимнографической поэзии, но главное от него не ускользнет: это — выраженное в творчестве грузинских гимнографов стремление к чистым и светлым идеалам, глубокая скорбь, вызванная нравственным упадком человека, и забота о его возвышении — все то, что перекликается с общечеловеческими, вечными темами.

С исторической точки зрения гимнография, представители которой в своих произведениях возвели поэтическое слово на новую высоту, сыграла определенную роль в развитии грузинской поэзии последующих веков.

На главной магистрали поэтической культуры грузинского народа возвышается грандиозная фигура Шота Руставели.

В мировой литературе немного найдется книг, завоевавших такую любовь своего народа, как «Витязь в барсовой шкуре» («Вепхисткаосани»). «Как Гомер есть Эллада, Данте — Италия, Шекспир — Англия, Кальдерон и Сервантес — Испания, Руставели есть Грузия». Эти слова, принадлежащие известному русскому поэту, переводчику «Витязя в барсовой шкуре» на русский язык Константину Бальмонту, хорошо определяют значение Руставели в истории грузинской поэтической культуры.

Автор «Витязя в барсовой шкуре», олицетворявший стремления грузинского народа в самую славную для него эпоху, посвятил бессмертный гимн благороднейшим человеческим чувствам любви и дружбы; в истории средневековой поэзии он одним из первых утвердил новый идеал совершенного и свободного человека.

Мудрость и поэзия безраздельно господствуют в поэме Руставели. Идеальных героев «Витязя в барсовой шкуре» возвышает дух Ренессанса. Борьба и оптимизм, смелое прео-

доление препятствий, чинимых самой жизнью, — краеугольный камень мироощущения героев Руставели, и в этом залог бессмертия его поэмы.

Величайшая заслуга поэта перед грузинской культурой состоит в том, что он не только выразил передовые идеалы своего времени, но и открыл грузинской художественной мысли, поэзии и философии новые просторы. Шота Руставели — основоположник нового грузинского литературного языка, и в его поэме, словно прозрачная родниковая вода, переливается и сверкает грузинский язык, а грузинский стих достигает невиданных до той поры высот.

Автор «Вепхисткаосани» — великий певец жизни, земного человеческого счастья. Человек рожден для борьбы и побед, завоеванных в результате этой борьбы. Ему помогает господь, так как «бог не рождает зла» и всегда способствует победе добра. Человек имеет полное право наслаждаться красотой многокрасочного мира, и какие бы тяжкие мучения ни ожидали его на жизненном пути, какие бы трудности ни посылала ему судьба, он выдержит все, если верит в победу, если он тверд духом, если у него есть хорошие, верные друзья, готовые прийти к нему на помощь в трудную минуту, пойти на любые жертвы ради друга, попавшего в беду, и, наконец, если сердце его согрето огнем чистой земной любви и страсти. Человек пришел в этот мир, чтобы любить и познать цену этой любви, чтобы пройти через все страдания и насладиться счастьем, добытым в борьбе.

Безграничная вера в человека — вот основной пафос «Вепхисткаосани», и именно в этом аспекте следует рассматривать Шота Руставели как величайшего гуманиста средневековья.

По своему убеждению он был христианином, но вышел из рамок христианской религии и христианской теологии, что и позволило ему достичь таких высот поэзии. В освобождении Руставели от религиозной ограниченности большую роль сыграла грузинская действительность XII века с ее новыми, светскими идеалами, возникшими в результате определенного притеснения христианства. Следует подчеркнуть, однако, что решающее значение при этом имела художественная интуиция самого поэта, который достиг новых высот не только путем рефлексии и логического мышления, но и благодаря своей гениальной поэтической интуиции.

В этом смысле Руставели можно считать предтечей ве-

14.03.59 21
312-111033

дикого движения, возникшего в последующие столетия и называемого европейским гуманизмом.

Разумеется, неправильно было бы говорить о полной аналогии с европейским Ренессансом, но вместе с тем, несмотря на различную социально-историческую почву, в идеологии европейского Ренессанса и «Вепхисткаосани» с типологической точки зрения явно замечаются определённые совпадения. В частности, в возрождении античной культуры, в освоении достижений христианской идеологии культурное движение западноевропейского и грузинского Ренессанса характеризуется многими общими чертами, точный анализ происхождения которых — пока еще дело будущего.

Совершенно справедливо говорил известный французский поэт и мыслитель Луи Арагон: «Поэма «Витязь в барсовой шкуре» — самое замечательное творение средневековья. В отличие от великих поэм Западной Европы той же эпохи, она свободна от всякого рода мистики и, подобно творениям эпохи Возрождения, стоит выше христианского учения... Грузия породила своего Данте, когда мы (имеется в виду французская литература. — С. Ц.) едва достигли уровня Кретьена де Труа (1130—1191)».

Поэма Руставели начинается восхвалением царицы Тамар («Восхвалим царицу Тамар, проливая кровавые слезы»). С этими двумя именами, неразлучными в сознании грузинского народа, связана целая эпоха расцвета Грузии, по справедливости именуемая «золотым веком» грузинской культуры.

В эпоху Руставели и Тамар Грузия была самым могущественным христианским государством Передней Азии, игравшим важную роль в политической жизни всего региона. В стране процветают все сферы культуры; новые вершины покоряет литература. Возрождаются крупные города — будущая основа центральной власти. Постепенно готовится почва для перегруппировки социальных сил, в которой важное место предстояло занять дальнейшему развитию торгового капитала. Конечно, это был далеко не безболезненный процесс, но внутренняя логика социального развития уже начала требовать радикальных изменений.

Однако не было ни одного народа, исторический путь которого, как говорится, был бы всегда усыпан цветами; в жизни любого народа наступает политический или социальный кризис.

Именно в это время на мировой арене выступает новая, доселе совершенно неизвестная сила, которая радикально изменила историческую жизнь многих стран, стоявших в ту пору на высокой ступени цивилизации, нанесла невосполнимый ущерб народам Закавказья, и в первую очередь — Грузии. Мы имеем в виду нашествие монгольских орд, продолжавшееся несколько веков. Нет ничего трагичнее — и это почти универсальный закон — чем когда поработитель по уровню своего культурного развития стоит гораздо ниже поработенного. Нам неизвестен почти ни один значительный культурный факт той эпохи.

Страна еще не была освобождена от монгольского ига, как начались нашествия персов-кизылбашей и многочисленных тюркских завоевателей, которые угрожали Грузии окончательным уничтожением. Слово какой-то неотвратимый рок подталкивал страну к неминуемой катастрофе.

В борьбе за существование прошли века. Бывали моменты, когда даже самих власть имущих охватывал страх перед этой угрозой. И все же грузинский народ смог найти в себе силы и вывести страну из социально-политического и культурного тупика.

В авангарде этой борьбы всегда стояли лучшие представители грузинской культуры и литературы, и пафос этой борьбы прекрасно передан в строках Галактиона Табидзе: «Поэт был не только поэтом, поэт был и воином, всадником». Идея борьбы за физическое и нравственное сохранение нации стала основным содержанием грузинской литературы.

В это тяжелое время (XIV — XVII вв.) достичь высот классической литературы было непросто. Оживление грузинской поэзии приходится на XVI век, и в этом особую роль сыграло возрождение традиций грузинской классической литературы, в первую очередь — интерес к поэзии Руставели. Вот почему эту эпоху историки грузинской литературы называют эпохой «Возрождения». Следует отметить также интерес к восточной, в частности к персидской, поэзии. Достаточно вспомнить, что наряду с другими выдающимися памятниками именно в этот период на грузинский язык были заново переведены «Шах-Намэ» Фирдоуси, поэмы Низами...

Важное место занимают также поэтические произведения лирического жанра. В этом отношении особенно типично творчество поэта XVII века Теймураза I, для которого характерны как соблюдение национальных традиций, так и глубокий интерес к персидской поэзии. При этом следует подчерк-

нуть, что как политический деятель Теймураз I был одним из активных противников иранской агрессии. Его перу принадлежит поэма «Мученица Кетеван», посвященная матери поэта, которая приняла мученическую смерть за родину и христианство. Казнена она была по приказу иранского шаха Аббаса I. Мученическая смерть царицы Кетеван получила отражение и в западноевропейской литературе. Например, на эту тему была создана трагедия немецкого поэта Андреаса Гриффуса (1616—1664).

Государственный деятель и поэт последующей эпохи царь Арчил целиком исходил из национальной концепции и был непримиримым пуристом. В его произведениях ярко выражены антиперсидские тенденции и борьба за сохранение чистоты языка.

Следует отметить, что впоследствии Арчил вместе с другими грузинскими поэтами (Иосэбом Тбилели, Давидом Гурамишвили и др.) развил жанр исторической поэмы («Спор Теймураза и Руставели»). Наряду с чисто национальной проблематикой он неоднократно касался и социальных вопросов. Именно ему принадлежит несколько неожиданная для средневековья фраза: «Коль погибнет крестьянин, обессилеет Грузия». Новаторской была и его позиция в вопросе идейного содержания художественной литературы; он горячо проповедовал реалистический принцип «правдивого повествования».

Наряду с поисками путей политического спасения Грузии культурная деятельность писателя в те времена носила по существу просветительский характер. В этом отношении характерна деятельность поэта, баснописца и лексикографа Сулхана-Саба Орбелиани, который обогатил грузинскую лирическую поэзию некоторыми новыми формами; его книга дидактического характера «Мудрость вымысла» является шедевром басенного жанра. В течение ряда лет он работал над составлением толкового словаря грузинского языка, который завершил в 1713 году.

Велики заслуги воспитанника, а впоследствии и соратника Сулхана-Саба Орбелиани, лирического поэта и ученого Вахтанга VI (1675—1737). Его стараниями в Тбилиси была основана первая во всей Передней Азии типография. Одной из первых книг, напечатанных там в 1712 году, явилась поэма «Витязь в барсовой шкуре», снабженная его научными комментариями и толкованиями.

Следует отметить также, что Вахтанг VI продолжил начатое его предками дело спасения Грузии от агрессии с Восто-

ка. После бесплодных попыток установить политические контакты со странами Западной Европы (с Францией, Римом и др.) он предпринял энергичные шаги с целью сближения с единоверной Россией, чтобы таким путем вывести свою страну из политического тупика. Правильность политической ориентации Вахтанга VI, обусловленной тяжелыми историческими условиями Грузии, была подтверждена последующим развитием исторических событий (избранному им курсу последовал в Ираклий II, деятельность которого была отмечена заключением в 1783 году дружественного русско-грузинского трактата).

Из грузинских поэтов того времени следует назвать самого значительного после Руставели — Давида Гурамишвили (1705—1792). Судьба его сложилась трагически: большую часть жизни ему пришлось жить в России и на Украине, где он и обрел свое последнее пристанище. Наряду с собственной биографией Гурамишвили в поэтической форме описал историю своей родины, ставшей добычей врагов. Из поэтов того периода никому не удалось выразить национально-исторические судьбы грузинского народа с такой силой, как Гурамишвили. Его известная книга стихов «Давитиани» была результатом драматического воплощения и осмысления этой священной темы.

В лирических стихах Гурамишвили поставлены глубокие философские и общечеловеческие проблемы: человек, его земная судьба, вечный круговорот жизни и смерти и т. д. В его произведениях по-новому представлены и осмыслены духовные мотивы древнегрузинской гимнографии, в которых оригинально сливаются реальный и мистический пласты. Прибегая к приему сублимации реальных фактов, он стремится в конкретном отразить непреходящие ценности мира.

Гурамишвили одним из первых среди грузинских поэтов отказался от цветистого, вычурного стиля, исчерпавшего себя уже в эпоху так называемого «Возрождения» (XVI — XVII вв.), и ввел в поэтический обиход простую, естественную речь, принципиально противопоставив себя восточной традиции. Просветительское направление его творчества проявляется не только в стихах дидактического характера, которые по сей день пользуются большой любовью в Грузии, но и в том, что в разработке вышеназванной духовной тематики он прибегает к простому, разговорному языку, делая стихи, созданные на сложные философские темы, доступными для широкого круга читателей.

Нередко используя народный (как грузинский, так и рус-

ский, украинский, польский) песенный и фольклорный ^{лад} он способствовал обогащению грузинской поэтики.

Новизной формы и содержания «Давитиани» стоит у истоков так называемого «европеизма» в грузинской поэзии. В этом отношении Гурамишвили является одним из основоположников новой грузинской поэзии XIX века.

Среди множества других поэтов той же эпохи многократностью переживаний и редким артистизмом стиля выделяется Бесики — Бесарион Габашвили (1750—1794). Тогда же жил и творил при дворе царя Ираклия II известный ашуг Саят-Нова, одинаково хорошо владевший грузинским, армянским и азербайджанским языками. Свои прекрасные, искренние стихи он слагал на трех языках, и большинство их до наших дней сохранилось в устной традиции трех народов.

Соединение с единовёрным русским народом позволило Грузии приобщиться ко всему новому и передовому, что только было в России и Западной Европе того времени. Именно с этого периода на грузинский язык переводятся лучшие образцы мировой литературы нового времени, в частности русской и западноевропейской. Грузинский народ постепенно возвращался в орбиту той культуры, связь с которой прервалась несколько веков назад.

Главным достижением Грузии в результате присоединения к России было обретение мира; это помогло залечить раны, нанесенные веками вооруженной борьбы; начала расти численность населения.

С первой половины XIX века наблюдается общий подъем культуры, литературы, и в частности — поэзии. Наряду с акцентированием национальной проблематики ощущается усиление культурных контактов с Россией и передовыми странами Западной Европы.

На поэтической арене появляется замечательная плеяда грузинских романтиков, среди которых особенно выделяются Александр Чавчавадзе (1786—1846), Григол Орбелиани (1804—1883) и Николоз Бараташвили (1817—1845). Поэзия Александра Чавчавадзе отмечена чертами перехода от древней грузинской поэзии к новому, романтическому направлению. Заметно в ней также некоторое влияние русского классицизма и сентиментализма. Наряду с национальной проблематикой, в которой основным мотивом является тоска, вызванная утратой независимости, в творчестве А. Чавчавадзе проявляется интерес к вопросам социального характера.

Григол Орбелиани и Николоз Бараташвили в своем творчестве были типичными романтиками. Григол Орбелиани участник заговора 1832 года, после отбытия наказания с ловококружительной быстротой продвигается по службе, достигает высшего чина генерала и некоторое время выполнял обязанности наместника императора на Кавказе. Всё это придавало особую остроту его интимной лирике и стихам патристического содержания. Наряду с традиционными для романтизма мотивами лучшие его стихи и поэма «Заздравный тост» отмечены идеализацией прошлого и характерной для грузинского романтизма глубокой болью, вызванной потерей национальной независимости.

Грузинский романтизм достиг своего апогея в творчестве Николоза Бараташвили. Фактически его творчеством завершился окончательный возврат к «европеизму» грузинской поэтической культуры. В его поэзии проявились почти все признаки романтизма, начиная с творческого освоения христианской культуры средних веков и кончая напряженными идеями, проходящими под знаком борьбы за свободу личности.

Следует отметить, что наряду с новым осмыслением национальной проблематики для творчества Н. Бараташвили характерна постановка общечеловеческих нравственно-этических вопросов. Лучшие его стихи, вдохновленные идеями долга человека и его борьбы с превратностями судьбы, являются типичными образцами философской лирики. Стихотворение «Мерани» — один из величайших шедевров вообще всей грузинской поэзии. Своими трагическими и вместе с тем оптимистическими мотивами «Мерани» перекликается с шедеврами мировой романтической поэзии, в том числе — со многими стихами Джорджа Гордона Байрона и с «Фарисом» Адама Милкевича. Николоза Бараташвили по праву можно считать одним из лучших представителей мировой романтической поэзии.

Окончательный выход грузинской поэзии на новые рубежи с середины XIX века связан с деятельностью нового поколения, многие представители которого получили высшее образование в культурных центрах России и Западной Европы. Качественный подъем поэтической культуры прежде всего связан с именами таких великих ее представителей, как Илья Чавчавадзе (1837—1907) и Акакий Церетели (1840—1911).

Можно сказать, что перед Ильей Чавчавадзе и его соратниками стояла, на первый взгляд, неразрешимая задача. Целенаправленная колониальная политика царизма привела к

му, что огромная творческая потенция грузинского народа, перенесшего грандиозные исторические потрясения и едва спасшегося от угрозы физической гибели, находилась в то время в дремлющем состоянии. В условиях притупленного национального чувства, казалось, не было никаких перспектив на лучшее будущее. Атмосфера подражательства и провинциализма вела грузинский народ к духовному и нравственному вырождению.

Требовались величайшая самоотверженность и колоссальное напряжение сил для того, чтобы он сумел преодолеть этот новый рубеж своей исторической жизни.

Такое чудо действительно свершилось, и его вдохновителями стали выдающиеся поэты и общественные деятели Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, а также все поколение их соратников.

Нужно отметить и то, что в этой борьбе они считали своими союзниками передовую общественность России и всего тогдашнего мира.

Творчество Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели и других представителей грузинского поэтического слова в то время было направлено на новое разрешение национальных и социальных вопросов.

С их именами связаны прежде всего упрочение реализма, демократизация формы и содержания литературы. Согласно их концепции, поэзия должна служить народу, в частности грузинскому; на художественное слово возлагалась большая роль в борьбе за его национальное и социальное освобождение. Несмотря на такие чисто социальные задачи, их поэзия никогда не теряла силы художественного воздействия. Грузинское поэтическое слово стало основной силой, стимулирующей повышение художественного вкуса и развитие национального самосознания, грузинская литература вновь обрела прежнее значение и в борьбе за прогресс взяла на себя функцию предводителя народа. Прямым подтверждением этого служит программное стихотворение Ильи Чавчавадзе «Поэт».

Таковыми же идеями проникнуты лучшие лирические шедевры Акакия Церетели, призывавшего своим поэтическим словом народ к возрождению.

XIX век обогатил историю грузинского поэтического слова многими славными именами, но среди них особо выделяется Важа Пшавела.

Он был возвращен на идеях национально-освободительной борьбы, начатой Ильей Чавчавадзе и его соратниками. Пафо-

сом борьбы за национальное освобождение проникнуты лучшие образцы его многокрасочного эпоса и лирики. Поэзия Важа уникальна и по форме, и по содержанию. Она, как бы непосредственно вырастает из грузинских мифов и фольклора, которые почти в первозданном виде сохранились в горных районах Грузии. В творчестве Важа Пшавела причудливо переплетаются современность и прошлое. Глубина видения и языческая способность восприятия вселенной в целом так же естественны для него, как и мироощущение, пронизанное сомнением и болью, вызванной раздумьями о судьбах своего народа.

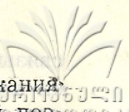
Он был глубоко национальным поэтом. Любовь к родной земле, к ее народу пронизывает все его творчество.

Гуманизм Важа Пшавела носит общечеловеческий характер. Всякая национальная ограниченность так же чужда ему, как героям его произведений — ложная, показная нравственность. С этой точки зрения в его творчестве общечеловеческое вытекает из национального.

Из глубин времени встают в его произведениях непоколебимые, как скала, несущие печать бессмертия образы героев, чтобы еще раз дать нам почувствовать силу и вековечность великих человеческих страстей. С небывалой силой проявилась в них духовная энергия грузинского народа, утверждающая непоколебимую веру в собственные возможности в национальных масштабах.

Новая веха грузинской поэтической культуры связана с революционными преобразованиями, происшедшими в результате Великой Октябрьской революции 1917 года. В Грузии это движение завершилось созданием Грузинской Советской Социалистической Республики 25 февраля 1921 года. Формально история грузинской советской литературы начинается с этого времени. Разумеется, почва для нее возникла гораздо раньше, еще в первые десятилетия XX века, когда параллельно с острой социальной и идеологической борьбой велись напряженные творческие искания. Фактически именно они подготавливали грузинскую литературу к великим преобразованиям, неизбежность которых определялась всей логикой социального и национального развития страны.

Начиная с 10-х годов наряду с силами, боровшимися за дальнейшую демократизацию грузинского поэтического слова и связывавшими свою позицию с традициями грузинской классической поэзии, выступают и другие группировки, требующие радикальной перестройки грузинского художественного

слова. Их творчество отмечено формалистическим исканием и декадентскими настроениями. В истории грузинской поэзии этот период знаменателен ещё и тем, что почти все новые направления мировой литературы того времени (имеется в виду конец XIX и начало XX вв.) так или иначе нашли в нем отражение. Наряду с парнасцами здесь часто представлены импрессионисты; образы символистской поэтики сменяются поэтическими формулами ультралевых направлений (футуризм, дадаизм) и вообще вытекающими из различных «измов» влияниями.

В результате грузинское поэтическое слово вновь оказалось на распутье. Дело в том, что грузинская литература XIX века, имеющая ясно обозначенные цели и формы выражения, по существу истощила свои возможности, иссякла и только по инерции продолжала пульсировать. Инерция же — удобная «движущая» сила для любого псевдокультурного движения. В этом состоит один из универсальных канонов эпигонства, и в данном случае он позволяет дать точное определение грузинской поэзии 10-х годов.

Классическая поэзия с ее национальным и социальным накалом страстей в руках запоздалых последователей превращается в бездарное стихоплетство, гёрметически замыкается в рамках провинциализма.

Вот почему так безмерны заслуги, с одной стороны, величайшего грузинского поэта XX века Галактиона Табидзе, а с другой — представителей школы грузинского модернизма (в первую очередь — группы символистского направления «Голубые роги»).

В борьбе с засилием эпигонства и провинциализма они широко использовали опыт современной мировой поэзии как один из важнейших факторов обновления грузинского стиха.

Все это поразительно расширило их кругозор и открыло новые возможности для художественной разработки действительности, для проникновения в глубочайшие пласты человеческого духа. Грузинский стих обогатился емкими, многокрасочными поэтическими средствами. Импрессионистская живопись, характерная для символизма заинтересованность иррациональным миром намечали новые перспективы на пути последующего развития грузинского стиха. Дальнейшая поэтическая практика Галактиона Табидзе и некоторых представителей группы «Голубые роги» подтверждает это со всей неопровержимостью.

Решающую роль сыграло и то, что они не порвали уз,

связывающих их с родными корнями, с великими традициями классической грузинской поэзии, и, таким образом, не утратили своего национального характера, как и реалистического восприятия мира. В противном случае все их искания были бы ограничены рамками «моды». Вот почему и тема родины так органично вливалась в их лучшие поэтические творения.

Живым примером верности своему главному ориентиру на пути направленных поисков можно считать творчество самого Галактиона Табидзе. Действительно, его поэтическая победа была неизбежной. Дело даже не в том, что он, как и подобает истинному таланту, сумел овладеть важнейшими достижениями символизма и других литературных направлений того времени, сделав их одним из составных элементов своего собственного поэтического метода, а прежде всего — именно в том, что он ни на минуту не отрывался от родной почвы, интуитивно ощущал животворную силу национальной поэтической традиции. Все это помогло ему глубоко познать жизнь своего народа и, сделав ее поистине неиссякаемым источником собственных страданий и счастья, стать таким образом величайшим певцом новой Грузии.

Грузинский стих, обновленный Галактионом, его современниками и поэтами последующих поколений, смело вышел на широкую дорогу, показав свою полную готовность достойно отображать новые свершения в жизни грузинского народа.

Современная грузинская поэзия, наследница богатых традиций поэтического слова, продолжает вносить свой вклад в сокровищницу мировой поэзии.

Перевел Сергей СЕРЕБРЯКОВ

საქართველოს
ლიტერატურის

В фантазии рождаются порою
Немые сны.
Они горят меж солнцем и
Тобою

В лучах весны.
О, если б мне владеть
их голосами!

Они б могли
И наяву восстать перед
сынами

Моей земли!
Но звук один — они свое
значение

Утратят вмиг.
И зазвучит в земном
воображеньи
Земной язык.

А. Блок.

«...Проза не должна быть однородной, односторонней, истинная проза — бездонная глубь, неисчерпаемые и неимоверно сложные недра с таинственными канонами, пронизанные скрытым ритмом, а слово «прозаический» в обычном его употреблении мне непонятно».

Гурам Дочанашвили.

[Из ответов на вопросы
газеты «Литература и
Сакартвело»]

РОМАН Гурама Дочанашвили «Одарю тебя трижды» (М., Советский писатель, 1984—грузинское название «Одеяние первое») — это произведение о Художнике, о Творчестве, о Слове... Если еще точнее — это книга о боязни Слово не создать, не услышать — о страхе творческой немоты.

Понятие творческой немоты для Дочанашвили многозначно: это и страх неподлинного слова, и опасение не произнести свое слово, и боязнь произнести чужое. Впрочем, это, пожалуй, можно отнести и ко всему, что им написано. Он и

Наталья ПОЛТАВЦЕВА

СЛОВО И КАМЕНЬ

О ПРОЗЕ
ГУРАМА
ДОЧАНАШВИЛИ

сам признавался: «...все то небольшое, что я написал, единое целое, потому что, сочиняя рассказы, я все время думал о романе, рассказам предстояло заполнить бреши, расселины, то и дело возникавшие в романе».

Роман воздвигался, как скальный храм, — долго и многотрудно, на протяжении почти двух десятилетий. Обратите внимание, как сам автор говорит о нем, — это терминология каменотеса, строителя, зодчего, а не поэта. Здесь видится тяга к преодолению грубой и весомой тяжести мира, развоплощению и преображению его в Слове. Гураму Дочанашвили должна быть близка тема зодчества культуры из мандельштамовского сборника «Камень»: «...из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам!» Пожалуй, еще ближе ему идея Марселя Пруста: «...я построил бы мою книгу, не осмеливаясь говорить амбициозно — как собор, но совершенно просто, как шьют платье». Здесь внутренне присутствуют обе главные для писателей темы — храма и одеяния, хотя и с различной смысловой интенцией. Длительность построения сказалась кое-где в нарочитости архитектоники, в грубых швах соединений, в резкой черте замеса-раствора... И все же это единое здание, схваченное жестким каркасом идеи: путь жизни как путь к себе, как своеобразная инициация, построение собственной личности.

Русский читатель привык за последнее время искать в грузинском романе «начало всечеловеческое». Как писал Лев Аннинский, «Цотне» Григола Абашидзе, «Шел по дороге человек» Отара Чиладзе, «Дата Туташхиа» Чабуа Амирэджиби — «вот взлет грузинской прозы семидесятых годов: исторический опыт, всечеловеческий миф, преломленный в грузинской теме ...познания под знаком вечности».

Процессы, идущие в грузинской романистике, не могли не коснуться и Дочанашвили: поиск «всечеловечности» вылился в форму романа, где в условных ситуациях действовали безусловно узнаваемые по точности психологических характеристик персонажи, разыгрывающие на подмостках вселенской сцены вечную драму добра и зла. Не хочется здесь говорить ни о «притчеобразности», ни о «параболичности» повествования — ибо дело не в этом. Форма рождалась не из подражания, не из следования модным литературным образцам, а из содержательности поставленной художественной задачи. Предвосхищая упреки, об этом сказал сам Дочанашвили: «Не знаю, действительно не знаю, к какому жанру относится мой роман. Скажу лишь — единственное, что я признаю,

— это реализм. Но для определения литературного произведения мне кажутся более подходящими слова «возвышенный и убедительный», или «фальшивый, приниженный». Здесь сказалась глубинная приверженность его к подлинным ценностям, заданным родным языком и родной культурой.

Писатель резко восстал против лежащих на поверхности сопоставлений с латиноамериканской прозой семидесятых годов, видя свои литературные прайстоки не в романе «Сто лет одиночества» Маркеса, а в гораздо более отдаленных по времени опытах Джойса и Фолкнера.

Задумаемся над этим автокомментарием. Азы психологии творчества гласят: ответы на вопросы надо искать не в размышлениях писателей над своими книгами, а в самих книгах. Однако сопоставление намерения и его реализации дает плодотворный импульс для мысли исследователя. «Эпифании» джойсовской прозы, призванные прояснить глубинную связь индивидуальной жизни личности с жизнью человечества в своих «архетипных образцах», и художественный мир Фолкнера, его поэтическая вотчина, знаменитая Йокнапатофа, где жизнь протекает по двойным законам: суровым законам действительности и не менее суровому диктату автора, творящего, как бог, судьбы своих героев, — что привлекало в этих образцах Дочанашвили? И почему критика, о которой раздраженно упоминает писатель, настойчиво искала сопоставлений с латиноамериканским романом?

Ответ на первый вопрос представляется нам следующим: Дочанашвили равно дороги две идеи — «портрет художника в молодости» и многообразная, страстная, жестокая, живая жизнь людей, объединенных единым местом обитания. А что касается настойчивых ассоциаций критики с латиноамериканской прозой, то они не случайны.

Литература — не школа, где учат писать «по прописям»: «как Толстой», «как Чехов», «как Фолкнер». Существование литературных типологий обусловлено гораздо более сложными и опосредованными законами развития «всемирной» (Гете) литературы. И внутренняя логика этой литературы привела в последней трети двадцатого века к удивительному взлету «магического реализма» тех национальных литератур, которые в девятнадцатом столетии, да и в начале двадцатого ходили не в учителях, а в учениках. В семидесятые годы нашего века ситуация изменилась. Непосредственность национального фольклорного сознания, обогащенная традицией глубинного философского и психологического мышления класси-

ческой европейской прозы, дала уникальный сплав: возможность говорить о самых сложных и всеобщих проблемах бытия в форме фольклорного предания — назовем этим наиболее общим понятием все многообразие явлений, таких как «миф», «притча», «сказка», «легенда» и т. д. Грузинская проза не была здесь исключением. И возмущение Дочанашвили отчасти несправедливо: да, в его романе нет прописей «по Маркесу», но причины появления такого типа романа в грузинской прозе те же, что и в латиноамериканской.

Художественный мир рассказов был кругл и пластичен. Вновь согласимся с Аннинским, утверждавшим, что грузинский роман обращен к небу, а рассказы — к земле. Гурам Дочанашвили, казалось, и здесь находился в русле общего движения. Во всяком случае, если судить по двум его сборникам, переведенным на русский язык и изданным «Советским писателем» в 1976 году, а издательством «Мерани» — в 1983. Но — странное дело! — от прозаической почвы, по которой уверенно ступали Багаул и учитель Котэ, вела неприметная, но прямая тропа к «своей» Йокнапатофе — городку Аралети, расположенному уже поближе к небесам («Аралети, Аралети...» 1971—1972). «У каждого из нас есть свой город, — скажет позже в романе Дочанашвили. — ...Мой Аралети... Мой город среди гор, лавиной осевший на склонах между ними, в извилах, стоял себе, не мешал никому...» Нет, мешал! Такой Аралети, милый, обаятельно-уютный, сонный, сытый, живущий по ритуалу, по от века установленному распорядку, овеянный романтическим дымом родных очагов, мешал автору. Потому что подобная жизнь не предполагала ни сильных движений души, ни истинных страстей, ни обращенности к другому. Это была жизнь неочеловеченная, жизнь «без человека», как и определил ее повествователь. Эдакий образ «вертограда земного», где вместо змия-искусителя появляется наконец человек, задающий вопросы, — образ этот разрушала ироническая нотка повествования. Псевдоэпическая интонация в описаниях застолий, свадеб и скандалов сменялась горечью открытого лиризма, мелодией блоковской «ненавидящей любви», когда речь заходила о «самом главном» — о родном доме, о «земле обетованной».

Грузинские писатели приобщали нас в последние годы к этой теме по-разному. Вспомним горячие споры о судьбах Грузии в романе Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа», где герои собственными судьбами доказывали правоту тезисов о наступательности или обороне. Вспомним истинно театраль-

ный прыжок героя-премьера «в яму» — в глубины национального «коллективного бессознательного» — в романе «Железный театр» Отара Чиладзе, где подмостки истории очень многим служили местом для жестоких игр.

У Дочанашвили в этом небольшом рассказе тоже есть тема театра, связанная с историей, но она решена в ином плане. Быт, переползающий из зала на сцену даже на представлении наиромантичнеешего «Коварства и любви», милый искус сытостью и домашним уютом, съедающий не только искусство, — подменяющий жизнь — игрой, а игру — жизнью, вызывал активное противление автора. Почему? Да потому, что в этом случае, как писал Дочанашвили, «время, сами понимаете, шло», а история стояла на месте. Люди жили в предыстории, были не самими собой, а исполняли роли: тамады, урядника, любовника, тенора, пьянчужки, драчуна... В общем, как говаривал пришелец Бучута, «...займитесь сначала собой, аралетцы», а потом уже судите дурное человечество. К этому же настоятельно призывали и три любимца автора — три брата Кежерадзе в блистательном цикле рассказов об этих чудаковатых и требовательных в своей любви к подлинным ценностям людях.

«Господи, благополучно води их всех троих по трудным, извиристо-путаным дорогам Грузии», — такой взволнованно-патетической фразой завершался внешне ироничный рассказ «Любовь, которую надо таить, или Третий брат Кежерадзе», в котором «грузинская тема» буквально взрывалась, как петарда. И свет ее озарял иной художественный мир — неуютный, жесткий, угловатый, ригорически обнаженный, иногда даже страшный... Это был мир романа.

Несколько слов о фабуле. Да, это совершенно необходимо — прежде чем войти под своды этого мира, углубиться в лабиринты сложных ходов художественного мышления, заглянуть в подвалы подтекста, увидеть арки философской проблематики. Фабула — то, что держит «на себе» роман, задает тон, его архитектурная опора, «флейта-позвоночник», если хотите.

Итак, Доменико, младший и любимый сын предводителя Высокого селения, наслушавшись завораживающих воспоминание рассказов Беглеца о большом и странном мире, который существует за пределами его родного дома, вынуждает Отца продать драгоценные камни, покрывающие таинственное Одеяние — амулет Высокого селения, и со своей долей наследства уезжает в беззаботный и разгульный Краса-город. Там он впервые познает страсть — к Терезе и любовь —

к Анне, влюбленной лишь в свою скрипку и музыку. Там впервые его душа ощущает смутное томление по иным, более высоким порывам духа. Это — романтическое томление духа, предвкушение Зова. Он переживает ощущение предтворчества, связанное с чувством недоовожденности своей жизни. Однако комок земного праха, «персти земной», из которой в минуты страсти будущий художник пытается изваять фигуру женщины — источник своего вдохновения — ей выпадает из его рук. Слишком мал пока его земной опыт, слишком по-детски наивна душа, слишком удачливо-монотонна жизнь. И вдруг — резкое выпадение из этой жизни. Смерть Анны, убитой из-за угла ножом сумасшедшего Уго, взрывает монотонность существования, заставляет пережить глубочайшее потрясение, осознать конечность и хрупкость всего, что человек любит, увидеть незащищенность другого, незащищенность самой любви. Но — как ни жестоки подобные слова — именно это страшное событие заставляет Доменико продолжить «странствие души», продолжить «хождение по мукам». Боль становится средством лечения, придает его чувства особую чистоту и одухотворенность. И тогда, страдая от чувства вины и утраты, он устремляется, как думает, навстречу своей смерти в страшный город Камору — цитадель насилия, лицемерия и подлости. Это — царство жестокости и коварства, возглавляемое маршалом Бетанкурром. Доменико становится живой игрушкой маршала — человеком-вещью, присутствию которого не стесняются, и это дает повествователю необыкновенные возможности — показать изнутри, в самых экстремальных проявлениях и парадоксальных ситуациях изнанку человеческой природы.

Что же, человек неисправимо плох? Нет, не для этого доверена автором Доменико роль «невольного соглядатая». Среди мрака и ужаса Каморы, как и среди бездумности Крауса-города, как и среди «природного существования» Высокого селения, находятся те, кто слышит в своем сердце Зов. Это Беглец, Алессандро, доктор Петэ, брат Алессандро — все те, кто нашел в себе силы противостоять животности, бездумности, страху, насилию, — и тем самым открыто и смело пойти навстречу своему подлинно человеческому предназначению. И когда на улицах Каморы, где подстерегают из-за угла убийцы и раздается унылый крик ночного сторожа «Уже три часа ночи — и все гения-а-ально...», появляется идущий к болотам — несмотря ни на что — доктор Петэ, это воспринимается как своеобразное провозвестие духа свободы, который

будет отмечен город Канудос. Его создадут восставшие против Каморы вольные пастухи-вакейрос.

Они уйдут туда вслед за Великим Конселейро, духовным пастырем, бывшим пастухом Мануэлем. Мануэль объяснит всем в своей притче о Молохе, съевшем душу Иоанна, выпившем его силу и за счет этого ставшем всесильным идолом, механизм порождения насилия и угнетения — обратную сторону рабской покорности. (Нельзя не согласиться с критиком А. Латыниной, справедливо увидевшей в этой притче философское зерно романа). «Бетанкуры рождены самими вами — они зиждятся на вашем страхе, на вашей слабости, на вашем нежелании свободы!» — эта мысль Конселейро пробудит в людях чувство внутреннего самостояния, заставит их бросить вызов миру Каморы, принять неравный бой и погибнуть — но погибнуть свободными.

Страницы о борьбе Канудоса и Каморы — лучшие в романе. Свободная земля свободных людей, белый город на вольной реке, выстроенный и в сердце Доменико, не уничтожается после поражения вакейрос. Идея Канудоса жива — с ней возвращается домой преобразенный всем происшедшим Доменико, получивший теперь имя Беглеца.

Завершающая часть романа не случайно названа «Подъем». Здесь достаточно прозрачно развивается ситуация возвращения Блудного сына. Заканчивается одиночество Доменико — сына господина, сына господня — его вбирает в себя народ, входящий, как подлинный господин, в свое родное селение. И вместо упитанного тельца Беглецу-Доменико приносят Сокровенное одеяние — самое драгоценное, что есть у народа, достаемое, как и покрывало Рахили, не старшему, а любимому. Право дают не власть и сила, а духовное избранничество. Доменико наделяют правом Слова, обращенного к потомкам, ему дарят родную Речь. Брошенное самим Доменико в ритуальный костер, чтобы вознестись в искрах пламени в небо, к будущему, Одеяние вспыхивает. В жертвенном огне горит жизнь художника, освещаются яркими сполохами прожитые сцены жизни... Вот и Краса-город... А вот и Камора... Канудос...

Идея романа проста и огромна: художник, дабы стать собой, должен познать мир и себя, пройти через искушения, грязь и страдания мира, взрастить в своем сердце семена любви и отваги — и лишь тогда вернуться к своим истокам: в дом, на родину, к народу. Романтическая, древняя, по оп-

ределению Дочанашвили, тема скитальца была замыслена как игла, сшивающая повествование о мире и человеке в нем.

Доменико — центр повествования, светящаяся точка, от которой, как лучи, устремляются в разные стороны нити сюжета. Он одновременно — путь и путник, волшебный клубок, ведущий нас по дорогам символического леса человеческой жизни. Он — единственный в романе, кто свободно перемещается по громадному пространству повествования, переезжает из города в город, проходит через бесчисленный ряд встреч, узнаваний, разлук, разочарований, обретений... За ним стоит огромная традиция подобного рода героев, начиная с Иванушки-дурака и кончая «взыскующими града» Парсифалем и Хансом Касторпом. И так же, как вся жизнь последнего на «волшебной горе» была лишь преддверием двух страниц эпилога, где Ханс Касторп среди множества других оказывался, обогащенный внутренним духовным опытом, брошенным в мировую войну — то есть в мировую историю, так и жизнь Доменико разворачивается перед нами как предвкушение итога — тех самых трех-четырёх последних страниц, о которых сказал и сам Дочанашвили. Ради Доменико был сооружен храм-роман. Его «роман испытания» подходит к концу и превращается в «роман-жизнь художника». Это — итог и самой книги, и жизни главного героя, «ядро ореха», вылущенное из пестрых оболочек повествования. Доменико призван не только дважды войти в одну и ту же реку, омывающую его родные места, — он должен доказать, по замыслу автора, глубинную «судьбоносность» своего характера. И то, что он сделан странником, скитальцем, имеет в связи с этим важный смысл.

По утверждению М. Бахтина, в «романе испытаний» нового времени, в отличие от полностью опиравшегося на фольклор авантюрного архаического романа, дорога всегда проходит по своей родной стране, а не по экзотическому «чужому» миру, она раскрывает и показывает социально-историческое многообразие этой родной страны. Дорога понимается как путь к самому себе, как доказательство тождественности себя — себе самому... «Великий простак» Доменико должен изжить свое «метафизическое сиротство», заключающееся не только в ранней утрате реальной матери, но и в первоначальном отсутствии духовного отечества.

...Но это может произойти лишь тогда, когда он сам совершит акт прорыва — в бунте против обезличенного мира Каморы в вольном городе Канудосе и в любви к дру-

гим — тогда расцветет его «голубой цветок кантуса-любви»... Лишь тогда станет возможным для Доменико подлинное обещание и подлинная свобода.

Вот и произнесено «ключевое», заветное слово... Да, роман написан прежде всего об этом — о прорыве человека к свободе, о преодолении экзистенциального страха перед жизнью. И оценка всего происходящего в романе, оценка всех героев совершается по этому критерию: свободны они или не свободны от страха, страха не найти своего места в жизни, страха утратить себя, страха жизни-игры, неподлинного существования... Как потрясает новелла о предводителе, рассказанная Беглецом: человек, всегда считавшийся бесстрашным в обыденном смысле этого слова, знает о себе, что он — трус. И приказывает своим воинам убить того, кто, по предсказанию, в черном плаще придет вечером, чтобы убить предводителя. А когда после жестокой и короткой схватки воины догадаются снять маску с лица убитого, они увидят просветленное смертью лицо своего предводителя. Лицо человека, знавшего о себе всю правду, «прорвавшегося» к свободе только в смерти.

В романе много смертей. Однако это не оставляет тягостного впечатления — может, потому, что с темой смерти здесь всегда сопряжен испытываемый нами катарсис? «Цвет трагедии — белый» — назвал одну свою давнюю статью философ Э. Соловьев. И здесь, в романе, «цвет трагедии — белый». Как в поэтических драмах Гарсиа Лорки, чье художественное мышление, на наш взгляд, близко миру романа Дочанашвили.

В романе честь и смерть идут рядом, они почти тождественны, одна есть плата за другую — плата дорогая, но желанная, призываемая всем сердцем, всей душой теми, кто стремится к свободе: пятью великими канудосцами, предводителем... Смерть зовет к себе Доменико, который, будучи загнанным в угол, с ужасом смотрит на «всемирный бестиарий», называемый Камора, где не только люди, но даже растения пожирают людей.

Но он должен жить — и идти своим путем к своей свободе — миру памяти и творчества, должен сам лепить себя, как творец, из глины. Должен быть достоин своей судьбы.

В нем самом заключены все города — и Краса-город, жизнь-игра, и символ страха — Камора, и Канудос — идея свободы, и вновь обретенная духовная родина — Высокое

селение. Потому что все мы носим «свой город» в самих себе, это частица нас самих, наша жизнь. Наша судьба.

И над всем этим встает музыка, как осеняющее откровение: язык ее есть средство выражения и проникновения в глубь сокровенных тайн жизни. Музыкальные ходы и контрапунктические построения романа возникают не из «полифонизма» романов Достоевского, а из романтического противопоставления «мира музыкального и мира антимузыкального» (А. Блок), вечной антитезы творческого и нетворческого начал. Стихия музыки в этой традиции есть слитность и цельность мировой жизни, ход в сторону огромного и безмерного.

Тот «дух музыки», который ведет и спасает героев Блока и Дочанашвили, который рождает недовольство собой и метафизическую тоску о лучшем бытии, будит и властно требует всего человека без остатка. Музыка, по мысли автора, есть универсальное средство преодоления поэтической немоты (ибо — «В начале было Слово»), мост, соединяющий «землю» рассказов и «небо» романа.

В ночи, когда уснет тревога
И город скроется во мгле —
О, сколько музыки у бога,
Какие звуки на земле!

А. Блок.

Вспомним картину прекрасного грузинского художника Ладо Гудиашвили, относящуюся к предмету наших размышлений. Перед большим — в стену — фолиантом стоит на лесенке автор и изумленно переворачивает написанные им самим страницы. А из-за книги заглядывают ему — и нам — в лицо громадные, гораздо больше своего создателя, странные, колдовские, многообразные лики его героев.

В этом символическом полотне, как в волшебном зеркале, отражена суть творческого процесса. Роман Гурама Дочанашвили написан, он пришел к грузинскому и русскому читателю, и его дальнейшая судьба уже не зависит от автора.

საქართველოს
ხალხთა ეროვნული
ბიბლიოთეკა

МОНУМЕНТАЛЬНЫЙ роман-эпопея А. Антоновской «Великий Моурави» — первое и, безусловно, лучшее художественное произведение, созданное русским советским писателем на материале исторического прошлого Грузии, — занимает особое место в летописи дружбы русского и грузинского народов.

Около сорока лет своей творческой жизни посвятила А. Антоновская созданию этого грандиозного эпического полотна, пронизанного искренней любовью и уважением к грузинскому народу, продолжив тем самым традицию передовой русской литературы, проявлявшей особое внимание к историческим судьбам, многовековой культуре Грузии, вдохновенно воспевающей её красоты. В наше время — время подлинного сотрудничества культур социалистических наций — традиция эта приобретает важнейшее значение.

Выступая в октябре 1943 года в Союзе советских писателей на совещании, посвященном проблемам исторического жанра, А. Фадеев говорил: «Мы вправе гордиться нашими историческими романистами, потому что такими произве-

Гурам ГАВАШЕЛИ

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ

●

КОНЦЕПЦИЯ
ЛИЧНОСТИ
ГЕОРГИЯ СААКАДЗЕ
В ИСТОРИОГРАФИИ,
ГРУЗИНСКОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
И В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ
А. АНТОНОВСКОЙ
«ВЕЛИКИЙ МОУРАВИ»

денями, как «Петр Первый», «Емельян Пугачёв», «Великий Моурави», писатели утвердили в нашем сознании роль прогрессивных сил в историческом развитии нашего государства и показали лучшие, передовые черты русского национального характера, как и других народов СССР».

В этих словах выдающегося советского писателя, назвавшего «Великого Моурави» в одном ряду с этапными произведениями советской исторической прозы, ясно определены художественная ценность, идейная актуальность и современное звучание романа А. Антоновской.

Одним из главных достоинств романа Антоновской является правильное решение проблемы личности Георгия Саакадзе. Многогранный образ выдающегося деятеля грузинской истории, созданный автором «Великого Моурави», стоит в одном ряду с лучшими достижениями советского исторического романа.

Настоящая статья в основном посвящена анализу образа Георгия Саакадзе. Однако мы сочли необходимым непосредственному разговору о главном герое романа Антоновской предпослать краткий разбор различных, подчас противоречивых, а то и взаимоисключающих точек зрения отечественных и иностранных историков и общественных деятелей разных поколений по поводу этой незаурядной личности, а также проследить эволюцию образа Саакадзе в грузинской художественной литературе, как дореволюционной, так и советской (И. Тбилели, Арчил, С. Квариани, В. Барнов). Это позволило лучше, контрастнее выявить новаторский подход Антоновской к поставленной задаче — воссоздать художественными средствами такую сложную и трагическую фигуру средневековой Грузии, как Георгий Саакадзе.

Незаурядность личности Георгия Саакадзе, драматизм его жизни и деятельности, естественно, привлекли к нему пристальное внимание не одного поколения историков, художников слова и видных деятелей грузинской культуры.

Широкое освещение получила деятельность Георгия Саакадзе и в фундаментальных трудах известных армянских, персидских, турецких историков, а также в интереснейших, богатых фактическим материалом работах и реляциях европейских миссионеров и путешественников.

Эта обширная литература характеризуется резко противоречивыми, зачастую взаимоисключающими оценками исторической роли, общественно-морального облика Георгия Саакадзе, различной трактовкой мотивов и побуждений, кото-

34135921
110933

рыми он руководствовался в своей разносторонней деятельности.

О полемике вокруг имени Саакадзе, развернувшейся по словам профессора С. Цаишвили, «уже при жизни Георгия Саакадзе», свидетельствуют выдающиеся историко-литературные памятники XVII века — «Спор Теймураза и Руставели» Арчила Багратиони и «Дидмоуравиани» Иосифа Тбилели, в которых впервые в грузинской литературе был правдиво воссоздан образ Саакадзе — замечательного стратега, полководца и воина, мудрого государственного деятеля.

Ставя превыше всего патриотический долг гражданина перед родиной, народом, Арчил завещает потомкам «следовать героическим делам Г. Саакадзе, во имя родины пожертвовавшего жизнью собственного сына», а Тбилели, не скрывая своего апологетического отношения к Саакадзе, видит в нем героя, «воздвигшего ограду вокруг Картли» и «спасшего Грузию от истребления».

Столкновение политических интересов Турции и Ирана в Восточном Закавказье на рубеже XVI—XVII веков нашло свое отражение в противоречивой оценке турецкими и персидскими историками указанного периода роли Саакадзе в историческом Марткопском восстании. Если в «Мироукрашающей истории Аббасовой» («Тарихиаламаран и Аббаси») Искандера Мунши (Искандер-бек Туркман) — одного из видных представителей Сефевидской придворной историографии — деяния Саакадзе характеризуются как преступные, то турецкие историки не скрывают своего ликования по поводу истребления грузинами иранских войск и убийства сардара Карчи-хана, не раз наносившего крупные поражения войскам султана.

Ряд историков и видных деятелей грузинской культуры XVIII века (Бери Эгнаташвили, Вахушти Багратиони, каталикос Антон I) и последующих времен (Мосэ Джанашвили, Симон Гогоберидзе), не сумевших, вследствие своих социально-классовых воззрений, объективно разобраться в сложности политической борьбы Саакадзе против феодальной реакции, выдвинули против него обвинение в измене грузинским царям и инспирации опустошительных нашествий шаха Аббаса на Грузию, хотя некоторые из них, в частности Вахушти, все-таки вынуждены были признать, что «не будь Марткопского восстания, не быть бы и Картли».

Острой полемической направленностью характеризуются и специальные монографии о Георгии Саакадзе, созданные

известными грузинскими историками и литераторами в середине XIX — начале XX вв.

О деятельности Георгия Саакадзе говорили и великие знаменосцы национально-освободительного движения грузинского народа, классики грузинской литературы И. Чавчавадзе, А. Церетели и Важа Пшавела.

Высоко оценивая в своих публицистических выступлениях деятельность и историческую роль Саакадзе, они с гневом обрушились на тех, кто пытался клеветой и злословием опорочить славное имя самоотверженного патриота.

В известной речи, произнесенной в защиту Великого Моурави, А. Церетели, ставя Саакадзе в один ряд с Вахтангом Горгасалом и Давидом Строителем, с горечью воскликнул: «...Он жаждал увидеть Грузию такой, какою она была во времена царицы Тамар. Во имя этого он пожертвовал всем — семьей, женой и сыновьями, обрек себя на тяжкие испытания, вынес всяческие бедствия и ...наконец, унес в могилу свои желания...»

Концепция, выраженная в воззрениях классиков грузинской литературы, заняла господствующее положение и в грузинской исторической науке советской эпохи.

Современная грузинская историография (Н. Бердзенишвили, С. Джанашиа, Ш. Мехия, Г. Джамбурия, Д. Гвретишвили, Д. Мегреладзе) и литературоведение (К. Кекелидзе, А. Барамидзе, Г. Леонидзе, С. Цайшвили), опираясь на передовое, марксистско-ленинское учение о роли личности в истории, о закономерностях общественного развития, дают глубокую и единственно верную трактовку исторической роли и морального облика Великого Моурави.

Рассматривая политическую программу Саакадзе, Н. Бердзенишвили подчеркивает, что «для князей была неприемлема азнаурская идея объединения Грузии, которую они представляли себе как союз царя и владетелей; план же азнаура Саакадзе предполагал объединение Грузии в единое государство под эгидой сильного царя».

Усматривая в непримиримой политической борьбе Моурави с владетелями глубокий социальный конфликт, Г. Леонидзе в обстоятельном исследовании, предпосланном «Дидмоуравиани» И. Тбилели (изд. 1939 г.), приходит к заключению, что «причиной трагедии Саакадзе явилось его социальное происхождение, поскольку «высокородные» не могли и не хотели примириться с возвышением ...азнаура и

конце концов сумели погубить этого выдающегося деятеля своего времени».

Героическая жизнь и борьба Георгия Саакадзе стали одной из излюбленных тем в творчестве грузинских писателей, посвятивших великому сыну грузинского народа ряд значительных художественных произведений¹.

Из дореволюционных произведений наибольшего внимания заслуживает исторический роман видного общественного деятеля, педагога и писателя Симона Квариани «Великий Моурави».

Роман С. Квариани правдиво воссоздает жизнь грузинского феодального общества того времени. Автор клеймит позором алчность и узкоместническую органиченность правящей верхушки, вынудившей Моурави искать убежища в стане злейших врагов своей родины, где ему и пришлось сложить голову. «Гибель Саакадзе вонзила меч в сердце многострадальной Иверии», — заключает с горечью писатель-патриот.

В художественном отношении роман С. Квариани нельзя отнести к числу совершенных, но это ни в коем случае не умаляет его значения как замечательного памятника грузинской литературы, правдиво и убедительно воссоздающего величественный образ Георгия Саакадзе.

В ряду интересующих нас художественных произведений особое место занимает роман «Великий Моурави Георгий Саакадзе» Василия Барнова — одного из крупнейших мастеров грузинской художественной прозы XX века, с именем которого непосредственно связано становление и развитие в грузинской литературе исторического романа.

В романе В. Барнова Саакадзе показан как патриот бескорыстно любящий родину и свой многострадальный народ. Симпатии писателя на стороне Георгия, когда он противостоит феодалам, когда защищает родину от нашествия врагов, но в то же время автор не идеализирует своего героя, не преувеличивает его демократизма, не замалчивает тех внутренних противоречий, которые были присущи Саакадзе — сыну своей эпохи. Когда Саакадзе для достижения своих, по

¹ Жизнь и деятельность Саакадзе нашли отражение в творчестве не только грузинских, но и европейских писателей. Самоотверженным патриотом, героем выведен он в пятиактной трагедии известного немецкого поэта и драматурга XVII века Андреаса Гриффиуса «Екатерина Грузинская» (Тб., 1975, на груз. языке).

тем временам прогрессивных целей берет ориентацию на иноземную военную силу, Барнов резко меняет свое отношение к Моурави. «Саакадзе, жаждущий крови персов, уже не мог постичь чаяний народа, разум его не слышал зова народного... Не видел он, что не подымаются за ним бушующими валами волны грузин, не устилают ему бранный путь цветами желаний. Саакадзе неудержимо стремился к гибели, и стремление это было подобно стихии необузданной». Эта критическая линия в дальнейшем еще больше обостряется.

В чем же все-таки причина поражения и гибели Георгия Саакадзе? Барнов пытается ответить на этот вопрос в философском аспекте. В своих философских воззрениях писатель придает большое значение понятию «судьба», «рок». Назначение человека в жизни, его призвание predetermined судьбой, которой подчиняется все сущее в этом мире. По представлению Барнова, судьба может раз мелькнуть перед человеком, коснувшись его своим крылом, и если ее избранник не пройдет мимо, не противопоставит себя высшему предначертанию, жизненный путь его будет победоносен и счастлив — в противном же случае судьба отвергнет его, и герой погибнет. Так случилось и с Георгием Саакадзе, не захотевшим в благоприятный момент после марткопского триумфа протянуть руку к «короне Багратиони, данной ему свыше».

В этом фаталистическом подходе и выявилась ограниченность барновского мировоззрения. Причины поражения и гибели Саакадзе осмыслены автором в типично идеалистическо-метафизическом аспекте. Но известные противоречия в мировоззрении В. Барнова не могут ослабить того огромного впечатления, которое производит это замечательное произведение. Они ни в какой мере не снижают высокой познавательной и эстетической ценности романа.

Жизнь и борьба Георгия Саакадзе ждали своего большого художника и летописца; они требовали монументального эпического полотна, и оно было создано замечательной русской советской писательницей А. Антоновской. Много томный исторический роман «Великий Моурави» — именно то произведение, в котором великий сын грузинского народа Георгий Саакадзе и трагический, полный бурных потрясений XVII век показаны во всей своей сложности и неповторимости.

Ключевым, ведущим образом в эпопее А. Антоновской является образ Георгия Саакадзе. Развитие этого образа

первую очередь определяет движение сюжета, композицию и даже стиль всего ее грандиозного, многопланового романа.

Жизнь и борьба Георгия Саакадзе обрисованы автором с позиций нашей современности, на основе принципов советского историзма. Еще в большей степени, чем С. Квариани и В. Барнов, А. Антоновская наносит удар по реакционным, монархическим традициям буржуазно-дворянской историографии и литературы, с узкосословной точки зрения изображавших самоотверженного патриота изменником родины и цареубийцей. Вместе с тем, рассматривая положительные и теневые стороны деятельности Саакадзе в сложной диалектической взаимосвязи, стремясь определить меру его исторической прогрессивности, раскрыть социально-политические основы его реформ, их классовое содержание, Антоновская последовательно преодолевает недостатки как просветительского понимания личности и деяний Саакадзе, так и безудержной его апологии, столь характерной для И. Тбилели и А. Пурцеладзе. Отвергает писательница и элементы фатализма, присущие барновской трактовке образа Великого Моурави.

Основным, стержневым началом в образе Саакадзе следует признать то, что он является вдохновителем и главным носителем новых, прогрессивных идей своего времени. Для автора «Великого Моурави» первостепенное значение имеет тот исторический подвиг, который Саакадзе совершил как выдающийся деятель своей эпохи. Исторический герой на историческом поприще — вот что интересует прежде всего писательницу.

В «Великом Моурави» Саакадзе предстает во всей своей жизненной яркости и психологической многомерности, в становлении, развитии, в процессе сложного своего формирования и роста.

С исключительной наглядностью и убедительностью Антоновская показывает, как рождалась для грядущих битв энергия, все сметающая на своем пути, как постепенно складывались у Георгия черты, сделавшие его «верноподданным своей родины».

Уже в первой части романа-эпопеи образ Саакадзе символизирует не только незаурядное военно-стратегическое искусство (битва у Триалети) и высокую гражданственность, но и прогрессивные социальные тенденции эпохи (демократические реформы в родовом имении Ностэ, создание «Союза азауров», опора на народ в борьбе с феодальной реакцией).

Путем тонкого проникновения в психологию своего героя Антоновская показывает сложный процесс формирования характера и воззрений Георгия, постепенного накопления им жизненного опыта, углубления чувств, что со всей силой сказалось позднее, когда он вступил на историческое поприще как один из главнейших и активных деятелей того бурного времени.

В романе Антоновской Саакадзе предстает как личность, сосредоточенная на главном деле своей жизни, в целеустремленном и непреклонном движении к большой исторической цели — объединению Грузии и освобождению ее от мусульманского ига. Ради этого входит он в доверие к шаху Аббасу, ведет в Турции большую и сложную дипломатическую игру, добываясь от падишаха Мурада IV похода на «льва Ирана»; ради великого замысла возводит Саакадзе на картл-кахетинский престол своенравного Теймураза I, а позже делает ставку на омусульманившегося царевича Хосро-мирзу и представителя боковой ветви династии Багратиони Кайхосро Мухран-батони; ради счастья и величия родины идет он на серьезные уступки ненавистным внешним и внутренним врагам страны, не боясь того, что в народе скажут — «предал!».

Сопровождая шаха Аббаса в его опустошительном походе на восточногрузинские царства, Саакадзе рассчитывал силами Ирана обуздать картлийских феодалов, упуская из виду то обстоятельство, что Иран, как и Турция, не был заинтересован в объединении Грузии. Владетели сразу же нашли общий язык с шахом Аббасом и изъявили ему покорность. Оставив невредимыми княжеские замки и владения, тиран обрушил свой гнев на простой народ, самоотверженно защищавший честь и свободу отечества. Началось беспримерное по своей жестокости кровавое шествие иранских войск по городам и селам Грузии.

Осознав всю тяжесть и непоправимость содеянного, Саакадзе проникается чувством священной мести к поработителям. Обманутого в надеждах Георгия «поразила не столько победа врага, сколько разрыв между его стремлениями и результатом своих действий».

Вскоре Георгию представляется возможность искупить свою невольную вину перед растерзанной родиной. Шах Аббас задумал раз и навсегда решить «гурджистанский» вопрос в свою пользу, т. е. полностью истребить грузинский народ и заселить восточногрузинские царства мусульманским

ми племенами. Во главе иранских войск стояли Георгий Саакадзе и вернейший сатрап шаха Аббаса Карчи-хан.

Как только персы вступили на территорию Грузии, Саакадзе по заранее обдуманному плану поднял всенародное восстание и возглавил его. Вторую книгу романа-эпопеи венчает впечатляющая картина разгрома иранских войск в историческом Марткопском бою и торжество победившего народа.

Особое внимание уделено в романе изображению Саакадзе как выдающегося полководца и стратега своего времени, организатора и вдохновителя вооруженного сопротивления грузинского народа иноземным поработителям. «Есть основание предполагать, что Георгий Саакадзе изучал стратегию и тактику великих полководцев — Ганнибала и Александра Македонского», — пишет в послесловии адаптированного издания книги Борис Черный. Эта мысль неоднократно подчеркивается и на страницах «Великого Моурави».

С большой эмоциональностью, в ярких художественных красках раскрывает Антоновская изумительное полководческое искусство Саакадзе в Ташикарском бою, когда он, по словам автора, поведал растерянному царю и царедворцам «знаменитый стратегический план, увековеченный в грузинских летописях «Сурамской битвой» и народным признанием Георгия Саакадзе Великим Моурави».

Грузинская историография и художественная литература не давали ясного и конкретного объяснения причин поражения Моурави в братоубийственной Базалетской битве. Огромная заслуга А. Антоновской заключается в том, что она впервые раскрыла и показала подлинные причины исхода Базалетского сражения.

Осложнения во внутренних и внешних делах Ирана, возникшие уже после Марабдинской битвы, активизация военных действий Саакадзе, ведущего против захватчиков беспощадную партизанскую войну, заставили персидских военачальников покинуть пределы Восточной Грузии и возвратиться со своими сарбазами в Иран.

Этим обстоятельством воспользовался Теймураз I и с помощью Зураба Эристави, наиболее ярого и злобного врага Георгия Саакадзе, воцарился в Картли и Кахети, предоставив тем самым широчайшую свободу действий самым реакционным княжеским кругам. Народу угрожали тягчайшие социальные притеснения, с чем Саакадзе мириться не мог. Заручившись обещанием царя Имерети выслать ему на по-

мощь свое войско, Моурави решил дать бой Теймуразу I и Зурабу Эристави. Роковая битва произошла у Базалетского озера.

Этот эпизод — один из лучших не только в пятой книге, но, пожалуй, и во всей эпопее.

Поражение Георгия Саакадзе было обусловлено не тем, что царь Имерети вопреки своему обещанию прислал на поле боя незначительный отряд, да и то с большим опозданием. Впервые за всю свою долгую и доблестную боевую жизнь Великий Моурави очутился лицом к лицу с обездоленными грузинскими крестьянами, выгнанными князьями на кровопролитный бой. Впервые он, народный герой, должен был обогреть свой справедливый меч кровью грузинских крестьян, и перед ужасом этой братоубийственной сечи дрогнул богатырь, беспредельно любящий свою родину и свой народ. Осознав всю трагичность и бесперспективность предстоящего сражения и не желая проливать братской крови, Саакадзе по сути дела отказался от настоящего боя. И когда его дружины вот-вот должны были пленить царя Теймураза I, Саакадзе неожиданно распорядился дать дорогу царю и, уступив победу противнику, покинул поле битвы.

Какова же авторская оценка братоубийственной битвы у Базалети? «Антоновская считает Базалетскую битву неоправданной, исходя из того бесспорного положения, что цель ее объективно, с точки зрения внешних условий, не являлась реальной для Грузии начала XVII в.» — пишет известный знаток творчества А. Антоновской Г. Тавизишвили.

Неоправданность Базалетской битвы Антоновская объясняет и тем фактом, что народ (крестьянская масса) не поддержал Саакадзе в этой борьбе, Моурави ощутил и понял это в самом же начале боя, увидев, «что сейчас... народ, ради которого он отдал больше чем жизнь, стоит перед ним, вскинув меч... молча созерцая, как княжеские прихвостни осыпали его насмешками»¹.

¹ Это «молчаливое созерцание», угрюмое молчание дружинников, стоящих за конями своих князей, как бы переключается со знаменитым пушкинским «народ безмолвствует» из «Бориса Годунова». Как и в гениальной трагедии Пушкина, в эпопее «Великий Моурави» подчеркнута мысль об отчужденности героя от народа, мысль о том, что вне опоры на народ, вне его поддержки не может быть плодотворна деятельность любой исторической личности.

Так неумолимая логика исторического процесса привела Георгия Саакадзе и его славных соратников к крушению возвышенных идеалов, к «началу конца».

Романисты, писавшие ранее о Георгии Саакадзе (С. Квариани, В. Барнов и др.), не показывали его непосредственно в гуще преобразовательных дел, в практике его государственной деятельности, в обстановке принимаемых решений, касающихся исключительно важных мероприятий по улучшению и укреплению системы управления государством. Все это обычно опускалось, оставалось вне поля зрения авторов.

Новаторство А. Антоновской заключается в том, что её Моурави показан не только как замечательный полководец и воин, как патриот, борющийся за свободу и счастье родины, — таков Саакадзе и у названных выше авторов, — но и как практик — организатор и создатель новых форм жизни. Все, что в этом плане предоставляли писательнице исторические источники и её законное право на вымысел, А. Антоновская использует мастерски.

В изображении Антоновской Саакадзе — строгий, но справедливый судья, правитель, стремящийся облегчить народу налоговые тяготы, уничтожающий межевые рогатки и возводящий цепь «сторожевых башен и крепостей на границе Картли с ханствами, подвластными Ирану», строитель дорог и деревень и т. д.

В романе А. Антоновской Саакадзе предстает во всем многообразии своих личных качеств, в самых обычных человеческих проявлениях; раскрывая внутренний, духовный мир героя, писательница проявляет глубокую проницательность. Она показывает нам Георгия и в минуты честолюбивых мечтаний, и в порыве неудержимой ревности, в часы искрящегося веселья в кругу друзей и единомышленников, и в дипломатических поединках с духовными и светскими феодалами и непостоянными венценосцами; мы видим Саакадзе и в дни величайшего триумфа и человеческого счастья, и в моменты его внутреннего смятения и горя, когда он глубоко потрясен смертью родителей и сестры, или же когда в час всенародного торжества — марткопской победы — на его плечи обрушивается тяжкое, непосильное испытание: к его ногам бросают «подарок» шаха Аббаса — голову сына — прекрасного и неустрашимого Пааты.

Добиваясь исторически верного изображения выдающейся личности, Антоновская опирается на воззрения классиков марксизма-ленинизма, требовавших изображать выдающихся

...деятелей прошлого «суровыми рембрандтовскими красками во всей своей жизненной яркости»¹.

Поэтому, несмотря на некоторую идеализацию образа Саакадзе (особенно в последних двух книгах эпопеи), он показан автором как сын своего времени — в деяниях и поступках, типичных для феодального общества Грузии начала XVII столетия. Так, после возглавляемого Саакадзе успешного похода-возмездия на становища кочевников-казахов на пиках победителей «красуются лиловые головы» павших, а «на последнем переходе Саакадзе распорядился снять с ароб казашек и предоставил дружинникам выбрать себе девушек, а детей отделил для продажи в Имерети...»

Несмотря на то, что Георгий всю свою жизнь стремился облегчить положение угнетенного крепостного крестьянства, в образе его, преимущественно в первых частях романа, нет-нет да и мелькнет облик владеющего крепостными душами азнаура, вольного по своему усмотрению распорядиться судьбою подвластных ему людей. Все это было в духе времени, типично для изображаемой эпохи.

Трагической гибели Саакадзе на чужбине — этому наименее разработанному научной литературой периоду жизни Великого Моурави — писательница дает весьма своеобразное и интересное освещение, благодаря которому военно-политическая деятельность Саакадзе в Турции, факт и причина его рокового конца предстают перед нами в совершенно новом свете.

Автору пришлось решать весьма сложную проблему: положить в основу историко-политической концепции шестой книги официальную версию турецких историков, согласно которой Георгий Саакадзе и его боевые друзья стали жертвой зависти и злобы верховного визиря Хозрев-паши, не желавшего мириться со стремительно возроставшей славой грузинского полководца², или точку зрения, основанную на принципах, выдвинутых современной исторической наукой, рассматривающей общественное развитие как единый, закономер-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об искусстве. М., «Искусство», 1938, с. 165.

² Версию турецких историков (Мустафа Наима, Ибрагим Печеве, Киатиб Челеби) повторяют с несколько иной мотивировкой и грузинские источники (Иосиф Тбилели, Парсадан Горгиджанидзе, Вахушти Багратиони).

ный во всей своей многогранности и противоречивости процесс?

На приеме, устроенном в ее честь сотрудниками редакции газеты «Вечерний Тбилиси», А. Антоновская высказала по этому поводу вполне определенное мнение: «Распространена концепция, согласно которой вина за это (гибель Саакадзе. — Г. Г.) ложится на султанский двор, завидовавший таланту великого полководца. Я выдвигаю другую концепцию, основанную на изучении как исторических документов, так и исторической обстановки. Согласно этой концепции гибель Георгия Саакадзе в значительной степени дело рук французского посла в Турции графа де Сези, стремившегося избавиться от Георгия Саакадзе, активно противодействовавшего политике, выгодной французскому кардиналу Ришелье».

Избрав отвечающий требованиям советской исторической науки путь, Антоновская вместе с тем творчески переосмыслила и тот фактический материал, которым оперировали старье историки, удачно вводя его в сюжетную ткань своего произведения (в частности, в заключительную часть романа).

Устроив Великому Моурави торжественную встречу, окружив его исключительным вниманием, султан Мурад IV рассчитывал использовать выдающегося полководца и военного стратега в надвигающейся войне со «львом Ирана». Это не противоречило далеко идущим планам Георгия Саакадзе, стремившегося «использовать турецкие войска для окончательного освобождения Картл-Кахети от кизылбашей и тем самым создать предпосылки для объединения Грузии»¹. (Лишь незадолго до смерти отказался он от этого замысла, опасаясь повторения роковых ошибок прошлого).

Однако вскоре Саакадзе попадает в водоворот острых международных противоречий, создающих трудности на его пути. Тридцатилетняя война, охватившая государства Европы, была в полном разгаре. Император Фердинанд II Габсбург, готовясь к агрессии против соседей, в частности — Франции, подталкивал Турцию к новой войне с Ираном с целью включить ее из антигабсбургской коалиции, возглавляемой выдающимся дипломатом кардиналом Ришелье. Французскому послу в Константинополе графу де Сези было дано твердое указание добиться отказа султана от намерения воевать с

¹ Очерки истории Грузии, т. I, Тб., 1974, с. 291 (на груз. яз.).

Ираном и повернуть орды янычар против австро-немецких войск.

Вот тут-то теснейшим образом переплетаются и сталкиваются политические интересы Моурави, дипломата графа де Сези и слепого орудия в его руках — визиря Хозрев-паши.

Ловкий политический интриган де Сези, давно ведущий тонкую двойную игру в пользу Габсбургов, на первых порах всячески старался направить турецкие вооруженные силы против Ирана. Но по властному требованию кардинала Ришелье он вынужден был резко изменить свой политический курс, стать поборником союза Турции с Францией. С помощью французского золота ему удалось перетянуть на свою сторону и Хозрев-пашу, который, будучи мужем сестры Мурада IV Фатимы, пользовался большим влиянием в государстве.

Несмотря на сильнейшее противодействие, Саакадзе убедил султана в том, что интересы Турецкой империи требуют незамедлительной войны с Ираном. Мурад IV согласился с доводами Моурави.

Граф де Сези, окончательно убедившись, что пока жив Саакадзе, Турция не выйдет из войны с Ираном, решил погубить полководца.

Подкупленный им, Хозрев-паша пошел на крайность: в честь предстоящего похода на Багдад он устроил большой пир, во время которого врагам удалось захватить врасплох Георгия Саакадзе и его «барсов».

Подлинным трагизмом пронизаны последние страницы эпопеи. Георгий и его сподвижники — в руках у безжалостных врагов, и мы вновь становимся свидетелями благородных, возвышенных порывов умирающих вдали от горячо любимой родины героев-грузин, их беспримерного мужества, патриотизма и неугасимой ненависти к палачам.

Грузинам удалось распилить кандалы и в утро казни вырваться во двор, окруженный верными Хозрев-паше войсками. В ожесточенной схватке с янычарами «барсы» и их доблестный предводитель погибают как герои.

«Георгий Саакадзе кинул взгляд на переломанный клинок: «Бой закончен! Тогда...» И он с силой взмахнул рукой и вонзил обломок черного клинка в свое бесстрашное сердце.

Взметнулась исполинская тень и исчезла за порогом. И через этот порог шагнул в вечность «барс из Ностэ, на щите которого неугасимым огнем пылали слова: «Счастлив тот, у кого за родину бьется сердце».

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნული ბიბლიოთეკა

К 150-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИЛЬИ ЧАВЧАВАДЗЕ

СРЕДИ наиболее популярных очагов культуры Грузии второй половины XIX века, вокруг которых концентрировалась грузинская интеллигенция, были редакции газет «Дрозба» и «Иверия», театр, «Общество по распространению грамотности среди грузин» и... дом Ильи Чавчавадзе.

Здесь собирались лучшие умы Грузии. Здесь размышляли о судьбах родины, мечтали о ее будущем.

Здесь создавались такие произведения, как «Видение» и «Отарова вдова», «Элегия», «Перо мое дорогое», ставшие классикой... Здесь, за письменным столом, в бессонные ночи у поэта рождались поэтические шедевры.

Украшением этого дома была Ольга Гурамишвили-Чавчавадзе, супруга великого грузинского поэта, яркая и замечательная личность, видная общественная деятельница, добрая и очаровательная женщина.

Она была мудра и благородна в роли, дарованной ей судьбой. Прекрасно осознавая свою миссию находиться при человеке, столь популярном и любимом в своей стране, принадлежавшем всей Грузии, всему грузинскому народу, Ольга неизменно бывала рядом с ним,

Нино ЧИХЛАДЗЕ

**„НЫНЕ Я,
К СЧАСТЬЮ,
НЕ ОДИНОК...“**

старалась всячески облегчить его жизнь. Сколько раз, склоняясь над корректурой «Иверии», встречала она вместе с Ильей рассвет, сколько раз читала передовые статьи утомленному мужу, сколько раз принимала на себя удары, направленные против него, оберегая от зависти недоброжелателей и обид своего обожаемого супруга.

Близкими друзьями их семьи были Акакий Церетели, Нико Николадзе, Якоб Гогешвили, Артур Лейст, Иван Мансвешвили, Леван Джабадари, Екатерина Габашвили, Антон Пурцеладзе, Марджори Уордроп и другие.

Поначалу все они собирались у Екатерины — сестры Ольги. Именно здесь, в семье своей сестры, двадцатилетняя, только что окончившая пансион Ольга Гурамишвили встретила с Ильей.

Первый его биограф Григорий Кипшидзе пишет: «Супруга Ильи обладала благороднейшим характером, она сеяла лишь добро и сочувствовала добру, а главное — она преданно любила своего мужа и боготворила его талант»¹.

По словам Марии Джамбакур-Орбелиани, дочери поэта Вахтанга Орбелиани, это была любовь с первого взгляда, глубокое чувство, самозабвенно захватившее сердце юной девушки. Несмотря на скромность и застенчивость, она сама призналась ему в этом. Илью тронул ее чистый порыв, тем более, что он и сам испытывал к ней симпатию и расположение.

Вот как вспоминал об этом Ив. Полтарацкий: «Ольга была юна и обаятельна. Илья не уступал ей в красоте, и, как это неизбежно бывает между двумя молодыми существами, они полюбили самозабвенно. Между ними не было, да и не могло быть меркантильных расчетов. Я — свидетель их идеальной любви и романтического увлечения. Ольга незаметно убежала из своего дома и при содействии друзей тайно обвенчалась»².

Ольга и Илья часто встречались в церкви во время обедни, а письма передавали через близких им людей. Их союзу способствовала поэтесса Нино Орбелиани.

Илья знал мнение отца Ольги — Тадеоза Гурамишвили о себе и с болью в сердце сообщал об этом своей будущей жене:

«Позавчера, оказывается, говорили с твоим отцом обо мне, и он отозвался обо мне недоброжелательно... Но если даже целый мир восстанет против меня, все равно — мы будем принадлежать друг другу»³. Убеждая Олико в твердости своего ре-

¹ Полное собрание сочинений Ильи Чавчавадзе, т. I, с. 24.

² Воспоминания Ив. Полтарацкого, с. 17.

³ Полное собр. соч. И. Чавчавадзе, т. V, с. 24.

шения, в том, что никакая сила их не разъединит, он пишет: «Дорогая, знаешь ли ты, когда познается истинное счастье? Когда ты борешься за него, платишь за него ценой своих страданий. Так утверждают поэты. Нам же приходится преодолевать всяческие препятствия. Что ж, мы одолеем их, мой друг! Господь наделил нас чувствами, чтоб согреть нашу жизнь, чтобы бороться и побеждать... Эта борьба, несмотря на любой исход, делает человека достойным, и даже поражение порой приносит нам славу»⁴.

Год 1863 был знаменателен для И. Чавчавадзе не только сильным чувством к Ольге Гурамишвили, но и разворотом больших общественных дел. И прежде всего выходом первого номера журнала «Сакартвелос моамбе».

Радость, связанную с этим событием, он делил в первую очередь с Ольгой. «Может, мой журнал завтра появится на свет. Схватки роженицы уже начались, и, мы надеемся, после полуночи появится на свет наконец мой «Сакартвелос моамбе» — вот будет раздолье критикам! Но полно, не надо ничего бояться!

Навеки твой И. Чавчавадзе!»⁵.

Илья был уверен, что Ольга станет ему настоящим другом и любящей женой, ибо она была единомышленницей во всех его делах, разделяла его общественные взгляды, заботу о судьбе родины. В юные годы Ольгу кто-то иронически прозвал «патриоткой». И вот как по этому поводу говорится в его письме к ней: «...ты ведь действительно у меня патриотка. Разве не так, моя милая? Это великолепное прозвище достойно тебя, и ты этим можешь гордиться...»⁶

Ольга всегда переживала, что, окончив русский пансион, не совсем хорошо владела родным языком. Получив однажды ее письмо на грузинском языке, Илья несказанно обрадовался: «Поистине ты у меня писательница и проказница и шутница, да хранит тебя бог! И каким ты грузинским пишешь?.. Я, право, удивлен, никак не мог предполагать, что так вольно излагаешь мысли на грузинском. Вот что значит быть женой грузинского редактора»⁷.

Быть может, эта похвала и несколько преувеличена, но она

⁴ Полное собрание сочинений Ильи Чавчавадзе, т. V, с. 160.

⁵ Там же, с. 189.

⁶ Там же, с. 120.

⁷ Там же, с. 118.

Была необходима как поощрение. Впоследствии Ольга в совершенстве овладела грузинским языком.

Ольга Гурамишвили и Илья Чавчавадзе венчались в 1863 году в церкви св. Троицы. Жениха и невесту, сошедших с фазтона, никто не сопровождал. Не было ни родственников, ни друзей. Молодые вошли в церковь. Заранее предупрежденный священник поспешно их обвенчал и записал в церковную книгу следующее: «В 1863 г. № 18 от 21 апреля жених Илья Григорьевич Чавчавадзе, православный христианин двадцати пяти лет обвенчался первым браком с невестой — дочерью Тадеоза Гурамишвили Ольгой, православной — обвенчалась первым браком в двадцать лет».

Молодоженов поздравила лишь одна Макине, кормилица Ильи: «Пусть благословит вас всемогущий господь, живите же по своему разумению, пусть с этой поры сердце мое бьется для вас обоих, обожаемый сын мой, да пошли вам бог благословение и большое счастье»⁸.

Когда Илья, только что вернувшийся из Петербурга, обзавелся семьей, у него не было ничего, кроме радужных надежд на будущее, — ни квартиры, ни средств к существованию. В одном из писем той поры он сообщал Ольге: «...брат Гогоберидзе так добр, что уступает нам на время свою квартиру, пока мы устроимся».

Спустя три года после свадьбы, в 1866 году, материальные затруднения вынудили его уехать в Душети на должность судьи. Приняв это решение, он все же сокрушался о своих несбывшихся мечтах, о деле, оставшемся незавершенным в Тифлисе.

Душети был тогда отсталым, мрачным захолустьем, и, естественно, письма, которые Илья слал Ольге оттуда, окрашены грустью.

«Человек, не надеющийся на себя и не верящий в себя, — не человек; неужто и мы с тобой таковы? Не дай бог!

Олико, не стыдно тебе, что не спрашиваешь о Гизиле? Я коротаю дни и развлекаюсь только с Гизилой. Можешь себе представить, что за местечко это Душети, если настроение человека зависит от собаки? О, какая же для меня в этом «благословенном» Душети глушь!»⁹.

Хотя Илья и был оторван от Тифлиса, от общества, от твор-

⁸ Полное собр. соч. И. Чавчавадзе, т. V, с. 195.

⁹ Там же, с. 274.

ческой жизни, он не падал духом сам и подбадривал своих друзей:

«Ничего не страшись! Вот и я стараюсь не поддаваться, ведь ты знаешь, какая сила таится в человеке, борющемся во имя добра и блага народного!

Твое письмо поставило меня на ноги и оживило...

Благодарю тебя, моя хорошая...

Бедность, которая тебя ждет, не так уж страшна. Нужда — борьба, богатство — праздность, недаром говорится: «праздности и на том свете предостаточно». Пока мы существуем, останемся людьми и будем пребывать в вечном действии, ну а когда перестанем существовать, тогда и будет покой, вечный покой».

«Моя хорошая Олико, я страдаю без тебя! Но я мирюсь со своим горем, лишь бы то общественное дело, в которое втянула меня судьба, благополучно завершилось и мои страдания пошли во имя его блага.

Грудью встречать Грузии рок

Клялся я в детской отваге.

Множество бед на себя я навлек...

Ныне я, к счастью, не одинок:

Мы — поколение верных присяге!

Человек велик настолько, насколько может вместить в своем сердце огромное чувство.

И пусть нас осудят, но в поисках счастья пройдут наши дни».

Ольга знала, как тревожна и нелегка будет ее жизнь с Ильей, но она боготворила его.

Как вспоминал Григорий Кипшидзе, Ольга всегда заглядывала Илье в глаза, будто перехватывала его мысли, желания и все время старалась не причинить ему чем-нибудь боль и огорчение.

«Я все принес в жертву банковскому делу — свой покой и твою обеспеченную жизнь, свою карьеру. У кого есть глаза — да увидит это, у кого есть разум — да взвесит, у кого их нет — пусть гавкает за моей спиной, как жалкий пес».

Сочувствуя мужу, Ольга вместе с ним переживала развернувшиеся вокруг его банковских дел распри, посещала собрания, советовала не отступать и вести борьбу до конца.

Когда она получила определенную часть наследства, супруги Чавчавадзе переселились в Сагурамо. Илья много времени и

средств уделял возведению нового трехэтажного дома, но ни муж, ни жена не считали этот труд потраченным впустую, поскольку знали, что все это перейдет «Обществу по распространению грамотности среди грузин».

— Берегите каждое деревце, ухаживайте за ним, как за виноградником, помните, что я бездетен и все будет принадлежать вам, — говорил Илья крестьянам.

Множество гостей побывало у него в Сагурамо. Только в 1880 году там посетили Илью профессора Морфиль из Оксфордского университета, Бертилони из Парижа, Биско из Римского университета. В восторге от Сагурамо был профессор Грацкого университета Шухардт.

В 1893 году в Сагурамо побывали профессор Берлинского университета Карл Леман Гаупт, Артур Лейст, Марджори Уордроп и другие.

Здесь встречались сотрудники редакции «Иверии» — близкие друзья семьи — Нико Хизанишвили, Артем Ахназаров, Илья Цинамдзгвришвили, Григол Кипшидзе и другие.

Гостеприимный сагурамский дом был открыт для всех. В нем решались многие серьезные общественные вопросы. Принимала гостей и все хозяйство Сагурамо вела Ольга Гурамишвили. «Я надеюсь на твой дар хозяйки дома», — это слова Ильи, обращенные к супруге.

Она помогала ему поддерживать контакты с писателями и общественными деятелями, собирала их в своем доме. «Из Германии приехал молодой писатель по имени Лейст, — говорится в ее письме Я. Гогешашвили, датированном 1894 годом. — Он стремится познакомиться с грузинским обществом, с грузинской литературой. Лейст изъявил желание перевести шедевр грузинской литературы — «Витязя в барсовой шкуре». Илья хочет познакомить молодого человека с грузинскими писателями и просит Вас пожаловать в 3 часа. К просьбе присоединяюсь всей душой и я.

С глубоким уважением Ольга Гурамишвили»¹⁰.

Ольга вела и деловую переписку.

«Дорогая госпожа Ольга! — писала ей Екатерина Габашвили. — Сегодня вечерним поездом приезжает в Тифлис из Англии госпожа Марджори Уордроп, она собирается переводить на английский язык «Витязя в барсовой шкуре» и другие шедевры грузинской поэзии.

¹⁰ «Литератури матиане» («Литературная летопись»), 1940, № 1—2, с. 125.

Просим Вас приехать на мцхетский вокзал. Если Вы сообразите поехать, пожалуйста к нам в 7 ч. 30 м., и мы вместе отправимся в Мцхета встречать госпожу Уордроп»¹¹.

И в том, что Марджори так горячо и нежно привязалась к Грузии, стала ее преданным другом, с чувством искренней любви переводила Шота Руставели, определенная заслуга Ольги Гурамишвили.

Марджори месяцами жила в Сагурамо, в течение двенадцати лет систематически вела переписку с супругами Чавчавадзе.

«Всем сердцем переживаю Вашу болезнь, — сочувствовала она Ольге, — неужели Ваши прекрасные очи стали плохо видеть, однако Вы пишете так прекрасно — трудно поверить, что Вам изменяет зрение.

Надеюсь, моя бесценная Ольга, теперь Вашим прекрасным очам стало легче. Если б я могла облегчить Ваши страдания...¹².

Ольга Гурамишвили оказывала постоянную поддержку своим современницам — женщинам-писательницам. Благодаря ей познакомились и сблизилась с Ильей поэтесса Доминика Эристави-Гандегили, Нино Ткешелашвили и другие. Ее усилиями двери дома И. Чавчавадзе были всегда открыты для них.

Супруга поэта была близка со многими передовыми женщинами-общественницами. На протяжении ряда лет она являлась председателем «Благотворительного общества грузинских женщин», активным членом «Общества по распространению грамотности среди грузин».

Ольга Гурамишвили и Екатерина Габашвили устраивали благотворительные вечера-спектакли, лотереи, средства от которых шли на помощь грузинским студентам. Существует документ, говорящий о том, какую материальную помощь оказали эти женщины талантливому беллетристу Шио Арагвиспирели.

«Я была очень застенчива, — вспоминала Екатерина Габашвили, — Ольга часто приглашала меня к себе, особенно когда меня избрали в правление «Общества по распространению грамотности». Нам приходилось работать вместе.. В этом правлении мы с Ольгой сблизилась еще больше после того, как в нашем доме под моим руководством открыли женскую профессиональную школу, называлась она «Благотворительное общество

¹¹ АН СССР. Институт рукописей. Фонд И. Чавчавадзе, д. № 1120.

¹² Там же, д. № 18.

грузинских женщин». Председателем избрали Ольгу Гурамшвили.

Это знакомство в интересах нашего общего дела перешло в дружбу. Двенадцать или пятнадцать лет, точно не знаю, я была членом этого общества распространения грамотности... Мы ежегодно устраивали выставку-ярмарку...»¹³

Однажды Акакий Церетели присутствовал на состоявшемся там вечере. Учащиеся поставили спектакль по его произведению «Гогия Мечонгуре». По окончании вечера Акакий поцеловал руку Ольге и Екатерине: «Я вижу, здесь совершается большое национальное дело».

Как известно из воспоминаний Екатерины Габашвили, Илья очень считался с мнением Ольги: «Мы всегда обращались к Ольге, когда Илья был занят и мы стеснялись его беспокоить. Уже на следующий день все было сделано».

Сорок лет — срок немалый для семейной жизни. И все эти годы Илья и Ольга прожили в большой любви, глубоко уважая друг друга.

В 1906 году, когда на основании постановления собрания Дворянского общества Илью избрали членом Государственного совета России, Ольга решила сопровождать его, так как он уже жаловался на плохое самочувствие.

Это было их последнее путешествие, последние счастливые дни... К сожалению, Илье так и не удалось осуществить свою заветную мечту—повезти Ольгу за границу на лечение. В последние годы он очень тяжело переживал потерю Ольгой слуха.

«Я говорю очень тихо, почти шепотом, и ты меня хорошо слышишь, я думаю, ты преувеличиваешь свое состояние. Ты слышишь не так плохо, как тебе кажется. Вот скоро настанет весна, соберем наши пожитки и уедем за границу», — читаем в одном из его писем.

Однажды в конце лета они навестили Александра Орбелиани. Разговор шел об отъезде Ильи в Сагурамо. Ольга, волнуясь, застенчиво сказала присутствующим: «Предчувствие тревожит меня, я видела дурной сон, попросите Илью отложить поездку на несколько дней».

В 10 часов утра, когда подъехал фаэтон, она еще раз попыталась было отговорить супруга — пожалуй, не стоит ехать, нынче дорога опасна! Но Илья не дал ей договорить и сел в фаэтон. Предчувствие не обмануло Ольгу.

---

¹³ Государственный литературный музей Грузии. Архив Е. Габашвили, д. № 1224.

30 августа 1907 года в Цицамури Илья Чавчавадзе был сражен бандитской пулей.

Услышав выстрел, Ольга вскочила, чтобы прикрыть мужа своим телом, но от удара прикладом по голове без чувств рухнула наземь. Избитую, искалеченную ее увезли в город.

В течение десяти дней, с 30 августа по 9 сентября, когда тело И. Чавчавадзе было предано земле на Мтацминда, вся Грузия оплакивала поэта.

Можно представить себе, что переживала Ольга, прикованная к постели, не имеющая сил проводить в последний путь любимого человека.

«Вместе с тобой оплакивает дорогого Илью вся наша Грузия... Чем больше лет минует, тем дороже будет Илья для Грузии; скоро настанет такое время, когда каждый грузин будет с благоговением и любовью вспоминать и произносить его имя», — так выражала ей свое соболезнование Екатерина Габашвили.

«Своей мученической смертью Илья еще раз явил свое величие, которое прославило его на весь мир, и Вы, Ольга, всей праведной жизнью, огромным терпением должны преодолеть это страшное горе, это несчастье, и рядом с другими именами с гордостью произносить его святое имя..»

Простите, что я до сих пор не повидала Вас, но нервы мои издерганы — я боялась причинить Вам еще большую боль. В эти трагические дни мысли мои были устремлены только к Вам, я мучительно страдала оттого, что Вы не видите величия и скорби, вызванных гибелью всем нам дорогого человека, и не можете облегчить свое горе, свою сердечную боль»¹⁴.

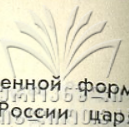
Авторитет Ольги возрос еще больше после того, как по ее просьбе председатель «Общества по распространению грамотности среди грузин» Георгий Николаевич Казбеги обратился к генерал-губернатору с официальным прошением не выносить смертного приговора убийцам И. Чавчавадзе, так как присуждение им смертной казни отягчило бы душу Ильи.

Интересен ответ по этому поводу: «Дело о повешении убийцы еще не поступало ко мне, поэтому пока я ничего не могу сказать, но когда мне передадут это дело, я внимательно ознакомлюсь с ним и подумаю, если представится на то возможность, с удовольствием исполню желание вдовы убитого»¹⁵.

Поступок Ольги Гурамишвили произвел сильное впечатление на передовую российскую общественность. Один из обще-

¹⁴ Гос. лит. музей Грузии. Архив Е. Габашвили, д. 1719.

¹⁵ Я. Гогешашвили, том V, с. 209—250.

«... ственных деятелей России Величко в такой восторженной форме выразил свое отношение к нему: «Тогда как в России царят нравственное падение и тьма, когда на каждом шагу раздается — убей, повесь, уничтожь, расстреляй и мы боимся кануть в бездну отчаяния, вдова лучшего из сынов Грузии, у которой варварски убили любимого мужа и зверски ранили ее самое, молит правительство не карать смертью убийц.

Мы до сих пор знали, что озаряющее все живое солнце восходит с востока, теперь мы должны признать, что нравственное солнце восходит из Грузии»¹⁶.

И после смерти супруга Ольга не прерывала общения с его друзьями. Они бывали в ее доме, переписывались с ней, не оставляя ее одну, опекали.

«Глубокоуважаемая госпожа моя Екатерина Ильинична! Не так давно узнала, что Вы собираетесь в Берлин, прошу Вас, родная моя, передать профессору Лазареву мое глубокое почтение и книгу. Хотя прошел год, как я выехала оттуда, но мне не представлялось возможности послать эту книгу. Пока я дышу, не забыть мне его человечности.

Славная Вы моя госпожа Екатерина, будьте здоровы, живите долго во имя моей надежды и утешения.

Один господь-бог властен вознести Вам благодарение, воздать Вам должное за ту человечность, которую Вы проявляете по отношению ко мне.

Глубоко уважающая Вас и благодарная

Ольга Чавчавадзе»¹⁷.

Так писала Ольга Екатерине Сараджишвили, супруге Давида Сараджишвили, общественной деятельнице, которая протягивала руку помощи многим грузинским писателям.

Неопубликованные письма Лейста, Цинамдзгвришвили и других свидетельствуют о том, как близкие друзья Ильи заботились о ней. По инициативе грузинского общества ей назначили пенсию в размере 100 рублей. Решение об этом было передано на утверждение собранию «Общества по распространению грамотности среди грузин».

Вот какую заботу о ней проявлял Илья Цинамдзгвришвили: «Глубокоуважаемая княгиня Ольга Тадеозовна!

...Как Ваше самочувствие? Попросите Лейста, чтоб он составил смету на ту сумму, которая понадобится Вам для поездки

¹⁶ Я. Гогешвили, том V, с. 227.

¹⁷ Гос. лит. музей Грузии. Архив Ольги Гвдаришвили, д. № 3991

и жизни за границей, а именно — для Вас и для того, кто будет Вас сопровождать.

Я встретился с одним врачом в близкой мне семье. Разговор зашел о недугах, и я рассказал о Вашей болезни и о ранении, о тех болях, которые Вы испытываете... Он мне сказал, что вылечит Вас гипнозом. Не знаю, что скажете об этом Вы, сообщите, пожалуйста.

Желающий Вам добра, глубоко уважающий
Илья Цинамдзгвришвили»¹⁸.

Чавчавадзе очень любил к Новому году посылать своим друзьям гостинцы, угощать их гозинаки. И после гибели Ильи Ольга продолжила эту семейную традицию, о чем можно судить по письму Я. Гогешашвили, в котором он благодарит ее за новогодний подарок — гозинаки.

«Глубокоуважаемая Ольга Тадеозовна! Разрешите от всего сердца поблагодарить Вас за новогоднее поздравление.

Я считаю понятной обязанностью и со своей стороны поздравить Вас с Новым годом, преподнести Вам сладости и пожелать долгих лет жизни в память Вашего божественного супруга, за упокой его души...

Глубоко уважающий Вас

Я. Гогешашвили»¹⁹.

...Болезнь навсегда приковала Ольгу к постели. Скончалась она 26 апреля 1927 года и была похоронена на священной горе Мтацминда, рядом с мужем.

¹⁸ Гос. лит. музей Грузии. Архив Ольги Гурамишвили, д. № 226.

¹⁹ Там же.

Кончина выдающегося ученого и общественного деятеля академика Арнольда Степановича Чикобава — большая утрата для всей нашей науки. Публикуемые ниже отрывки из статей специалистов — учеников и коллег А. С. Чикобава, представляющих научные центры Москвы, Северного Кавказа и За-

кавказья, — свидетельствуют о больших заслугах А. С. Чикобава в основании и развитии научной школы иберийско-кавказского языкознания, в организации многих научных мероприятий, в воспитании научных кадров не только для нашей республики, но и для автономных республик и областей Северного Кавказа.

Патриарх кавказоведения

* * *

...Я увидел Арнольда Степановича Чикобава впервые в Москве в 1950 году, после знаменитой дискуссии, когда имя грузинского ученого стало известно всему миру, а каждое его слово — авторитетным, важным и нужным. Для нас, молодых в то время лингвистов, он был человеком из легенды. В дальнейшем, когда мы познакомились ближе, я не переставал восхищаться ясным умом, железной логикой, широтой и многогранностью таланта, гражданской смелостью Арнольда Степановича. Каждое его посещение Армении было для нас праздником. В Армении Чикобава знали и любили.

Если у меня спросят, в чем заключается его наиболее выдающаяся заслуга перед грузинским языкознанием, я отвечу: известный картвелолог и грузиновед, он один из первых вывел грузинское языкознание на международную арену, добился того, что к его слову стали прислушиваться.

Арнольд Степанович оставил после себя огромное научное наследие, значение которого трудно переоценить, и несколько поколений учеников, которые будут хранить и развивать это наследие...

Академик Г. Б. ДЖАУКЯН, директор Института языка имени Ачаряна АН Армянской ССР.

* * *

...Особенно велик вклад Арнольда Степановича Чикобава в общее языкознание; он много сделал для исследования картвельских и горских кавказских языков, для создания лингвистических центров и подготовки научных кадров языковедов в автономных республиках и областях Кавказа.

Созданный по инициативе и под руководством Арнольда Степановича на основе научных принципов, разработанных им, восьмитомный толковый словарь грузинского языка является лучшим среди толковых словарей нерусских языков народов СССР.

Имя А. С. Чикобава как языковеда-теоретика получило особенно широкое признание и распространение после лингвистической дискуссии 1950 года. Высоко оценив достижения академика Н. Я. Марра в кавказоведении, в ходе этой дискуссии Арнольд Степанович подверг научной критике его общелингвистическую концепцию.

Независимо от того, как относятся языковеды разных направлений к тому или иному научному положению Арнольда Степановича, несомненным является тот факт, что его открытая научная позиция в указанной дискуссии в условиях развития советского языкознания в конце 40-х—начале 50-х годов служит примером высокой научной принципиальности и гражданского мужества.

Дружная совместная работа языковедов нашей страны призвана способствовать дальнейшему развитию советского языкознания, которому так самоотверженно служил Арнольд Степанович.

Профессор Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ, заведующий сектором Института языкознания АН СССР, председатель Научного совета АН СССР по проблемам развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций.

...Арнольда Степановича взрастила и взлелеяла родная земля, давшая миру такие имена, как Шота Руставели, Илья Чавчавадзе, Иванэ Джавахишвили...

Высокая духовная культура грузинского народа, Кавказ, богатый россыпью многочисленных языков, послужили благодатной почвой для становления и расцвета необыкновенно яркой личности выдающегося лингвиста.

Северокавказским народам — Дагестана, Карачаево-Черкессии, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи — хорошо знакомо имя Арнольда Степановича.

Он оказал большое влияние на развитие не только языкознания, но вообще науки и культуры северокавказских народов.

Нет ни одной автономной республики или автономной области на Северном Кавказе, где бы не трудились ученики Арнольда Степановича. Он был не только ученым-теоретиком, он умел объединять народы и крепить их дружбу.

А. Чикобава-ученый поражает и удивляет своим талантом проникновения в тайны человеческого духа и мышления, умением находить простое объяснение сложному явлению действительности.

Мы знаем Арнольда Степановича как ученого, проложившего новые пути в истории советского языкознания. Его учебники по общему языкознанию являются настольными книгами студентов-филологов всей нашей страны.

Он был образцом мужества и бесстрашия в отстаивании научно обоснованных теорий и положений.

Дискуссия 1950 года, открывшая новую эру в развитии советского языкознания, — блестящий пример его страстной борьбы во имя науки.

Талантливый исследователь грузинского языка, его истории, редактор восьмитомного «Толкового словаря грузинского языка», он был первопроходцем во всех областях языкознания, первооткрывателем новых аспектов изучаемого объекта.

Благодаря ему в науке о языке возникло новое направление — иберийско-кавказское языкознание.

Вся жизнь Арнольда Степановича была отдана советской науке, воспитанию подрастающего поколения, развитию культуры и науки.

Особенно заботливо растил он исследователей иберийско-кавказских языков.

Его труды, его светлые дела навсегда останутся в благодарной памяти наших народов.

Профессор З. И. КЕРАШЕВА, заведующая кафедрой адыгейского языка и литературы, заслуженный деятель науки РСФСР.

* * *

...Арнольд Чикобава — теоретик и организатор науки, достойный продолжатель идей Иванэ Джавахишвили, внесший выдающийся вклад в иберийско-кавказское языкознание, по праву признан патриархом кавказоведения.

Возникновение многочисленных национальных кавказоведческих центров, рождение национальных кадров ученых-кавказоведов самым непосредственным образом связано с развитием иберийско-кавказского языкознания.

Вместе с Симоном Джанашиа, Варламом Топуриа Арнольд Чикобава был связан узами личной дружбы со многими представителями дагестанской интеллигенции. Эту дружбу он пронес через всю свою жизнь и остался ей верен до конца. Арнольд Чикобава был преданным кунаком всех народов Дагестана в самом конкретном смысле этого слова. Становление и развитие дагестанского кавказоведения и вообще филологической науки в Дагестане во многом связано с его именем. Трудно переоценить заслуги А. Чикобава в деле подготовки национальных кадров ученых-филологов. В знак признания его личных заслуг перед нашей культурой ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Дагестанской АССР.

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ, старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

* * *

...Культурно-историческое значение научной и педагогической деятельности Арнольда Степановича не вмещается в рамки собственно лингвистики или в узкогеографические пределы.

К многочисленной армии подготовленных им специалистов

относится и большая группа лингвистов Северного Кавказа, в частности Кабардино-Балкарии.

Богатейшее научное наследие Арнольда Степановича еще долго будет питать кавказоведение. А личное обаяние, принципиальность, подлинно отцовская забота о подрастающем поколении, мужество снискали ему всеобщую любовь.

К нам, в Кабардино-Балкарию, он приезжал неоднократно для проведения научных сессий, чтения лекций в университете, оказания научной помощи.

Об Арнольде Степановиче у нас говорят как о мудром учителе и добром человеке.

Дж. Н. КОКОВ, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Кабардино-Балкарского государственного университета, заслуженный деятель науки КБ АССР.

* * *

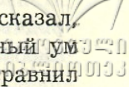
...Страсть к познанию, преданность науке, честность и принципиальность, аскетизм, требовательность по отношению к себе и нежная забота о других — все это совмещалось в личности А. С. Чикобава. Он был сыном не только Грузии. Истинный интернационалист, Арнольд Степанович принадлежал всем, в том числе и Чечено-Ингушетии, ибо нахское языкознание навсегда связано и с его именем.

Несколько лет назад, выступая на координационном совещании АН Грузии, Азербайджана и Армении, А. С. Чикобава сказал: «Мы должны воспитывать такую молодежь, которая шла бы в науку не служить в науке, а служить науке». Он не щадил себя в служении науке, не жалел себя, чтобы привить это чувство всем нам, кто знал его, кто встречался с ним, кто учился у него. И лучшим памятником для Арнольда Степановича Чикобава будет наше стремление служить науке так, как служил он, наш учитель, наш наставник.

Профессор А. Дж. ТИМАЕВ, заведующий кафедрой веинахской филологии Чечено-Ингушского государственного университета.

* * *

...Арнольд Степанович был ученым-патриотом, деятельность которого совершенно неотделима от успехов советской науки о языке.

Он обладал огромной силой убеждения, я бы сказал, магнетизма. За этой силой были замечательный природный ум и обширные познания. Как-то Арнольд Степанович сравнил деятельность лингвиста с работой рудокопа и металлурга. Те, кто близко знал его, помнят, что он сам идеальным образом совмещал в себе обе трудные профессии — рудокопа и металлурга.

Арнольд Степанович заботился о сегодняшнем дне советской науки и ее будущем. Он заботливо выращивал молодые всходы, думая о том, что их плодами будут пользоваться будущие поколения. Такая забота, в частности, проявлялась им о лингвистах Осетии.

Однажды в личной беседе Арнольд Степанович высказал такую мысль: «Настоящий ученый должен зажигать вокруг себя как можно больше огней, тогда и света будет больше». Вот таким заботливым, вдумчивым учителем он был и таким останется в сердцах тех, кому посчастливилось работать вместе с ним.

Профессор Т. А. ГУРИЕВ, заведующий отделом Северо-Осетинского НИИ.

* * *

...Многочисленные исследования А. С. Чикобава по иберийско-кавказским языкам и общему языкознанию представляют собой новое и оригинальное слово в науке.

Его труды стали основополагающими в разработке теоретических основ генетического родства горских кавказских и картвельских языков, в интерпретации природы эргативной конструкции, в выявлении окаменелых экспонентов грамматических классов, в установлении закономерных звуковых соответствий и многих других узловых вопросов иберийско-кавказского языкознания.

Неоценимы его заслуги перед грузинской лексикографией, в деле создания учебно-педагогической литературы как по общелингвистическим дисциплинам, так и по конкретным иберийско-кавказским языкам.

Для работ А. С. Чикобава характерно сочетание огромной эрудиции со строгостью научного метода, большого таланта с научной принципиальностью, высокой гражданственностью с бескорыстной преданностью науке, кровной заинтересованности в развитии нашей социалистической культуры с доброжелательностью и сердечностью.

Светлый образ Арнольда Степановича, полный благородства и мужества, не померкнет в памяти вечных благодарных его учеников.

Р. Н. КЛЫЧЕВ, декан филологического факультета Карачаево-Черкесского государственного педагогического института.

* * *

...Огромны заслуги Арнольда Степановича в развитии лингвистической науки конкретных иберийско-кавказских языков на местах. Под его руководством формировались местные кадры лингвистов. Он внимательно следил за их творческим ростом, по-отечески оказывая им всяческое содействие.

Абхазское языкознание всегда было одной из забот Арнольда Степановича. Ни одна важная проблема, связанная с научным исследованием абхазского литературного языка, не решалась без его участия. Нет почти ни одной значительной работы, которая не была бы одобрена им.

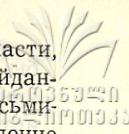
Все, кто получил общую лингвистическую подготовку под его непосредственным руководством, помнят, с какой теплотой, вплоть до мельчайших забот, относился он к своим ученикам.

Наследие Арнольда Степановича Чикобава огромно. Оно еще долгие годы будет направлять кавказоведческую науку и формировать не одно поколение ученых.

Профессор Л. П. ЧКАДУА, заведующая отделом языка Абхазского института языка, истории и литературы имени Д. И. Гулия АН Грузинской ССР.

* * *

...Выходец из крестьянской семьи, А. С. Чикобава был первым выпускником Тбилисского университета, своей alma mater, удостоенным докторской степени. Его диссертация «Проблема простого предложения в грузинском языке» наглядно свидетельствовала о том, что в науку пришел ученый, сочетающий прекрасное владение языковым материалом с даром лингвистического анализа и глубокими знаниями того, что сделано его предшественниками и современниками. Эта книга, ставшая своеобразной вехой в развитии картвелологии, и поныне привлекает к себе пристальное внимание специали-

стов, наряду со всеми трудами А. С. Чикобава в этой области, начиная с его первого исследования, посвященного ферейданскому диалекту, до созданного под его руководством восьмитомного «Толкового словаря грузинского языка». Появление его справедливо оценивалось как событие первостепенного значения не только в науке о языке, но и во всей культурной и общественной жизни республики. Не случайно возглавляемая им группа лингвистов, работавших над словарем, была удостоена Государственной премии Грузинской ССР.

Только перечень названий принадлежащих ему работ о грузинском языке, его истории, диалектологии, картвельских языках составил бы весьма обширный список. Но не менее крупный вклад внесен им в изучение горских иберийско-кавказских языков. Автор ряда выдающихся трудов, касающихся как методологических проблем иберийско-кавказского языкознания, так и отдельных языков, он был основателем и бессменным редактором «Ежегодника иберийско-кавказского языкознания» — центрального органа советских лингвистов-кавказоведов, а также заведующим Отделом горских иберийско-кавказских языков Института языкознания АН Грузинской ССР. А. С. Чикобава по справедливости может быть назван крупнейшим лингвистом-кавказоведом XX столетия, чьи труды всегда будут служить настольной книгой для каждого интересующегося этой актуальной и сложной областью современного языкознания.

Будучи ученым, всегда стремившимся к широким научным обобщениям и выводам, он, естественно, не мог оставить без внимания и проблемы общего языкознания. Его фундаментальные исследования — монографии «Общее языкознание», «Проблема языка как предмета языкознания» и другие — вошли в золотой фонд советской лингвистической литературы и представляют большой интерес как для студентов, только приступающих к изучению основ науки о языке, так и для высококвалифицированных лингвистов, разрабатывающих кардинальные проблемы теории языкознания. Достаточно вспомнить и о том, что с именем грузинского ученого неразрывно связана и лингвистическая дискуссия 1950 года, сыгравшая важную роль в развитии советской науки о языке.

Особого разговора заслуживает педагогическая деятельность А. С. Чикобава. Для тех, кому посчастливилось слушать его лекции, они навсегда остались в памяти как одно из наиболее ярких впечатлений студенческих лет. Но хотелось

бы сказать и о другом — о том горячем и заинтересованном внимании, с которым он относился к каждому, в ком замечал интерес и склонность к научной работе. Эту доброжелательность, соединенную с требовательностью, многим (в том числе и автору этих строк) довелось испытать на протяжении всей своей работы в избранной области — от первого собеседования перед приемными экзаменами до защиты докторской диссертации...

Г. Т. ХУХУНИ, старший научный сотрудник Института языкознания АН ГССР, доктор филологических наук.

* * *

...Такими учеными, каким был Арнольд Степанович Чикобава, отмечаются основополагающие этапы развития советской науки о языке. Его научное мужество и непоколебимая принципиальность открыли новые и более плодотворные пути исследования языка и вместе с тем преподали всем, кто был способен это воспринять, урок подлинной и беспредельной преданности своей науке.

Личная скромность А. С. Чикобава привела к тому, что он оказался оттесненным на задний план в истории советского языкознания, а его направляющая роль в ней стала забываться. С этим нельзя мириться уже и потому, что пламя знаменательной дискуссии, начатой им, отнюдь еще не погасло. Замечательному ученому, воплотившему в своей деятельности все прогрессивные начала нашей науки, должна быть воздана заслуженная честь. И первым шагом в этом направлении было бы составление и издание сборника памяти Арнольда Степановича Чикобава.

В. Г. ЗВЕГИНЦЕВ, профессор МГУ.

საქართველოს
ხალხთა რესპუბლიკის
ხალხთა ბიბლიოთეკა

- ДОКУМЕНТЫ
- ПИСЬМА
- ВОСПОМИНАНИЯ

Я МОГУ сказать, что никогда не видела Тициана Табидзе, хотя смотрела ему прямо в глаза; но тогда мне было всего несколько месяцев. В доме Паоло Яшвили были гости, и моя мать уложила меня в спальне. Видимо, от шума я проснулась и криком потребовала маму, которая немедленно очутилась возле меня. В этот момент Тициан случайно вошел в спальню. Услышав мой плач, он подошел, взял меня на руки, и, как мама рассказывает, я замолкла и стала молча разглядывать его. Он сказал маме то, что в таких случаях говорят матерям об их детях добрые люди. И на этом кончилось наше знакомство.

С дочерью Тициана, Нитой Табидзе, наша дружба началась тогда, когда его уже не было. Мы, Нитины друзья; провели множество чудесных вечеров в доме у Нины Александровны, супруги Тициана. Мы любили этот дом по улице Грибоедова, любили тогда уже их единственную комнату, заполненную книгами, картинами Пиросмани, Гудиашвили, Судейкина, Бурлюка... Мы любили сидеть за тем круглым столом, за которым когда-то сидели интереснейшие люди эпохи — Маяковский, Алексей Толстой, Тынянов, Есе-

Медая ДЖАПАРИДЗЕ,
народная артистка
Грузинской ССР

**ДОРОГОЙ
НАШЕМУ
СЕРДЦУ
ДОМ**

нин, Белый, Бальмонт, Пастернак, Мандельштам и другие.

Шла война. У Нины Александровны Табидзе было во всех отношениях нелегкая жизнь, но каким-то чудом она все-таки умудрялась по-матерински заботиться о нас, друзьях Ниты. А нас было немало — этих друзей. Мы приходили к ней со своими невзгодами — она нас выслушивала, утешала, наставляла, а сталкиваясь с явной несправедливостью по отношению к нам, вступала в конфликт с людьми, наносившими нам обиды, несмотря на то, что нередко, в особенности в те дни, благополучие ее жизни зависело как раз от них. Я и сейчас удивляюсь, как ей удавалось накормить столько. Бывало, тонко-тонко очистит одно яблоко, разрежет его на тончайшие дольки, каждую дольку обмакнет в жидкое блинное тесто и обжарит на кокосовом масле... Какими вкусными казались эти блинчики, и как, оказывается, мало нужно человеку... когда есть главное — мы читали стихи! Мы читали стихи, она подсаживалась к нам и радовалась вместе с нами. Мы читали стихи, теплый свет струился из-под низко подвешенного над столом абажура, и душа наполнялась теплом, покоем и верой, что, несмотря на множество горестей, жизнь все-таки чудесна!

Однажды, прочитав «Богему» Мюрже, я понеслась на Грибоедова, 18 поделиться впечатлениями с подругой. Ниты не оказалось дома, а Нина Александровна, видя, как я взволнована, внимательно выслушала меня, задумалась, словно «Богема» Мюрже напомнила ей о чем-то... и начала рассказывать о днях своей молодости, о днях богемы «голубороговцев».

Нина Александровна рассказывала, я слушала ее, и передо мной оживали тбилисские дни и ночи минувшего. О боже, какие дни и ночи — исполненные поэзии, любви и дружбы. Нина Александровна рассказывала, что, уходя поздно ночью из Союза писателей после поэтических собраний, они никогда не расходились по домам, а шли на проспект Руставели, садились там под деревьями с горячим хлебом из тонэ, которые тогда встречались на каждом шагу, и бутылкой красного вина и до рассвета читали стихи, доставляя этим большое удовольствие прохожим — любителям ночных бдений, — которые узнавали своих поэтов, присоединялись к ним, вместе с ними испытывая прекрасные озарения. А какая у них была дружба! В какой высокий ранг было возведено это благородное чувство, как они оберегали, защищали друг друга. И дружба эта соединяла не только «голубороговцев» — какое уважение к русским, армянским, европейским поэтам, какое умение ценить их дар! Вспоминала Нина Табидзе, прозванная «голубороговцами» «Коломбиной», молодые

საქართველოს
ლიტერატურის
აქადემია

годы, и постепенно убывал мой восторг от Мюрже, меркли его герои.

Дом Тициана Табидзе был пристанищем для приезжих писателей и поэтов. Чтобы представить себе атмосферу тех дней, царящую в их доме, достаточно вспомнить один эпизод. Приехал Андрей Белый с супругой. Тициан, Нина и Паоло бросили все свои дела и занялись устройством праздника для него с путешествиями, развлечениями и т. д. Каждый вечер в доме Тициана двадцать — двадцать пять человек с интересом слушали поэтические выступления Андрея Белого. Внимание и любовь хозяев привели А. Белого в чудесное настроение, к нему явилась муза: ему захотелось работать. Но, оказывается, он имел привычку работать по ночам и при этом все время пил горячий чай. Нина Александровна, которая как никто понимала, что такое для поэта вдохновение, после трудного дня бодрствовала еще и ночью, раздувала самовар и подавала ему горячий чай.

Андрею Белому так понравилось в Грузии, что он вскоре приехал сюда снова. А потом, когда уже не мог сам приезжать — присылал своих друзей, которых любил, чтобы доставить им удовольствие, будучи абсолютно уверенным в том, что доставляет этим удовольствие и хозяевам. Да так оно и было — главным для семьи Табидзе являлось общение с людьми.

Иной раз, не застав дома Ниту, я с удовольствием оставалась посидеть с Ниной Александровной, расспрашивая ее и вызывая поток воспоминаний.

Нина Александровна рассказывала, что в один из вечеров, когда в их доме гостил Белый, раздался стук в дверь. На пороге стояла дама с фиалками в руках. Это была внучка Льва Толстого, жена С. Есенина — С. А. Толстая. В наступившей тишине прозвучали тихо произнесенные ею слова: «Я приехала, чтобы увидеть вас, вашу семью, где Сергей был так счастлив и куда он так мечтал приехать снова».

Вспоминала она и о том, как приезжал к ним погостить Есенин и каким по-детски кротким и умиротворенным был в те дни этот известный своими «скандалами» поэт. Как одним утром к Нине Александровне ворвались Паоло и Есенин с белыми хризантемами. Русые волосы Есенина казались совершенно золотыми от проникавших в окно лучей щедрого солнца, и четырехлетняя Нита подошла к нему, а когда он нагнулся к ней, запустила руку в его волосы и восторженно проговорила: «окрос пули» («золотая монета»).

Поведала она также о письме, написанном Сергеем Есениным незадолго до смерти. Он писал: «Я очарован Грузией, хочу об-

ратно к вам, увидеть вас, обнять вас, пойти с Паоло на охоту». Есенин ждал от них ответа, но письмо не застало Тициана и Ни-ну в городе. А когда они вернулись в Тбилиси и прочли это письмо, поэта уже не было в живых.

От Нины Александровны я узнала и о таком эпизоде. В од-но прекрасное утро она и Тициан, беззаботно просматривая ут-ренние газеты, пришли в ужас, прочитав сообщение о том, что сегодня поэт Сергей Городецкий устраивает вечер поэ-зии в доме поэта Т. Табидзе. Молодожены были в отчаянии. Наутро после свадьбы, которую им справил Паоло (справил в чужом доме), они со своими друзьями-«голубороговцами» стоя-ли на углу улиц Чавчавадзе и Грибоедова, размышляя, куда ид-ти — у них не было своей квартиры. В это время мимо проез-жал городской голсва. Увидев Тициана, он остановил машину и сказал: «Слышал, что ты женился, да еще на княжне (Нина Та-бидзе была урожденная Макашвили), и не знаешь, куда ее по-вести. Вот тебе ключ, я только что закрыл купеческий клуб, мо-жешь временно поселиться там». Друзья бросились туда. Это был огромный дом с камином, в котором они жгли всякий хлам, радуясь теплу. Художники разрисовали стены. Гудиашвили уст-роил там свою выставку. Здесь же организовывались вечера поэ-зии, которые посещала литературная богема, а хозяева могли не особенно беспокоиться об ужине, поскольку все довольствова-лись малым. Но это объявление грозило посещением не только литературной богемы. Поэзией увлекались и другие слои обще-ства, и тут уже приходилось думать о легком, но тем не ме-нее изысканном ужине. А у них не было даже посуды. И в то время, когда молодожены лихорадочно думали, что же им де-лать, в комнату один за другим стали входить рабочие — «му-ша», внося нагруженные посудой и снедью ящики. Все это при-слал армянский поэт Ованес Туманян. Он был посаженным от-цом на их свадьбе и, прочтя заметку в газете, а также хорошо зная положение молодых, решил им помочь. «Голубороговцы» с большим уважением и любовью относились к Туманяну и ча-сто после своих поэтических вечеров собирались возле его до-ма, чтобы почтительно приветствовать его. Он появлялся на бал-коне заспанный, седоволосый, с доброй улыбкой приглашал к себе и угощал проголодавшихся молодых поэтов.

Не знаю, за мой ли повышенный интерес к ее рассказам или за то, что благодаря моим настойчивым вопросам, которые поневоле пробуждали в ней воспоминания и она снова пережи-вала те восхитительные минуты, Нина Александровна сделала мне дивный подарок, передав четыре письма — к С. А. Тол-

24.03.2021
20:01:03

стой, Б. Л. Пастернаку, И. Эренбургу и И. Андроникову. Воспоминания, связанные с посещением этих людей, очень дороги, но сейчас мне хочется рассказать об одном замечательном эпизоде из жизни этой прекрасной семьи, свидетельницей которого я была. Это произошло, когда Тициана давно уже не было.

Речь пойдет о последнем приезде Пастернака в Тбилиси, за год до его смерти. Это был трудный для него период. И вот именно в эти трудные для него дни Нина Александровна пригласила его к себе. Он приехал вместе с Зинаидой Николаевной. Мы, друзья Ниты, почти каждый день бывали у них. Нина Александровна всегда с доброй улыбкой встречала нас. Пастернаку мы тоже, видимо, не мешали. Почувствовав себя окруженным влюбленными в него людьми, он как бы ожил, помолодел, был в дивном настроении, все время вдохновенно говорил о чем-то, мы напряженно его слушали, так как вникнуть в сложный ход его мыслей, поспеть за ним для нас было не так-то легко. Большая любовь и внимание окружали его в семье Табидзе. Сюда приходили поэты и писатели, великолепный вечер устроила в честь его приезда семья Гудиашвили. Горели свечи, со стен смотрели картины художника, а мы слушали незнакомые нам стихи поэта, и это чудо продолжалось до рассвета. Под утро мы вышли от Гудиашвили. Пастернак был счастлив! На другой день, как на работу, мы снова заявили к Ните. Был солнечный день. Пастернак встретил нас радушно и оживленно. И вот я имела неосторожность спросить его о М. Цветаевой, о которой мы тогда знали очень мало. Спросила и пожалела — оживление его пропало. Он помрачнел. Огорченный, взволнованный, что-то пытался объяснить, оправдывался и тут же обвинял себя.

Рассказал нам, что не сумел попасть в эвакуацию вместе с ней, не смог. Она уехала в Елабугу. Шла война, всем было нелегко жить, у каждого были свои заботы и трудности. Тут я вспомнила годы войны, когда в Тбилиси оказалось очень много эвакуированных, в том числе и людей искусства. Нам тогда жилось нелегко, но все старались оказать внимание любимым актерам, художникам, хоть немного побаловать тех, кто оказался далеко от дома.

Со слов писательницы Наты Чхеидзе я знаю, как в дни эвакуации в Москве, в Союзе писателей она встретила Цветаеву. Та спросила: «Уезжаете? Куда?». Ната ответила: «В Грузию!». «Какое счастье! — воскликнула Цветаева. — Там так тепло».

Это тепло, любовь, которыми окружили Пастернака в семье Табидзе, заставили его вспомнить в то солнечное утро о судьбе Цветаевой. К счастью, мы были свидетелями того, как семья

Табидзе облегчила жизнь Борису Пастернаку в трудные для него дни и сделала все для того, чтобы он почувствовал себя вновь счастливым.

Наступил день отъезда Пастернака в Москву. Я не смогла проводить его, у меня был спектакль. Александр Андриадзе — супруг Ниты — и Резо Табукашвили говорили потом, что на вокзал по желанию Зинаиды Николаевны приехали рано. Сначала Борис Леонидович со всеми оживленно разговаривал, но вот все ближе были минуты расставания... Он замолк. Потом поднялся на ступеньку вагона и, казалось, видел уже одну только Нину Александровну. Поезд тихо тронулся с места, постепенно набирая скорость, и вдруг на весь вокзал пронесся надтреснутый крик Бориса Леонидовича: «Нина! Когда вернешься домой, поищи меня у себя, я там остался!». Это был его последний приезд в Грузию. Вскоре он умер. До последних минут его жизни Нина Александровна не отходила от него.

На днях в квартире на улице Грибоедова, 18 начнется новая жизнь — откроется музей Тициана. Мы, уже взрослые, снова обретем дорогой нашему сердцу дом.

Я бы пожелала своим детям и внукам, нашему будущему поколению найти в жизни такое духовное пристанище, какое в свое время нашли мы в этом замечательном доме благодаря Нине Александровне Табидзе, благодаря нашему другу Танит Табидзе, обладающей даром, унаследованным от своих замечательных родителей, протягивать в трудную минуту жизни руку помощи своим многочисленным друзьям, по сей день сумевшей сохранить прежний дух в уже общем для нас, любимом нами доме.

ВЕРНОСТЬ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ВЕРНОСТЬ ДРУЖБЕ

В НОЯБРЕ 1965 года в Москве скончался Евгений Германович Лундберг, русский советский писатель, литературовед, критик и переводчик.

В продолжение нескольких десятилетий Е. Г. Лундберг и его супруга — Елена Давыдовна Гогоберидзе активно и усердно работали по переводу, редактированию и изданию произведений грузинских классиков. Их совместные переводы «Мудрости вымысла» Сулхана-Саба Орбелиани, рассказов Ильи Чавчавадзе, мемуарного произведения Акакия Церетели, романов Лео Киачели, новелл Нико Лорткипанидзе часто выходили в московских и тбилисских издательствах. Творческая деятельность Е. Г. Лундберга была связана с пропагандой грузинской литературы и театральной культуры. В литературной прессе были опубликованы его исследования о Котэ Марджанишвили, Важе Пшавела и др. Отличный знаток европейской литературы, особенно немецкой и польской, он много трудов посвятил исследованию польской литературы XIX столетия, изучению и переводу на

русский язык произведений Генриха Гейне («Послесловие к «Романцero», «Из мемуаров господина фон Шнебелевopского», «Мемуаров...»), изданных в Москве в 1956 году. Его перу принадлежит разработка материалов к биографии зодчего и художника Андрея Воронихина, архитектора Казанского собора в Ленинграде. Е. Г. Лундберг является автором «Записок писателя» о русской литературе дооктябрьского этапа и о разложении русской эмиграции в Германии, изданных в двух томах в Москве в 1930 году статей о белорусской литературе, казахском поэте Абае и др. Особо интересна и важна монография о Важе Пшавела, созданная им в соавторстве с Е. Д. Гогоберидзе, выдержавшая несколько изданий в Москве и Тбилиси.

Грузинскую литературу Е. Г. Лундберг любил беззаветно, интересовался ее развитием и, как преданный друг Грузии, много размышлял и писал о жизненно актуальных вопросах и проблемах.

Мое знакомство с Е. Г. Лундбергом имеет достаточную давность. Еще с 30-х годов мы часто встречались у него в Москве, на Спиридоновке, у меня в Тбилиси, а также у сестер его супруги Лили и Баби Гогоберидзе на улице Саба-Сулхана. Нас объединили общие интересы, из которых сложились прекрасные дружеские, деловые, творческие отношения, о чем и свидетельствуют его письма ко мне. Из его корреспонденции я отобрал то, что счел в какой-то мере более или менее значимым и интересным для читателей.

Соломон ХУЦИШВИЛИ

13.I.49.

Многоуважаемый батоно Солико!

Посылаю Вам нашу работу — Саба-Сулхана, в которую мы, каждый по-своему, вложили много труда и любви. К сожалению, не можем послать Вам Н. Лорткипанидзе, т. к. пока из Грузии получили только 2 экз. Были бы и Елена Давыдовна² и я очень признательны, если бы Вы прислали нам хотя бы беглый Ваш отзыв: что удачно, что неудачно?..

Жму Вашу руку.

Сердечный привет Патара Лили³. Всего доброго.

Ев. Лундберг

P. S. Солико, окажите мне услугу, передайте как-нибудь прилагаемые две книги Шалве Нуцубидзе — он ведь бывает в Университете? И Саба-Сулхана — Нико Кецховели. Вам Важа московского не посылаем, т. к. текст тот же. Жму руку Вам обоим...

Леля⁴

9.II.(1950)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Вот Вам краткий отчет о том, что мне удалось за эти дни выяснить.

Разговаривал с В. В. Гольцевым насчет Ваших работ о Додашвили и народниках...

...Несколько позже попытаюсь поговорить о Додашвили в редакции исторического журнала. Посмотрим, что скажут.

Положение с Бараташвили прежнее, относятся к этой затее симпатично, но ничего не гарантируют, а требуют (кроме особых случаев) рукопись «на бочку». Я безотлагательно берусь за Бараташвили, отрывки своей работы буду посылать Вам, оставляя себе копии. Пока материал поневоле будет прерывистый, несистематизированный.

Прилагаю черновик заявки на очерки по истории грузинской литературы — просто для сведения⁵. Реального значения этот перечень сейчас иметь не может. Переговорить с Политиздатом на эту тему мне пока не пришлось...

Ев. Лундберг

В № 1 «Дружбы народов» появится большая, в 2 печ. листа, статья В. В. Гольцева о Гамсахурдия — сделана она серьезно, на большом историческом материале.

Пожалуйста, подтвердите хотя бы открыткой получение этого письма.

საქართველოს
საქართველოს

18. II. (1950)

Уважаемый Соломон Георгиевич!

Посылаю Вам разрозненные наброски для книги о Бараташвили. Дней через 10 последует еще более значительная партия. Посылаю их, главным образом, для «сведения», т. к. в ближайшие недели я буду их расширять, дополнять, уточнять. Рад буду Вашей реакции, всяким возражениям. Пока я взялся за пересмотр старых журналов. После них займусь газетами, альманахами, ведомостями и пр., эпохи Бараташвили. Библиографию тоже буду делать в двух экз. — один для Вас, другой для себя...

Два года тому назад Гогла⁶ мне говорил, что имеется переписка (в лит. музее) одного из Баратовых, жившего в России, имевшего отношение к Николозу. Гогла считал эту переписку интересной и полезной.

Привет Вашему семейству.

Как работается? Жму руку

Ев. Лундберг

10. III. (1950)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Получил Ваше письмо как раз когда заделывал в конверт прилагаемые материалы, характеризующие Тифлис 1842-45 гг. и дорогу Тифлис—Таганрог, т. е. Нахичевань. В тех же условиях ездил Бараташвили.

Следующая партия будет Нахичевань (по мемуарам), декабристы и Гянджа. Понемногу подбираюсь к газетам.

Беседуя с редакторами и издателями, пришел к убеждению, что нам нужно будет готовить два варианта книги⁷ — один для Москвы, другой для Тбилиси, особенно если есть шансы добиться грузинского издания. «Московский вариант» потребует особенно тщательной разработки русских влияний — и полит. и литературных (сколько я знаю, об этом довольно много в статьях Г. Леонидзе). Здесь ждут также своих материалов о русских декабристах на Кавказе и об их взаимоотношениях с грузинскими деятелями — особенно интересны были бы отрывки из мемуаров, письма, документы. Ценность книги для русских издателей будет в большой степени зависеть от этого момента. Я высказываю не свою точку зрения, а считаю с объективными данными. Впр. даже а priori говоря, русские декабристы не могли не влиять на Бараташвили — верно, возможно это документировать, полно и, главное, свежо. Не удивлюсь, если у нас с Вами в этой области будут

интересные находки, так что под этим углом зрения просматриваю кучи материалов в старых журналах.

Не знаю, удастся ли мне чего-либо добиться, но пытаюсь заодно извлечь материалы о Бараташвили из нахичеванского архива. Гянджа, очевидно, с этой точки зрения уже изучена и выпотрошена. Пока все. Простите за безобразный почерк: пишу в гриппу, который, впрочем, не мешает мне работать. Жму руку. Привет Вашей семье.

Ев. Лундберг

Грузинскую антологию⁸ для Вас (и для себя) я уже давно заказал, но получить ее не так легко!

23.III.(1950)

Как удачно, Соломон Георгиевич, Вы исправили мою ошибку насчет Нахичевани. А я только что заказал около десятка книг 20—30-х годов прошлого столетия, где она упоминается. Нахичевань на Араксе найти будет труднее... но попробуем. Сейчас работаю над декабристами. Выписываю все, имеющее отношение к Грузии, независимо от Бараташвили. А там видно будет, что пригодится. Все равно эту работу нужно проделать.

Вчера получил два экземпляра грузинской антологии — один экз. для Вас. Книга настолько велика, «роскошна» и тяжела, что бандеролью я ее не пошлю, буду ждать okazji. В всяком случае, она у Вас есть.

Привет всем. На днях вышлю первые листы о декабристах.

Ев. Лундберг

6.V.(1950)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Посылаю Вам очередную выписку — по-моему, очень существенную. Хорошо бы ее подкрепить и расширить какими-нибудь грузинскими материалами. Рад, что Вы нашли стоящими цитаты из декабриста барона Розена, плохое стихотворение Одоевского, на мой взгляд, очень существенно, как симптом. На днях пришлю Вам большую грудку выписок...

...Надеюсь, Вы уже получили грузинскую антологию — послана с надежной оказией.

Сегодня у меня был обстоятельный разговор с завед. отделом критики. Они задумали и начали реализовать серию книжек критико-биографического характера — размер каждой 8—10 авторских листов. Я подал заявку на Бараташвили. У меня план такой: дать два варианта — один пошире и поболь-

ше для Грузии, другой — указанного размера — для России. После заявки к 15 июня хорошо было бы дать краткий план книги. Жду Ваших наметок, чтобы успеть обменяться письмами и договориться — помните, что один из шансов московского издания — это тема русско-грузинских отношений и русско-грузинской близости. В тбилисском издании, если оно состоится, эту тему можно сузить.

Сегодня мы оформили Ваши рецензии. На днях Вам будут переведены гонорары. Обещана вполне приличная сумма. Все основания думать, что обещанное будет выполнено. Когда получите перевод — сообщите, пожалуйста.

Работаю над бараташвилевской наметкой. То, что я задумал, очень нелегко — можно сказать « мозаичная » работа. Библиограф публичной библиотеки подготавливает мне газетные и журнальные материалы, работы так много, что не хватает времени.

Неужели в грузинских мемуарах нет ничего о русских декабристах на Кавказе? Я запрашивал Киачели, он ответил мне, что ничего нет. Я не верю.

Нет ли чего о Бараташвили и декабристах в двухтомном издании писем Гр. Орбелиани (под редакцией Гацерелия)? К сожалению, у нас нет этой книги.

Всего доброго. От меня и от Лели приветы Вам и Вашему дому, от мала до велика.

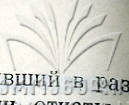
Ев. Лундберг

6.VI.(1950)

...Очень внимательно прочитал Ваш план, дорогой Соломон Георгиевич! По существу у меня нет возражений — наоборот: очень хорошо, что на первом месте история и социология. По формулировкам и деталям кое-что есть: и вопросы, и предложения. Но о них в другой раз. Надо обдумать.

План полезен еще тем, что кое-какие розыски я направлю на отдельные пункты. Так, например, русские о грузинах. Тут мемуары кое-что интересное дают. Кое-что есть в моем предисловии к «Пережитому» Акакия — книга еще не вышла, копий предисловия пришлю Вам — м. б. пригодится⁹. Кое-что возьму из воспоминаний Л. Пантелеева и др. Одним словом, материал будет. Надеюсь найти «изюминки» во всякого рода переписках. Однако все это требует раскопок в Госуд. историч. библ., чего я в ближайшие 2 недели позволить себе не могу.

Одно замечание общего характера: в обзоре политического состояния Грузии в 18—19 веках хорошо бы было до mini-

ним'а свести уже употреблявшийся, не раз проходивший в разных книгах материал — особенно цитатный. Если отчеты о сенаторских ревизиях на Кавказе (на них ссылается Ал. Казбеги в примечаниях к «Элгуджа» и др.) интересны — полагаю что-нибудь извлечь из них и т. д. Но по-прежнему возлагаю большие надежды на журнальную и газетную литературу. Как только вырвусь, в Истор. библиографии просмотрю многотомные — переписку Раевских, Волконских, Воронцовых и т. д. Там могут быть неожиданности.

Еще о Бараташвили: осень, как всегда, мы рассчитываем провести в Грузии. Тогда последняя фаза работы может быть по-настоящему совместной.

Затем к Вам покорная просьба: выслать наш том Ниношвили, о котором Вы пишете. У нас нет своего Ниношвили, и недели через 3—4 Леля начнет работать над ним. Мне заказаны предисловие и комментарии...

Ваш Ев. Лундберг

30.X.(1950)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Дело, конечно, не в «обиде», а я боялся, что у Вас было намерение издать Бараташвили к юбилею Грузии, а я это Ваше намерение сорвал.

Но случилось вот что: состоялось постановление о переиздании к юбилею ряда книг, переводчиком которых Леля, а я редактор. Это — Саба-Сулхан, Лорткипанидзе, Чавчавадзе, «Пережитое» Церетели и др. В общем — около 70 печ. листов. Все это пришлось заново пересмотреть, многое выправить, написать заново (в жестких условиях). Кроме того, меня привлекли к очень трудной работе по изданию одного польского классика (Реймонта)¹⁰ — я ведь издавна знаю польский язык и занимался польской литературой. В его эпопее «Мужики» свыше 1200 страниц. Вы понимаете, какое создалось положение! Еще у нас с месяц напряженной работы, и тогда я снова возвращусь к Бараташвили. Материал собран и намечен большой. Но мне нужна уверенность, что Вы не отказались от этой совместной работы... объективно говоря (неразборч.) о Бараташвили широкий исторический фон, роль декабристов и пр., приобрели сейчас еще большее значение.

Пишу очень наскоро, оторвавшись от работы. Оба мы безумно утомлены, жаждем передышки и... солнца. Лета у нас в этом году не было, только дожди и холод. И за полгода не было ни одного дня передышки...

Кстати: работа А. Чхеидзе о Пушкине¹¹ получила блестящие рецензии. Если встречаетесь, поздравьте от нас обоих. Жму руку.

Ев. Лундберг

26.IV.(1951)

...Высылаю Вам новое издание Нико Лорткипанидзе¹² — гл. образом из-за предисловия. Там кое-какие новые мотивы... Вы их определите по слуху.

Позвольте доложить Вам, что я снова вплотную взялся за Бараташвили. Надеюсь, Вы не охладели к этой затее. Рассчитываю очень продвинуть в ближайшие недели. Пересылать буду по частям... Набрасываю небольшую монографию: «Саба-Сулхан в свете современности..»

Ев. Лундберг

3.I.(1957)

Боюсь, дорогой Соломон Георгиевич, когда Вы видите конверт с моим почерком, Вас хватает судорога: «опять чего-то нужно этому «охери руси»?! Потерпите, уже совсем кончак книгу, и нужно мне, кроме справки что такое был князь Илья Накашидзе (его удельный вес??) ...еще один пустяк: я хочу перечесать имена писателей, вышедших из народа 2-й половины XIX века, жизнь которых закончилась трагически. Я знаю троих: Иос. Давиташвили, Эгн. Ниношвили, Важа Пшавела. Кто был еще? Теза: непризнание обществом выходцев из народа. Если Вам не трудно, помогите мне! Кто? Обещаюсь больше не тревожить.

Пишу поздно ночью. Измучен до крайности. Но кончено!

Сердечные приветы. Простите за докуку. Поздравления наши получили?

Ваш Ев. Лундберг

15.IV.(1959)

Дорогой Соломон Георгиевич!

...Я по-прежнему роюсь в материалах о декабристах, живших в Грузии. Посылаю Вам кое-какие материалы. Они не имеют непосредственного отношения к Бараташвили, но характеризуют эпоху и отношения. Особенно любопытны стихи Одоевского — они очень слабы с точки зрения искусства, но такое воспевание «брака» между Грузией и Россией бросает свет на разговоры и тенденции людей той эпохи. На днях бу-

дет готова еще грудa материала. Думаю, что грузинские исследователи прошли мимо них.

Заканчиваю два отрывка: 1. Опыт характеристики эпохи по стихотворениям Бараташвили (не касаюсь только его поэмы); 2. Опыт другой — ход развития его литературного таланта и литературных приемов.

Когда покончу с этим, примусь за газеты и журналы.

Подтвердите получение. Как идет Ваша работа? Привет семье.

Жму Вашу профессорскую руку.

Ев. Лундберг

Грузинскую антологию пришло с первой надежной оказией...

Москва, 7.V. (1959)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Так уж повелось: либо мы выродились, либо эпистолярный стиль выродился. Если пишем, то о делах. Впрочем, есть еще на свете влюбленные мальчики и девочки, которые берегут осколки этого старинного стиля.

Нужен мне от Вас хороший литературный совет! Надеюсь с обычной Вашей точностью расщедритесь на него. Не помню, говорил ли я Вам, что наш «Важа Пшавела» включен, кроме «Зари Востока», в план критического отдела Гослитиздата. В этом-то и проблема...

1. Не могли ли бы Вы приискать мне книгу Зандукели Мих. Зур.¹³ (с быстрой отдачей!) о «горной» или «горской школе» (Казбеги и Важа — кто еще?) 2. Не трудно ли было Вам очень кратко написать мне, как относятся грузинские литературоведы и лично Вы к этой книге и к самой идее «горской школы»? 3. Если положительно — м. б. и Вы об этом писали или еще кто-нибудь другой? Что и где? Пополнилась ли эта «горская школа» новыми писателями в советское время и кто эти писатели? («Мнатоби» я здесь добуду). И, наконец, последний, самый неопределенный вопрос: чем, какими параллелями стоило бы пополнить книгу? Как бы Вы отнеслись к параллели с Бернсом? Кто из русских поэтов, считается, влиял на Важу? Простите за этот длинный вопросник — как-нибудь и когда-нибудь постараюсь отслушать.

Как работается и как живется? И что поделявает Ваша милая энергичная супруга, несомненно относящаяся к горской школе, и как неписанные и подлинные романы на юной половине Вашего дома? Очень жалко, что мы о Вас ничего не знаем!

Наша жизнь в эту полосу сложна и беспокойна. Ждем
квартиры!! Обещают. Мы в списке. Список утвержден, а даль-
ше — посмотрим...

Ваш Ев. Лундберг

Москва, 19.V.(1959)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Спасибо Вам за такой быстрый и обстоятельный ответ. Ваше письмо помогло мне прийти к окончательным решениям. Московское издание я начну краткой характеристикой «горской школы». Мне больше нравится называть ее «горной», но, конечно, этой вольности я себе не позволю.

Касаться связей с Чавчавадзе и Бараташвили без консультации с Вами я боюсь — так как увы! не знаю их в оригинале, а перевод, даже наилучший, как серная кислота, съедает эти тонкости.

Параллели с русскими поэтами возникли вот откуда: у Пушкина я нашел изумительнейшее совпадение с мироощущением Важа. Это не влияние, не подражание, а именно совпадение. Гогла мне говорил, будто Баратынский влиял на Важа, и будто сам Гогла писал об этом. Этого я не нашел (с помощью Лели) в грузинском «Литературном наследстве», на которое сослался Гогла. Если Вы знаете, укажите, будьте другом, — книгу я найду в Ленинской библиотеке.

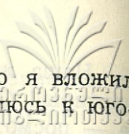
Книжные просьбы ограничиваются тем, что Вы указываете: 1. Очерки А. Махарадзе о Бачане и Тедо¹⁴ и, если издавались, — то и стихи последних; а также монографию М. Зандукели. Книги задержу у себя месяца полтора—если не возражаете? (у нас из Ваших книг остались только Махарадзе об Эгнате Ниношвили и грузинское издание Саба-Сулхана с предисловием Иорданишвили — возвращу все сразу¹⁵. Книгу я должен сдать к июлю, может быть справлюсь и раньше.

Спешу ответить Вам — пишу поэтому только о делах. Тем более, что дни проводил на съезде... Сегодня выступает Ираклий...¹⁶

Ваш Ев. Лундберг

8.I.(1960)

...Затем, я потрясен обузой, которой стала для Вас моя статья о Марджанишвили¹⁷. Таким образом, Вы оказались неожиданно-негаданно ее редактором. Леля пересказала мне красоты, которые она открыла в переводе. Если бы не Вы и не она, автор статьи был бы единогласно признан выжившим из ума

идиотом. Без всяких шуток — статья, в которую я вложил столько труда, была бы убита. И опять я становлюсь к юго-востоку и отвешиваю глубокие поклоны...

14.I.(1960)

...После появления «Марджанишвили» на грузинском языке я так или иначе буду хлопотать о русском издании. Это не так просто, так как автор идет вразрез с рядом привычных оценок, особенно МХАТ'а, и трогает темы, которые театроведы избегают трогать — касающиеся Станиславского, которому я хочу посвятить особую работу такого же стиля (сжатую, деловую и... правдивую).

Оказалось, что Леля оставила в Тбилиси все мои листки с поправками, очень для меня существенными, и общий список поправок (машинописи). Посему к Вам большая просьба: поскольку Шалва Алхазидзе¹⁸, очевидно, уже кончил работу, взять у него эти листы с исправлениями и список поправок и вставок. Такой же список поправок и первую часть рукописи Леля, уезжая, оставила у Сулакаури¹⁹, и, очевидно, их Сулакаури передал дальше — либо переводчику, либо редактору. Нельзя ли, дорогой Соломон Георгиевич, при случае, не тратя лишней энергии, выручить эти листки, т. е. и список и первую часть рукописи, и передать их мне, когда они уже не будут вам всем нужны. Вторая часть рукописи — правленая, у Вас с нею поэтому дело обстоит проще...

7.II.60

Дорогой Соломон Георгиевич!

Спасибо Вам за добрые вести. И еще раз прошу прощения за большой труд, который мы взвалили на Ваши плечи. Если бы не Вы, кто вообще и кто с такой тщательностью проделал все это! Я так рад, что для отдельного издания в Аджарском Госиздате хозяева его решили заказать новый перевод Илье Руруза²⁰ — он прекрасный стилист. Но я просил его подождать выхода «Мнатоби».

Мне так обидно, что из-за всяких обстоятельств в долгий ящик заложен мой эссе о Сулхан-Саба. Люблю Саба и пока люблю эту свою работу... Привет Готуа²¹, Леля получила его книгу. Вам и ему высылаем нашего Важа Пшавела.

Ев. Лундберг

21.III.(1960)

Дорогой Соломон Георгиевич!

Как видите, мы без Вас и шагу ступить не можем. Этакая

беспокойная клиентура!... Недели через 2 мы должны сдать Гослитиздату томик избранных повестей Казбеги. Как всегда заново просматриваем перевод, а я пишу еще вводную статью. И вот мы установили, что в переводе Твалтвадзе-Кочеткова «Элгудже» предпослано некое «введение» в полторы страницы, а в конце имеется отрывок, которого нет в имеющихся у нас грузинских изданиях. Перевод Твалтвадзе вышел в 1948 году (I том). Леля проверила текст по грузинскому изданию 46 г. (I том) и 47 г. (II том). Там ничего подобного нет. Откуда же она взяла и «введение» и концовку? Если Вы знаете — а верно знаете! — научите и нас. Где искать? Или обойтись без них? Как посоветуете? (Литературно это малс интересно, на мой вкус). Книги, если нужно будет, мы возьмем в нашей публичной библиотеке. Жду от Вас авиаоткрытки... Есть кое-какие литературные новости, но сейчас очень спешу. В другой раз.

Ев. Лундберг

КОММЕНТАРИИ

1. Саба-Сулхан Орбелиани, «Мудрость вымысла», перевод с грузинского Елены Гогоберидзе, под редакцией Е. Г. Лундберга, М., 1948 г.

2. Елена Давыдовна Гогоберидзе (1897—1978), писатель-литературовед, переводчица грузинских классиков на русский язык.

3. «Патара Лили» — Лили Ильинична Кутателадзе (1907—1979).

4. Леля — см. пр. 2.

5. Привожу текст заявки: «Очерки грузинской литературы. Объем около 18 авторских листов. 1. Вводная статья — «Тема борьбы и героизма в грузинской литературе». Объем около 4 авт. л. Частично статья была напечатана в юбилейном номере журнала «Детская литература». 2. Саба-Сулхан Орбелиани. Грузинская проза XVI—XVII столетий. Саба-Сулхан—новатор. Его стиль, типы, идеи. Толковый словарь Саба-Сулхана. Его путешествие по Европе. Саба-Сулхан в России. 3. Давид Гурамишвили, XVIII в., жизнь и творчество. Взгляд поэта на историю Грузии. 4. Николоз Бараташвили и грузинские романтики. Работа о Бараташвили частично напечатана на груз. языке в газ. «Литература и искусство». 5. Поэтика И. Чавчавадзе. Характеристики по его произведениям представителей дворянства, служилого сословия. Крепостники и либералы. Бунтари и примиренцы. Дворянское вырождение и взгляд в будущее страны. 6. А. Церетели — мастер полемик в стихах и прозе. 7. Публицистические произведения боль-

ших грузинских поэтов XIX века — А. Церетели, И. Чавчавадзе, Важа Пшавела и др. 8. Предвестники революции в художественной литературе. Писатели советского периода. 1. Лео Киачели. Статья частично напечатана и на русском и на грузинском языках. Включена в сборник «Советские писатели», изд. Совинформбюро. 2. Нико Лорткипанидзе. Частично напечатана на русском и груз. языках. 3. Галактион Табидзе-лирик. 4. Г. Леонидзе. Частично напечатана на русском, украинском и грузинском яз. 5. Симон Чиковани. Частично напечатана на русском яз. в журнале «Октябрь». 6. Молодые поэты — гг. 1945-49. Елена Гогоберидзе, Евг. Лундберг».

6. Гогла — Леонидзе Георгий Николаевич, поэт, исследователь литературы (1899—1966).

7. Ев. Лундберг в соавторстве со мной намеревался написать монографию о Николозе Бараташвили.

8. Антология «Поэзия Грузии», М., 1949 г.

9. «Пережитое» А. Церетели, второе изд., перевод Е. Гогоберидзе, редакция и предисловие Е. Г. Лундберга. Подписано к печати 13 марта 1950 г.

10. Реймонт Владислав Станислав, польский поэт, 1867—1925. Его роман «Мужики» вышел в Москве в 1954 г. В подготовке издания этого произведения принимал участие Е. Г. Лундберг.

11. Работа Анны Ильиничны Чхеидзе (1892—1969) «История Пугачева Пушкина».

12. Нико Лорткипанидзе, «Избранное», пер. Е. Гогоберидзе, редакция и предисловие Е. Лундберга, М., 1951 г.

13. Михаил Зурабович Зандукели (1889—1968), профессор. В его книге «Очерки по истории грузинской литературы XIX века» (Тб., 1941 г.) есть глава «Горская поэзия».

14. Книга А. С. Махарадзе «Очерки по истории грузинской литературы», т. II, Тб., 1955 г.

15. Ф. Махарадзе «Эгнате Ниношвили, жизнь и творчество» (на груз. яз.), Тб., 1930 г.

16. Ираклий Абашидзе, поэт, академик АН ГССР.

17. Статья Е. Г. Лундберга «Творческий путь и наследство Котэ Марджанишвили» напечатана в журн. «Мнатоби» №№ 1, 2, 3 за 1960 г.

18. Шалва Ильич Алхазидзе, искусствовед, литературовед, сотрудник редакции журн. «Мнатоби» (1899—1980).

19. Арчил Самсонович Сулакаури, поэт, прозаик, тогда сотрудник редакции журнала «Мнатоби».

20. Илья Парменович Руруа, писатель, публицист.

21. Леван Партепович Готуа, писатель-прозаик (1905—1973).

34.1935721
4122010033

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Станислав ЛАКОБА

ОТРАЖЕНИЯ В МАЛЕНЬКОМ ЗЕРКАЛЕ...

ПАПАША, — ответил Король пьяному отцу, — пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...»

Многим знакома эта замечательная по своему колориту фраза героя «Одесских рассказов», короля Молдаванки, романтизированного налетчика Бени или Бенциона Крика. А ведь сама по себе она очень проста и наверняка осталась бы совершенно незамеченной читателем, если бы великий мастер слова И. Бабель придерживался исключительно общепринятых норм русского литературного языка. Однако писателю в данном случае необходимы были прежде всего штрих, интонация, намек на жаргон, а не грамматические правильности. Он обрисовывает внутренний мир своего героя через вопиющую «неграмотность». Но как прекрасна она в своей нелепости!

Ирония, юмор, лиризм — вот, пожалуй, главные черты, характерные для творчества И. Бабеля, для его первой значительной вещи — «Конармии», отдельные новеллы которой появились в печати в 1923 году. В первой советской «Литературной энциклопедии» (1930) о пионере революционной тематики говорилось: «Рассказы о Конармии выдвинули его в пер-

вые ряды советских художников слова. Новизна материала, целиком взятого из революционной, еще не нашедшей отображения в художественной литературе, жизни, а также оригинальность выполнения не могли не сделать из новелл Бабеля о Конармии чрезвычайно значительных произведений».

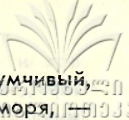
В период работы над «Конармией» писатель неоднократно приезжал в Абхазию как специальный корреспондент газеты «Заря Востока». В автобиографии Бабель упоминал, что «был репортером... в Тифлисе», где трудился с июня по декабрь 1922 года. Под псевдонимом «К. Лютов» он печатал свои газетные очерки и статьи. Интересно отметить, что Бабель состоял в Первой Конной с документами на имя Кирилла Васильевича Лютова. От лица Лютова написана и большая часть новелл «Конармии».

Работая в «Заре Востока», Бабель опубликовал под псевдонимом «К. Лютов» 8 очерков, причем три из них посвящены Абхазии, становлению молодой советской республики. На сегодняшний день с этими произведениями знаком лишь тесный круг исследователей. Вместе с тем журналистская работа сыграла огромную роль в формировании писателя. «С первыми номерами «Зари Востока», — писал он, — связана счастливая пора моей жизни в Тифлисе и начало литературной работы». Здесь созданы не только новеллы из «Конармии», но и один из лучших его рассказов — «Мой первый гонорар...»

В сентябре 1922 года в очерке Бабеля «Столица Абхазии» (6 сентября, № 66) говорится: «Из Батума в Сухум отходит громадный пароход «Ильич», бывший океанский пароход «Вече». На пароходе чистые каюты. По вечерам в буфете дается концерт. Куплетисты, рассказчики, певцы и танцоры делают все от них зависящее, чтобы доставить вам приятное времяпрепровождение. Это все герои из «Одессы-Мамы». Днем они совершают различные сделки, слезают в портах, покупают и продают товары, — вечером они развлекают публику и поют самые веселые куплеты, высмеивающие НЭП. И за это они пользуются правом бесплатного проезда «Батум — Одесса и обратно».

Так начиналась одна из первых публикаций о Советской Абхазии в «Заре Востока». И тем более приятно, что автором этого, ранее неизвестного литературоведам очерка был молодой Бабель. Таким образом, к трем материалам — «Табак», «Гагры», «Ремонт и чистка», появившимся на страницах газеты за подписью «К. Лютов», прибавилась еще одна публикация, самая ранняя по времени из серии очерков, помещенных под рубрикой «Абхазские письма» («Письма из Абхазии»).

Рано утром при ясной погоде «Ильич» стал на рейде. «Су-

хумская бухта — это какой-то монастырь, тихий и задумчивый, на фоне капризного, иногда свирепо бьющего волнами, моря», — писал Бабель. — А за этой бухтой живописно приютился такой же тихий и задумчивый городок, ярко белеющий своими белыми домами, издали напоминающими дворцы, и своей необыкновенной зеленью, пальмами и кипарисами. Сухум — столица маленькой республики Абхазии».

Однако, как оказалось, это было первое впечатление от города: днем он уже напоминал деловую биржу «со своими особенностями и прозаичной практичностью». Писатель оказался в Сухуме в самый разгар нэпа, когда оживились капиталистические элементы и наиболее остро стали проявляться мелкобуржуазные тенденции. «В больших ресторанах-кафе, — замечал Бабель, — расположенных тут же на берегу моря, восседают продавцы и покупатели, маклеры и комиссионеры, иностранцы и туземцы. Тут же в кафе, за стаканами кофе с хачапури, совершаются сделки, которые потом уже оформляются где-то в Совнархозах, Внешторгах и др. Иностранцы очень щедры и целый день сидят в ресторанах, окруженные толпой маклеров, комиссионеров, протекционеров и прочей нэповской публикой, слушают звуки эзехского «одесского» оркестра и потом с обворожительной улыбкой оплачивают лирами часто довольно большие счета». Корреспондент подвергает резкой критике тех государственных служащих, представителей новой власти, у которых «вместо связи с массами налаживается связь с иностранцами».

Новая экономическая политика, одобренная X съездом РКП (б) в 1921 году, была необходимой, вынужденной мерой и проводилась в интересах укрепления союза рабочего класса с крестьянством. Нэп встряхнул и вызвал к жизни многие отрасли экономики страны. В. И. Ленин подчеркивал, что допущение капитализма под контролем государства в известной мере было выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелкокрестьянской стране. Оно ускоряло подъем сельского хозяйства и крупного промышленного производства. Для более быстрого восстановления промышленности рекомендовалось привлекать иностранный капитал. Результаты этой гибкой меры сказались незамедлительно. «Еще год тому назад Сухум был пустынным и тихим городком, — сообщал Бабель. — А теперь в нем кипит жизнь новая, торговая, деловая. Как грибы, вырастают во всех направлениях магазины и будки, преисполняя искренним восторгом сотрудников наркомфина Абхазии, которые тотчас же составляют новую смету косналогов. Базар переполнен продук-

тами, магазины — товарами. Налицо все признаки «благотворения».

Писатель с иронией высветил восточные особенности в размеренном ритме городка, его своеобразии и колорит: «Порою кажется, что только на базаре и в кафе бьется пульс жизни Сухума, только здесь центр тяжести всего, а остальное — так, нечто вроде придатка к этому, главному и основному. Очень часто даже бывает так, что в учреждении вы не найдете нужного вам человека, ибо в это время он занят в кафе. Но сухумцы отлично знают, куда надо обращаться и где кого искать. И все опять хорошо, мирно, тихо и комфортабельно. Под сенью деревьев под звуки оркестра, за стаканом хорошего абхазского вина «Изабелла»... Вечером ночь окутывает весь город мягким нежным покровом. На набережной гуляют красиво разодетые дамы. А с ними все те же знакомцы, которых вы целый день видели в кафе. И огоньки в море приветливо, но лукаво мигают вам. И кажется, что весь Сухум расположен на набережной, и кроме набережной и его гостеприимных кафе, где восседают щедрые иностранцы, в Сухуме ничего больше нет. Даже море, изумительно пьянящее сухумское море, составляет только «бесплатное приложение» к набережной кофейни».

Шел второй год Советской власти в Абхазии. Начиналась борьба нового со старым, которое цепко держалось за частнособственнические настроения. В условиях Сухума, где рабочий класс составлял незначительный процент, мелкобуржуазная психология проявлялась во всех областях жизни и новому ее расцвету способствовал нэп. Поэтому для нас представляет огромную ценность каждая документальная строчка Бабеля об этом своеобразном переходном периоде и его особенностях в Абхазии.

Следующий свой очерк, появившийся в «Заре Востока» 29 октября 1922 года (№ 112), писатель назвал «Табак». Это письмо из Абхазии не случайно было посвящено табаководству, так как оно являлось «экономическим стержнем края». В 1914 году сбор табака здесь достиг миллиона пудов. «Фабрики Петрограда, Ростова и юга России работали на сухумском сырье, — писал Бабель. — Отпуск за границу увеличивался с каждым годом. Прежние монопольные поставщики табака — Македония, Турция, Египет — не могли не признать несравненных качества своего конкурента. Тончайшие сорта, выпускаемые прославленными фабриками Каира, Александрии, Лондона — приобрели особую ценность от подмеси абхазского табака».

Иностранный капитал бурно устремился на побережье: выросли громадные склады, размножились промышленные план-

тации. Несмотря на притеснения царской администрации и грабительство скупщиков, местному крестьянству табак все же приносил определенный доход, а занятие табаководством было более выгодным делом.

«После 14 года война начала свою разрушительную работу,— продолжает исторический экскурс Бабель. — Волны переселенцев смяли драгоценную культуру, первый натиск революции не мог не усугубить кризиса, а меньшевики, эти роковые мужчины, разломали все вдребезги. Поистине, в этом феерическом и плодородящем саду, который называется Абхазией, научаешься с особой силой ненавидеть эту разновидность вялых мокриц, которые наследовали здесь всеми проявлениями своего творческого гения. За два года своего владычества они успели разрушить все жизненные учреждения города, отдали лесные богатства на разграбление иностранным акулам и объявлением табачной монополии добились вконец нерв страны».

В результате «материальные условия абхазского селянина ухудшились резко». Автор отмечал: «Таково было наследие меньшевиков». За ликвидацию этих последствий взялась Советская власть, которая первым делом отменила табачную монополию. «Стремление к посадке табака всеобщее, — заключал Бабель. — Единственное о чем взывает плантатор — это о твердом законе для табачной промышленности... Смещению понятий и шатанию умов пора положить предел. Иначе золотые руды табачных приисков грозят замереть надолго, к великому ущербу для Федерации».

Положение в табаководстве неуклонно выправлялось. Эта отрасль, как и прежде, начинала занимать ведущее положение в экономике. Одним из самых важных в Абхазии был и вопрос курортного строительства. Руководство республики во главе с Нестором Лакоба обратило в первую очередь внимание на бывшую «Гагринскую климатическую станцию» принца А. П. Ольденбургского. По заданию «Зари Востока» Бабель в ноябре 1922 года вновь едет в Абхазию и публикует (22 ноября, № 131) прекрасный очерк «Гагры» на злободневную тему восстановления этого курорта. «Волею державного деспота на скале воздвигся город, — писал он. — Были построены дворцы для избранных и хижины для тех, кто избранных будет обслуживать. На глухом берегу заиграли огни, и тугие кошельки с продырявленными легкими потянулись к скале светлейшего деспота. Всё текло, как положено. Дворцы цвели, хижины гнили. Дырявые легкие избранных выздоравливали, здоровые легкие служащих крошились и разрушались, а необузданный старый принц неумоимо

гонял лебедей по своим прудам, разбивал цветники и карабкался по кручам, водружая на недосыгаемых вершинах дворцы и хижины...»

Художник нарисовал мрачную картину запустения элитарного курорта дореволюционной России. Сквозь газетные строчки прорывались мощные разряды будущей бабелевской прозы. «Война и вслед за нею революция. Прибой и отливы Красных знамен. На модных курортах не стало больных, а у сиделок не стало хлеба. Грохот сражений на больших дорогах и присевшая на короточки тишина в глухих углах. Всероссийская буря выбрасывает ненужный щебень на дальние берега и трупы крыс, бежавших с корабля. А мертвенные Гагры, эта величаявая нелепость, глухнут и дичают на своей разрушенной скале, всеми забытые, ничего не производящие... Еще и теперь впечатление, производимое этим унылым и диковинным городком, — ужасно. Он похож на красавицу, ободранную дождем и слякотью, или на трупку испанских танцовщиц, гастролирующих в голодающей волжской деревне. Пруды, разбитые вокруг дворца, превратились в болота и их ядовитое дыхание выпивает из призрачного и жалкого населения последние остатки сил. Невособразимые шафранные люди в стукалках и вицмундирах расхаживают среди сумрачных балаганов, стиснутых гранитными стенами многоэтажных великанов. Безумие Гойи и ненависть Гоголя не могли бы придумать ничего более страшного. Обломки крушения, бессмысленные видения прошлого, это дореформенное чиновничество, сожженное нищетой и малярией, застрявшее почему-то в живых, бредет здесь, как грустный символ умершего города».

Такова была Гагра в эпоху своего упадка, с 1917 года. Но вот, спустя пять лет, Советская власть открыла здесь первый лечебный сезон. «Санатории чистятся и приводятся в порядок, — сообщает писатель. — Ждут больных товарищей из РСФСР и Закавказья. Санаторий предположено развернуть на 150—200 коек. Возможности в Гаграх велики... Курортное управление до сих пор, как известно, не страдавшее от переутомления, проявляет кое-какие признаки жизни. На опавших щеках городка заиграла робкая улыбка ожидания. Гагры ждут новых птиц и новых песен. Эти измученные, заболевшие, но неутомимые птицы, оплодотворившие беспредельные пространства нашей страны, — пусть приложат они частицу свей животворящей энергии для того, чтобы возродить к жизни целительную климатическую станцию..., имеющую все права к существованию».

Здесь следует отметить, что исследователи творчества И. Бабея часто упоминают очерк «Гагры ждут новых песен», опубли-

საქართველოს
რესპუბლიკის
საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

кованный им якобы в «Заре Востока» в 1922 году. Однако это утверждение ошибочно, так как он был напечатан гораздо позже и представлял собой сокращенный вариант очерка «Гагры», в котором, кстати, есть строчки: «Гагры ждут новых птиц и новых песен».

Последний материал об Абхазии, появившийся в газете 14 декабря 1922 года (№ 150) за подписью «К. Лютов», назывался «Ремонт и чистка». В нем Бабель рассказал о том, как правильный подход к нэпу помог восстановить и значительно улучшить народное хозяйство Сухума.

«Немножко истории, — предлагал он. — Знать ее необходимо для того, чтобы увидеть, как правильно иногда (к сожалению, не всегда), с каким верным чутьем применяется НЭП на местах (к сожалению, не во всех местах). В прошлом году городское хозяйство Сухума подошло к той черте, за которой начинается катастрофа. Большевики подорвали его вконец.. Ограбленная меньшевиками электрическая станция едва дышала. И главное — не было сознания того, что необходимо во что бы то ни стало восстановить наши города, колыбель пролетариата. Коммунхоз не имел ни авторитета, ни средств — знакомая картина».

Но вот наступил 1922 год. Коммунхоз стал решать вопросы о водопроводе, электрификации Сухума, ремонте городских зданий. Еще полгода назад у Коммунхоза были только долги, а в декабре он уже содержал на свои средства школы, больницу, приют. «Все это достигнуто разумной арендной и торговой политикой без нажима на налоговый пресс», — писал Бабель. Вот как в соответствии с ленинскими планами должен был обернуться нэп в пользу трудящихся. Вопрос «кто кого», капитализм или социализм, решался в пользу последнего. Все рычаги руководства нэпом находились в руках партии и трудящихся.

В Сухуме это выглядело так: «За столом сидит рабочий в кожаном картузе. У этого стола бьются крикливые волны «буржуазной стихии», домогательства плохо понятого НЭПа, опасная вкрадчивость подрядчиков и подозрительные выкладки всяких торговцев, капризная требовательность инженеров, жалобы старушек». Далее Бабель подчеркивал: «Важно не то, что одно из наших учреждений справляется со своим делом. Радостно знать, что вопрос, возбужденный сравнительно недавно, вопрос трудный и сложный, понят и разрешен в заброшенном от центра углу... Великое усилие ремонтирующейся, чистящейся федерации нашло здесь, в этом маленьком зеркале, верное отражение».

Столица Абхазии благоустривалась, оживала после долгих лет разрухи. «— Дайте нам три года, — говорил писателю зав-

коммунизмом, — и вы не узнаете Сухума. Год тому назад было плохо, сейчас стало лучше, через три года будет совсем хорошо... Приезжайте через три года в Сухум — вы не узнаете его.

И я верю в это...»

Спустя две недели вся страна праздновала образование СССР. «Абхазские письма» Бабеля — яркий репортаж о строительстве новых отношений между людьми, революционном энтузиазме и, конечно, об объективных трудностях. Во время служебных командировок в Абхазию Бабель неоднократно встречался с председателем Совнаркома республики Нестором Лакоба. Между ними установились тогда товарищеские отношения. Бабелю только что исполнилось 28, Лакоба был на год старше. Несмотря на молодость, оба еще недавно отстаивали революцию в гражданской войне, а потом строили мирную жизнь.

Как известно, до приезда в июне 1922 года в Тифлис и работы в «Заре Востока» Бабель жил в Батуме. По-видимому, тогда он и посетил впервые Абхазию. В автобиографической повести К. Паустовского «Бросок на юг» читаем: «Как Бабель попал на несколько дней из Батума в Сухум, этого я не помню. Скажу только, что любознательность Бабеля разрушала все преграды. Итак, мы ехали в Новый Афон...» В Эшерах они стали свидетелями перестрелки между комиссаром ЧК К. Инал-ипа и братьями Эмухвари, а затем остановились на ночлег в монастырской гостинице. На следующий день И. Бабель и К. Паустовский сели в Афоне на моторный дубок «Лев Толстой» и поплыли в Сухум, где Бабель прожил пять дней и снова возвратился в Батум.

Пройдет несколько месяцев и писатель создаст серию замечательных очерков об Абхазии...

По всей вероятности, он опубликовал в «Заре Востока» не только те корреспонденции, которые подписаны псевдонимом «К. Лютов», но гораздо больше. Ведь Бабель являлся специальным корреспондентом газеты в Абхазии и Аджарии и многие написанные им материалы шли без подписи, а возможно, и под другими псевдонимами. Принято считать также, что публикация его материалов в «Заре Востока» прекратилась после отъезда писателя в декабре 1922 года в Одессу. Однако можно предположить, что по крайней мере несколько его материалов были присланы в редакцию и напечатаны в начале 1923 года. Дальнейший поиск исследователей определит, насколько соответствует действительности такое мнение. И еще одно обстоятельство. Первые рассказы И. Бабеля напечатал в 1916 году А. М. Горький. Затем на семь лет — с 1917 по 1924 — он по рекомендации Горького «ушел в люди». Его работа в «Заре Востока» относится как раз

ко времени этих скитаний. В автобиографии он отмечал: «И только в 1923 году я научился выражать мои мысли ясно и не очень длинно. Тогда я вновь принялся сочинять».

Бабель неоднократно посещал Абхазию в 20—30-х годах. Но, к сожалению, не все его приезды можно подтвердить документально. Так, о пребывании Бабеля в Абхазии осенью 1933 года тоже не было бы известно, если бы супруга писателя А. Н. Пирожкова не опубликовала в 1972 году свои воспоминания.

«Мы поехали в Гагры в теплый солнечный день в открытой легковой машине, — вспоминала она. — В Гаграх шли съемки «Веселых ребят», и мы с Бабелем пропадали на них, смотрели, как снимают то Утесова, то Орлову, то как без конца бултыхается в воду очень милая актриса Тяпкина».

Они совершали прогулки в Жозкварское ущелье, купались в море, вечерами у перса Курбана пили чай с кизилковым вареньем. Здесь же, в Гагра, в доме отдыха ЦИКа, состоялась встреча И. Бабеля с Н. Лакоба. В письме к автору этих строк супруга писателя А. Н. Пирожкова рассказала об этом неизвестном факте следующее: «Я не была знакома с Нестором Лакоба, но я видела его. Когда мы с Бабелем приехали в Гагры в 1933 году, должно быть в конце сентября или в начале октября, Бабель мне сказал, что здесь сейчас Лакоба и он хотел бы с ним повидаться. Я помню, что мы вместе подошли к какому-то зданию, расположенному в парке, я осталась сидеть на скамейке перед входом, а Бабель пошел внутрь здания к Лакоба. Через какое-то время Бабель вышел вместе с Нестором. Он был небольшого роста... Мне кажется, у него был слуховой аппарат, от уха протянулся шнурок черный... Бабель попрощался с ним и подошел ко мне. О чем они говорили, Бабель мне не рассказывал, но у меня создалось впечатление, что они были знакомы и раньше. Отзывался о Лакоба Бабель очень уважительно, сказал, что в Абхазии нет более примечательной личности, чем он».

Бабель любил наш край, прекрасно относился к его древнему народу, был не только свидетелем первых шагов новой власти в Абхазии, но и первым публицистом, рассказавшим о социалистическом строительстве в республике. Его «Абхазские письма» — бесценный материал не только для литературоведов, но и для историков. В свое время критик Е. Краснощекова отмечала: «С каждым десятилетием возрастает интерес к творчеству Бабеля в нашей стране, за рубежом. Годы подтвердили, что это один из тех художников, на которых «работает» время».

Наталья
БЕРУЧАШВИЛИ

ГЛАВНАЯ ТЕМА — НАРОДНЫЙ ПОДВИГ

●
МЕМОРИАЛ «СЛАВА»
В ТБИЛИСИ

ПРОХОДЯТ десятилетия, отдаляя от нас годы Великой Отечественной войны, но жива память о подвиге народа, выстоявшего и победившего.

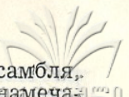
У нового поколения, родившегося и выросшего много лет спустя после «победного сорок пятого», представление о войне изменилось. Это естественно. Нет той боли, остроты чувства в восприятии исторических фактов, присущих человеку, вынесшему на своих плечах все трудности фронта и тыла.

Иное отношение к раскрытию темы войны находит свое отражение и в художественном творчестве. Этот процесс характеризуется поисками новых композиций, включающих в себя гармонические начала и диссонанс, символ и метафору.

В этом плане представляет интерес мемориальный ансамбль «Слава», открытый в Тбилиси, в парке Победы, в дни празднования 40-летия разгрома фашистской Германии (авторы: скульптор Г. Очиаури, архитекторы О. Литанишвили, В. Алекси-Месхишвили и К. Нахуцришвили).

Парковая зона с регулярной планировкой и богатой растительностью является природным аккомпанементом темы ансамбля — торжественной и скорбной. В осуществлении замысла авторы удачно использовали крутизну горного склона, ориентированную в сторону города и способствующую четкому осевому построению композиции мемориала.

Симметрия давно легла в основу традиционной клас-

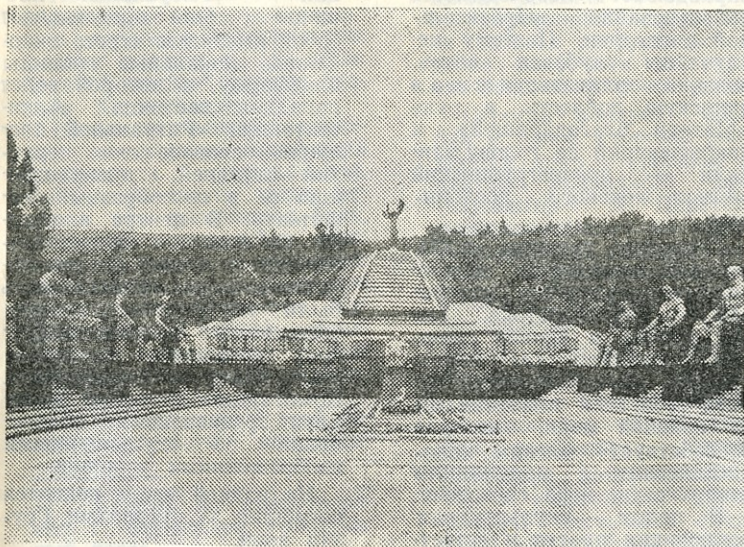
сической схемы построения архитектурно - скульптурного пространства. К ней обращаются и авторы мемориала «Слава». Прямая визуальная ось связывает площадку перед парком на проспекте И. Чавчавадзе через ряд зон возрастающего значения — сложную систему акваторий, «Ритуальную площадь» с могилой Неизвестного солдата и вечным огнем, через многоступенчатый каскад воды с фактической доминантой ансамбля — монументом Матери-Родины.

Созданная ранее система акваторий легла в основу замысла скульптора и активно включена в драматургию мемориала. К синтезу двух начал — скульптуры и архитектуры — присоединяется живая природа — вода, символ вечной жизни. Каскад, ставший существен-

ным фрагментом ансамбля, как бы пунктиром намечает его центральную ось. Это водопадные ступени с вздымающимися по бокам фонтанчиками чередуются партерными площадками-мостиками. Они вносят возможность дополнительного обзора всех элементов ансамбля с разной высоты. Вода, переливаясь в бассейн у подножия каскада, течет по широкому неглубокому каналу и разряжается в центре парка алмазными россыпями струй мощного фонтана.

Монотонные лестничные марши, окаймляющие каскад, узкими лентами тянутся вверх, где на небольшом постаменте возвышается фигура «Матери благодарщей».

Монумент приковывает к себе внимание уже при входе в парк. Огромная фигу-

ра склонилась над «Ритуальной площадью» с могилой Неизвестного солдата. Одухотворенность образа достигается выразительной постановкой самой фигуры: она наклонена вперед, что создает впечатление ее полета.

Скульптурная композиция построена на сопоставлении четкой вертикали самой фигуры с пластической свободой сложных форм развевающегося мандили (платка). При отходе от центральной оси, особенно с боковых точек обзора, его динамика более явственна: кажущиеся легкими полосы мандили меняют свои очертания, и возникает ощущение их парения в воздухе. Несложный узор складок одежды выявляет красоту и совершенство женского тела.

Глубокое понимание мастером сложной природы художественного символа оправдывает необходимость использования выразительной аллегории. Поэтому неслучайны дубовая ветвь, издавна олицетворяющая воинскую доблесть, в руке «Матери благодарящей» и покрывающий ее голову мандили — древнегрузинский символ женского достоинства.

Огромные размеры скульптурной композиции обусловили использование материала — железобетона, так как камень и бронза слишком утяжелили бы конструкцию. Железобетонная основа покрыта пластинками из кованой меди, которая способствует мягким колористическим модуляциям поверхности, игре светотени.

В целом скульптурная композиция проста и естест-

венна. Ясным силуэтом читается она на фоне окружающего пейзажа и гармонично воспринимается с любых расстояний.

В трактовке образа Матери-Родины скульптор опирался на широкий круг ассоциаций. Можно вспомнить аналогичные работы, созданные Кишфалуди-Штроблем в Будапеште, В. Исаевой на Пискаревском кладбище в Ленинграде, Е. Вучетичем на Мамаевом кургане в Волгограде, где скульптуры выступают как логические и композиционные центры мемориалов.

Данная модель ансамбля «Слава» строится иначе и является ее оригинальным вариантом, ибо с перестановкой смысловых акцентов доминанте отведена роль лишь дополнительного пластического образа.

Идейный центр мемориала, кульминация композиции — «Ритуальная площадь». Она представляет собой имеющую строго очерченные локальные границы платформу, к которой ведет парадная лестница. Архитектоника «Ритуальной площади» основана на иерархии ступеней, превращающих ее в своеобразный амфитеатр. В центре площадки на высоком пьедестале-саркофаге лежит фигура погибшего воина. Именно здесь были захоронены останки безымянного солдата из Грузии, погибшего на крымской земле в Аджимушкае. Композиция вызывает в памяти средневековые захоронения со скульптурными изображениями усопших.

На родной земле покоится погибший за пределами Грузии воин.

За его изголовьем на стене из красного гранита бронзовыми буквами выложены слова Верховного Главнокомандующего на русском и грузинском языках: «Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины», а также число погибших воинов из Грузии.

У основания саркофага горит вечный огонь — олицетворение бессмертия солдатского подвига.

Во внутренние лестницы, расположенные вокруг саркофага, врезаны по четыре пьедестала из черного гранита. На них восемь безмолвных теней воинов, словно пришедших сюда из прошлого, чтобы почтить подвиг юноши — соотечественника. Здесь тема любви к Родине находит свое дальнейшее развитие, наполняется большим общественным звучанием.

Не случайно в ансамбле общее число — девять воинов. Оно связано с историческим фактом павших «... на поле бранной чести»* девяти братьев Херхеулидзе.

Изобразительные средства, к которым прибегнул Г. Очаури, оригинальны. Он материализует такие понятия, как физическая боль, страдание, предельная стойкость воинов, отдавших свою жизнь за благородное дело защиты Отечества. Художественный образ эмоционально захватывает и подчиняет логике своей необычной композиции.

В соответствии с этой основополагающей концепцией

* Строка из стихотворения Г. Орбелиани «Заздравный тост».

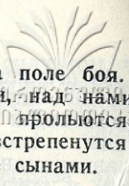
ей, образы воинов обобщены, но в то же время индивидуальны. Фигуры моделированы большими объемами: от них веет подлинной монументальностью.

В четкой ритмической фронтальности расположенные друг против друга фигуры воинов-теней образуют замкнутое пространство, создают поле напряжения. «Реквиемом» назвал скульптор свою центральную композицию.

Но жизнь продолжается. К совсем крохотному, но полному жизненных соков ростку обращено также благословение «Матери благодарящей». Перед торжественным лестничным маршем, ведущим к «Ритуальной площади», зрителя встречает небольшая скульптурная композиция «Будущее» в образе мальчика, сгибающего ветви с молодыми побегами дуба. Упругое тельце ребенка — это сконцентрированная энергия жизни, готовая распусться подобно листочкам из только что лопнувших почек дуба.

Строгий колорит ансамбля с одной стороны разряжается ярко — красным акцентом мозаичного фриза (скульптор З. Церетели), расположенного на граните у подножия каскада, который воспринимается как воинские знамена. Колорит обогащается вечно меняющейся цветовой палитрой времен года.

Подводя итог общему композиционному строю ансамбля, необходимо отметить сочетание контрастных начал в композиции: статичности, которая сковывает скульптуры «Ритуальной площади»

и саму фигуру «Матери благодарящей», и динамики в развевающемся мандили, в непрерывно текущем потоке воды.

Одной из сложных задач для скульптора в осуществлении замысла надо считать нахождение соответствующего масштаба всех пластических фрагментов ансамбля. Удачная авторская находка, на наш взгляд, — несколько увеличенные формы восьми воинов, поставленных на относительно высокие постаменты, что усиливает впечатление их ирреальности.

Интересна пластическая разработка скульптурных композиций, выполненных в разном стилистическом ключе: монументальны образы Матери-Родины и юноши-солдата, предельно лапидарна пластика воинов, реалистична трактовка фигуры ребенка. Но эта стилистическая разнородность не мешает цельному восприятию ансамбля.

Необходимо также отметить обращение Г. Очаури к грузинской поэзии, в которой, как в живительном источнике, черпает он свое вдохновение, находит «душу» своих композиций.

Слава пасть на поле боя.
Над погибшими, над нами,
Слезы матерей прольются,
И в могилах встрепенутся
Предки, гордые сынами.

Эти строки из стихотворения земляка Г. Очаури — поэта Бачана как нельзя более точно определяют основную тему мемориала.

Итак, открытое пространство, сильно выраженный рельеф местности способствовали созданию простой симметрично-осевой композиции, в которой темная, тронутая патиной бронза фигур, красный цвет мозаичного фриза, серый гранит ступеней, плит, черные акценты пьедесталов, стеклянная гладь водных перекатов, россыпи струй фонтанов и сама природа создали полную эпической мощи, индивидуальную в своем пластическом решении композицию.

Мемориал «Слава» — произведение истинно современное и глубоко национальное. Все его средства выразительности подчинены широкому и мощному звучанию главной темы — народного подвига, героической эстафеты поколений.

„РОСКОШНЫЙ ГРУЗИНСКИЙ БАС“

ОН ГОВОРИТ низким, необычно звучным для баса, красиво вибрирующим голосом, в котором есть что-то от природной стихии, что-то завораживающее, как в гуле ветра и шуме водопада, мешающее сосредоточиться на разговоре. Немного привыкнув к звучанию голоса, начинаешь слышать речь, настолько естественно-артистичную и далекую от закоснелых канонов театральной рутины, что невольно думаешь: наверно, драматический театр много потерял в лице Пааты Бурчуладзе, уступив его опере.

«Главное, — говорит Паата, — работа над образом. К сожалению, часть публики слишком поощряет в певцах демонстрацию бельканто, вокальной техники, умения эффектно взять высокую ноту. Скольких певцов испортил зал, слушающий только голос! Проникновение в сущность сценического образа есть то, что вы сейчас назвали бескомпромиссностью в искусстве. Оно же и творчество, требующее прежде всего интеллекта».

Эти слова не могут звучать банально, когда их высказывает оперный актер, который, добившись высокого мастерства кантилены, сумел соединить ее с образной мыслью и психологической интонацией.

Был конец октября, и Бурчуладзе только что вернулся с гастролей в Англии, где на этот раз солировал в «Реквиеме» Верди в лондонском «Роял фестивал холл», выступал с концертами и участвовал в записи оперы Верди «Сила судьбы».

«Роскошный грузинский бас», как его называет английская «Гардиан», получивший широкое признание соотечественников, в последние два года успел за рубежом превратиться в легенду. Комментируя его последние гастролы в Англии, зарубежная печать отмечала, что в «Реквиеме» Бурчуладзе вел басовую партию «с индивидуальным акцентом», местами с «трагическим благоговением», подтвердив, что его прошлогодний успех в новой постановке оперы Верди «Аида» в «Ковент-Гарден» далеко не случаен.

Голос Пааты зазвучал в тот вечер в полную силу — мы

слушали его первую пластинку, выпущенную в прошлом году в Англии. На пластинке — фрагменты из «Бориса Годунова» Мусоргского и опер Верди «Дон Карлос», «Макбет», «Симон Боканегра» и «Эрнани», записанные с национальными британскими оркестром и хором.

Бурчуладзе считается обладателем «темного» голоса, густого и одновременно прозрачного, но в роли Годунова голос певца — скорее эмоционально-светлый.

Как бы угадав мои мысли, Паата говорит: «Борис — не злодей. Более того, он удивительно чистый человек. Сколько раз я перечитывал Пушкина, чтобы убедиться в этом!».

За болью, страхом, отчаянием слышится в голосе Бориса духовная очищенность и цельность, наступающие после борьбы страстей, гармония личности, готовой подняться над мирской суетой.

А вот верховного жреца Рамфиса-Бурчуладзе в постановке «Аиды» в «Ковент-Гарден» в позапрошлом году называли «злорадным и мрачным», подчеркивая, что, создав в этой маленькой роли на редкость выразительный демонический характер, певец украл успех у всей труппы, включая «золотого» итальянского тенора Паваротти, спевшего партию Рамзеса.

Интересна индивидуальная трактовка Бурчуладзе известной арии Дона Базилио в «Севильском цирюльнике» Россини. Запета, казавшаяся уже изящным фарсом, она вдруг зазвучала истинным осуждением клеветы. Певец отказался от «узаконенной» кокетливо-гротескной манеры исполнения и вернул арии присущий ей драматический сарказм.

Чем ярче индивидуальность артиста, тем меньше он думает о личном приоритете, заботясь о гармонии произведения в целом.

«Вот здесь, — говорит Паата, — нужно спеть так, чтобы голос не сразу стал солировать, а постепенно и плавно отделялся от оркестра. Кстати, послушайте, как великолепно звучит оркестр!»

Оценивая выступление Бурчуладзе в «Реквиеме» Верди, специалисты отмечают, что чем больше певец сужал диапазон своего голоса, стремясь не заглушить других солистов, тем больше он доминировал. В последние годы голос Бурчуладзе вообще доминирует среди множества одаренных солистов в оперном и камерном репертуаре. В исполнении известного цикла Мусоргского «Песни и пляски смерти» отчетливо проявляется не только драматический, но и характерный темперамент актера.

В ближайшие три года он собирается петь в Ла Скала в опе-

рах Верди «Ломбардцы в крестовом походе» и «Набукко», а в Венском оперном театре — в «Луизе Миллер». В тбилиском театре спел в опере Верди «Дон Карлос». Кроме того, работает над партией Фиеско («Симон Бокканегра»), фрагменты которой звучали в исполнении певца еще в 1981 году на международном конкурсе «Вердиевские голоса» в Италии. В нынешнем году в Вене Бурчуладзе будет солировать в Девятой симфонии Бетховена.

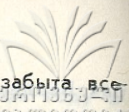
В эти три года его ждут Москва, Ленинград, Красноярск, Поволжье, Украина, Прага, Париж, Вена, Лондон, Мюнхен, Милан, Нью-Йорк и другие города.

Начиная с 1981 года, когда молодой Паата Бурчуладзе получил вторую премию на конкурсе «Вердиевские голоса» в Буссето, на родине Верди, и у нас, и за рубежом его считают певцом с большим будущим. VII Международный конкурс имени Чайковского в Москве, где Паата получил первую премию и золотую медаль, еще раз доказал это. Оценивая его выступление на конкурсе, народная артистка СССР Ирина Архипова назвала Паату «абсолютным победителем, ровно выступившим на всех этапах конкурса...» Сегодня он все еще молод, но говорить о нем как о молодом певце с большим будущим уже немного архаично.

Бурчуладзе — не только певец и актер со сложившейся индивидуальностью и опытом работы на оперной сцене. Это феномен в музыкальном искусстве, таящий в себе парадоксы. Его дерзкие контрастные переходы от мощных фортиссимо, волнующих в каждом регистре, до «медовых» пианиссимо озадачивают специалистов. Изумляет богатая окраска красиво сфокусированного тона, свойственная только более высоким голосам.

Хотя талант, при всей его очевидности, всегда тайна, он все же великодушно позволяет частично разгадывать себя. Все началось тридцать лет назад. Новорожденный был крупным ребенком — весил пять килограммов. Едва появившись на свет, он закричал густым басом, опровергая утверждение знатоков, что плачущие грудные дети все без исключения тянут ноту «ля» первой октавы одинаковым по тембру голосом.

Акушер, обращаясь к счастливой матери, воскликнул: «Шаляпин родился!» Мог ли он предполагать, что много лет спустя его подопечного с авторитетной серьезностью назовут вторым Шаляпиным крупнейший в мире дирижер и постановщик опер Герберт фон Караян... А пока мальчика назвали древним

грузинским именем, и шутка доктора была надолго забыта всеми, кроме матери новорожденного.

Не честолюбие, а любовь к музыке и материнская интуиция заставили Нуну Бурчуладзе трепетно прислушиваться к первым вокализам ее маленького сына. А это были и вправду вокализы, ибо, по утверждению близких, ребенок начал петь раньше, чем говорить. Мама, скончившая музыкальное училище по классу фортепиано, без труда обнаружила у сына музыкальный слух и чувство ритма. Мальчик любил петь, но учиться музыке не хотел, и в этом месте оборвалась бы история с пророчеством акушера, если бы не упорство родителей, настоявших на музыкальных занятиях сына. Ребенок был очень подвижен, и семья старалась занять все его время, ибо боялась, как бы из шалуна не вырос сорванец. Боялась напрасно, так как Паата был добрым мальчиком, к тому же хорошо воспитанным. Несколько раз родители пытались устроить его в детский хор или ансамбль, но его не принимали, поскольку он пел уже взрослым голосом. Закончив музыкальную десятилетку по классу фортепиано и вокала, Паата не захотел стать певцом, предпочтя потомственную профессию инженера-строителя. Почему? Музыкальное дарование уживалось со способностями к точным наукам, а ведь юноша еще увлекался плаванием, регби и баскетболом — даже входил в молодежные сборные Грузии по этим видам спорта. Поступив в Политехнический институт, он все же по воле родителей одновременно начал занятия в Тбилисской консерватории. И здесь, с помощью замечательного педагога, заслуженного артиста Грузинской ССР Дизи Хелашвили, пришло наконец чувство призывания.

В 1978 году, после окончания консерватории и Политехнического института, Паата после отборочного конкурса был отправлен на стажировку в Ла Скала, где три года занимался под руководством прославленной певицы Джульетты Симионато. Параллельно изучал итальянский, а главное — слушал, с упоением слушал итальянскую оперу.

Вернувшись на родину, он стал солистом Тбилисского театра оперы и балета, преподавал в консерватории, продолжая учиться. Его негласные наставники, консультанты и близкие друзья — солист Одесского театра оперы и балета Евгений Иванов и его жена Людмила Иванова, преподаватель одесской консерватории и концертмейстер, к стати, аккомпанировавшая Бурчуладзе на конкурсе имени Чайковского и удостоенная там звания лучшего аккомпаниатора...

Так все же нужно ли соглашаться с грузинским акушером и

австрийским дирижером, назвавшими Паату Бурчуладзе «вторым Шаляпиным»? Англичане, к примеру, оспаривают это заявление, считают, что Паата — первый Бурчуладзе.

Заявления эти сделаны с полной ответственностью, без малейшего намерения придать его успеху дешевую сенсационность. Караян, называя Паату «вторым Шаляпиным», по всей вероятности, имеет в виду, что в мировом оперном искусстве появилась новая фигура, почти столь же значительная, как Шаляпин. В этом контексте обе оценки фактически равнозначны и не противоречат друг другу. Тем не менее предвижу, что само упоминание имени великого Шаляпина рядом с именем Бурчуладзе кому-то покажется кощунственным нарушением традиции, согласно которой классики должны находиться вне конкуренции, на недостижимом пьедестале. От тех, кто не является блюстителем этой традиции, можно услышать, что несколько поколений любителей оперной музыки не имеют возможности сравнить современных певцов с Шаляпиным, так как знают последнего только по несовершенным записям. Кроме того, даже если судить по этим записям, очевидна разная тембровая окраска голосов Шаляпина и Бурчуладзе, так же как и сугубо индивидуальная манера пения каждого из них. И все-таки, пытаясь объективно оценить новое дарование в искусстве, часто прибегают к историческим параллелям.

Приведенное ниже подробное сравнение отзывов современников Шаляпина и Бурчуладзе о вокальных и актерских данных двух певцов может показаться читателю несколько утомительным, но зато дает любопытные результаты, не требующие почти никаких комментариев.

«Это настоящий басса-кантанта, удивительно ровный во всех регистрах, от природы красивого мягкого тембра, причем в верхах он отличается чисто баритональной окраской, легкостью и подвижностью... Поражает свобода, с которой идет звук» (Э. Старк о Шаляпине).

«...Поразительно звучный голос, устойчивый, с уверенно звучащими звонкими верхами, и все-таки настоящий бас по всему диапазону, массивный и могучий, ровный, со свободно идущим невымученным звуком» (английский музыкальный ежемесячник «Грамофон» о Бурчуладзе).

«.. Как его голос выгибался послушно и талантливо...» (В. Стасов о Шаляпине).

«Голос поразительного диапазона и твердости, по необходимости приобретает гибкую подвижность... теплый, благородный, красивый» («Гардиан» о Бурчуладзе).

Он «не разрывал мелодию на клочки, не стучал словами» (Б. Асафьев о Шаляпине).

«...пользуется голосом с авторитетным достоинством» («Грамофон» о Бурчуладзе).

Шаляпин понимал, что «восприятие музыкального образа в опере очерчено «крупным штрихом» в отличие от мелкой сценической техники драматического актера» (А. Пазовский о Шаляпине).

«Его могучий голос, его крупные звуковые мазки говорили об опыте работы на оперной сцене» (народная артистка СССР И. Архипова о Бурчуладзе).

«В «Демоне» Рубинштейна особенно поразительно представляется смена разнообразных оттенков звучности от грозного форте до нежного пиано» (Э. Старк о Шаляпине).

«...уж чересчур рискованно он полагается на резкие контрасты между полнозвучными фортиссимо и «медовыми» пианиссимо» («Гардиан» о Бурчуладзе).

«Он смеется, но откуда этот странный и страшный блеск в его глазах?» (Л. Андреев об исполнении Шаляпиным «Блохи» Мусоргского).

«В песню Мусоргского «Блоха» Бурчуладзе вложил воистину сардонический юмор...» («Дейли телеграф» о Бурчуладзе).

Если продолжить этот перечень сравнений, подтверждающий столь необычное сходство двух дарований, то к нему добавляются такие качества, как прекрасная дикция, умение пропевать согласные, вокальная и актерская универсальность. Понимание сценических образов тоже часто совпадает у двух певцов. Выше упоминалась принятая Бурчуладзе концепция образа Бориса, которого певец называет «человеком чистым», ссылаясь на трагедию Пушкина, где при всей сложности характера Годунова он все же показан убийцей. Шаляпин, как упоминается в статье Л. Лебединского, утверждал: «Согласно замыслу Пушкина и Мусоргского я играю преступного царя Бориса, но из знания истории я все-таки извлек кое-какие оттенки игры... Это знание помогает мне делать Бориса более трагически симпатичным». Проникнув в подтекст трагедии Пушкина и исторических фактов, действительно можно «извлечь оттенки игры», и все-таки не это здесь главное. Художник при всем стремлении к максимальной объективности в трактовке образа остается во многом субъективным, то есть играет либо самого себя, либо свой идеал.

Как отмечал В. Мейерхольд, анализируя именно образ Бориса в исполнении Шаляпина, «все недостойное, уродливое, низкое через шаляпинское преобразование является предметом эстети-

ческого наслаждения». К такой же «идеализации» образа без утраты художественной правды тяготеет во многом и Бурчуладзе. Можно, конечно, допустить, что, ознакомившись с соответствующей литературой и звукозаписями, Бурчуладзе просто принимает шляпинскую трактовку образа, но подражание лишило бы ее индивидуальной нюансировки, звучащей в каждой музыкальной фразе, а также той эмоциональной силы, которая впечатляет и является важнейшим показателем доподлинности.

Словесная оценка не может быть абсолютным мерилom ни в оценке вокально-актерских данных, ни в эмоциональном восприятии искусства, и все же она в значительной степени свидетельствует о том, что дарование Бурчуладзе во многом напоминает великий дар Шаляпина. Это объясняется отчасти совпадением природных данных, отчасти принадлежностью к одной оперной школе и традиции. Однако, как было сказано выше, речь идет все же не о втором Шаляпине, а о первом Бурчуладзе. Оригинальность художественного мышления последнего очевидна, и ключ к ней нужно искать, по-видимому, в таких не случайно повторяющихся определениях в адрес артистической манеры Бурчуладзе, как «благородная», «полная чувства собственного достоинства», «возвышенная», «торжественная», «благоговейная». Если говорить о личном восприятии лучших образов, созданных певцом, могу описать его как ощущение свободного парения голоса, возникшего как бы вне певца, где-то в необозримой выси, и разлитого повсюду. Голос то принимает причудливые образы, то опять растворяется в пространстве. Слышатся такая цельность восприятия и глубина обобщения всего сущего, какие в мире музыкальных тембров передает, пожалуй, только орган.

В статье «Стиль творчества Шаляпина» Э. Старк пишет: «Бывают таланты двух категорий: одни, появляясь внезапно, сразу вспыхивают ослепительным светом, ...и потом как-то опадают, дальнейшая деятельность их идет большей частью как бы подогретая воспоминаниями; другие же ...попадают в настоящую колею творчества и, неустанно совершенствуясь, наконец распускаются пышным цветом...» Есть все основания верить, что тридцатилетний Бурчуладзе, добившийся уже блестящих успехов, принадлежит ко второй категории талантов. Специалисты подсчитали, что к тридцати пяти годам он споет весь репертуар, составляющий золотой фонд мирового оперного искусства. Что же дальше? Бурчуладзе отвечает на этот вопрос просто и ясно: «Буду петь все те же арии, но по-новому: ярче, интересней».

«ГОДЫ — КАК СТРАНИЦЫ КНИГИ...»

ВЕЧЕРА грузинской поэзии в Москве стали доброй традицией и неотъемлемой частью культурной жизни столицы. Об этом говорил секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда Михаил Алексеев, открывая встречу с Хута Берулава, которая состоялась в Октябрьском зале Дома союзов ВЦСПС.

Подлинным праздником поэзии назвал этот вечер народный поэт Башкирии Муштай Карим. Именно богатейшая история грузинской литературы, подчеркнул он, налагает на продолжателей традиций Руставели, Гурамишвили, Бараташвили, Важа Пшавела, Галактиона Табидзе особую ответственность. Любовь к родной земле, к родному языку, как отличительную черту поэзии Хута Берулава, отметил член-корреспондент АН СССР Георгий Ломидзе.

Гостя из Грузии тепло приветствовали писатели, в свое время учившиеся вместе с ним в Литературном институте имени Горького. Воспоминаниям молодости, первым шагам на литературном поприще было посвящено выступление известного русского поэта Константина Ваншенкина.

Взволнованно и горячо приветствовал друга композитор Отар Тактакишвили. На вечере звучал волшебный голос Зураба Соткилава.

Свои переводы стихов поэта прочитали «товарищи по ору-

жию» Михаил Львов и Владимир Цыбин. О роли грузинского поэта в развитии советской детской литературы говорили Ю. Яковлев и В. Александров.

На гражданственность и острую современность стихотворений и поэм Х. Берулава обратили внимание собравшихся московские писатели Виктор Тельпугов и Андрей Дементьев, связанные с Грузией давней дружбой.

На грузинском языке стихотворение «Кариата» читала артистка Элдино Сагарадзе. В переводах на русский язык стихи Х. Берулава прозвучали в исполнении Софико Чиаурели, Котэ Махарадзе, Нелли Киласонидзе и Бориса Казинец. Их сменила композитор Нуну Дугашвили, переложившая на музыку стихи многих грузинских поэтов. Напоминанием о польском цикле стихов был воспринят вальс Шопена.

Дыхание Грузии ощущалось всеми присутствовавшими на этом вечере. Особенно взволновала их зачитанная на этой творческой встрече телеграмма, которую прислала 93-летняя мать героя Чичико Бенделиани, подвиг которого Хута Берулава воспел в стихах, облетевших всю Грузию и ставших истинно народными.

— Огромный интерес к грузинской литературе, — сказал в заключительном слове председатель правления СП Грузии, член - корреспондент АН ГССР Георгий Цицишвили, — налагает на нас особую ответственность.

Хута Берулава горячо по-

благодарил всех участников вечера. Ведь каждая такая встреча с взыскательной и доброжелательной московской публикой — всегда и испытание, и радость.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛАУРЕАТОВ!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ Комитет КПСС и Совет Министров СССР, рассмотрев предложение Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры при Совете Министров СССР, приняли постановление «О присуждении Ленинских премий 1986 года в области литературы, искусства и архитектуры».

Среди награжденных:
ЧХЕИДЗЕ Реваз Давидович, народный артист СССР, режиссер и автор сценария, ЖГЕНТИ Сулико Ильич, заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, автор сценария, АХВЛЕДИАНИ Ломер Еидзинович, народный артист Грузинской ССР, оператор, ЧХЕИДЗЕ Темур Нодарович, народный артист Грузинской ССР, исполнитель главной роли, удостоенные Ленинской премии за художественный фильм «Твой сын, земля».

ВЕЧЕР ПОЭЗИИ Т. ТАБИДЗЕ

В КЛУБЕ молодых ученых Тбилисского педагогического института имени А. С. Пушкина состоялся вечер памяти выдающегося грузинского поэта Тициана Табидзе.

На вечере звучали стихи поэта, которые читали студенты научного кружка русской литературы института,

народная артистка Грузинской ССР Медея Джапаридзе. Среди гостей были дочь поэта Нита Табидзе, известный писатель и кинорежиссер Р. Табукашвили, популярная исполнительница старинных романсов Ц. Дадиани, переводчица Н. Соколовская.

ГРУЗИНСКАЯ КНИГА: ЕЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

ЗАДАЧИ трудовых коллективов системы Госкомиздата Грузинской ССР по выполнению решений XXVII съезда КПСС и XXVII съезда Компартии Грузии обсудило расширенное заседание коллегии комитета. В его работе приняли участие руководители издательств, полиграфических предприятий, книготорговой сети.

Участники коллегии заслушали доклад председателя Госкомиздата республики В. Бакрадзе.

На коллегии выступил заместитель председателя Госкомиздата СССР В. Сластенко.

Итоги заседания коллегии подвел секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе.

По-деловому, принципиально, с партийных позиций участники расширенного заседания обсудили итоги прошедшей пятилетки, текущие дела, пути устранения все еще имеющих недостатков, определили перспективы развития книгоиздания в республике. Отмечалось, в частности, что за минувшую пятилетку издательства системы добились рентабельности работы.

Участники заседания заострили внимание на необходимости повышения идейно-художественного уровня издава-

мой литературы, усиления ответственности всех и каждого за порученное дело, широкой пропаганды решений XXVII съезда КПСС и XXVII съезда Компартии Грузии. Разработан перспективный план издания литературы, посвященной пропаганде решений съездов.

Предметом особой тревоги продолжает оставаться книга для детей и юношества, которая отнюдь не всегда отвечает требованиям сегодняшнего дня. Для улучшения качества издания детской книги ведется работа по укреплению материально-технической базы издательства «Накадули».

Выступившие констатировали, что все еще бывают случаи выпуска книг, не обладающих ни художественными, ни научными достоинствами, совершенно не отвечающих широким общественным интересам, не отражающих важнейших процессов нашей жизни. Не всегда на должном уровне редактируются и корректируются издания. Руководство комитета сочло нужным создать при Госкомиздате республики группу рецензентов в составе высококвалифицированных специалистов по отраслям.

Участники заседания коллегии со всей серьезностью проанализировали современное состояние полиграфических предприятий, их деятельность.

Говорилось, что все еще низка исполнительская дисциплина.

Выступившие подчеркивали важность постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дополнительных мерах по укреплению материально - технической базы книгоиздательского дела и ускорению научно - технического прогресса в полиграфическом машиностроении», которое открывает большие перспективы перед отраслью в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года.

С чувством удовлетворения отмечалось, что книгоиздатели республики ощущают постоянную помощь и поддержку Центрального Комитета Компартии Грузии, правительства республики, Госкомиздата СССР. Их деловое, принципиальное рассмотрение вопросов во многом способствует успеху дела. В сложной и ответственной работе по выполнению решений XXVII съезда КПСС и XXVII съезда Компартии Грузии, направленных на улучшение книгоиздательского дела в республике, очень многое зависит от активности каждого звена системы. Эти актуальные задачи, определяющие завтрашний день нашего книгопечатания, требуют от издателей и полиграфистов напряженной и творческой работы.

Сдано в набор 18.III.86 г. Подписано к печати 28.IV.86 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14,0. УЭ 06630. Тираж 6 000 экз. Заказ 692. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

**КОНТРОЛЬНЫЕ
ЭКЗЕМПЛЯРЫ**

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), М. Ю. ЛОХВИЦКИЙ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

26-86

86-300

ИНДЕКС 76117

ՀԱՄԱՅՆՔԻ
ՆՈՅՆԱՐԱՄՈՅՆ

